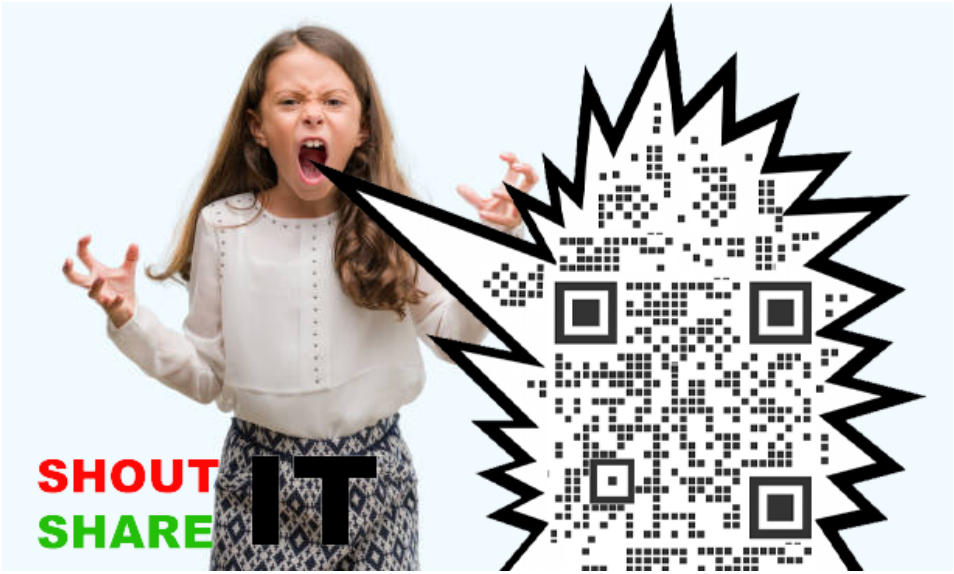
навигатор для родителей

ШКОЛА: ВСЁ ПОЛУ-ЧИТСЯ!

от школьного психолога
Елены Лутковской

никея


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Усилий по подготовке к школе сегодня становится все больше, а дети приходят в нее все менее готовыми. И часто напряженный учебный темп с все возрастающей нагрузкой не развивает ребенка, а, напротив, истощает и лишает мотивации к обучению и развитию. Книга поможет родителям разобраться в самых острых вопросах младшей школы: готов ли ребенок к обучению; что такое индивидуальный образовательный маршрут; как выбирать школу и первого учителя; как строить партнерские отношения с учителями и администрацией школы. Автор книги – детский, семейный психолог Елена Лутковская специализируется в области проблем адаптации к школе.

- Елена Лутковская
  -
  - От автора
  - Глава 1
    - Что на самом деле является подготовкой к школе
      -
      - Саморегуляция – всему голова
      - Мотивация – смысл и «топливо»
      - Интеллектуальное развитие – «телега впереди лошади»
    - Что еще могут сделать родители для подготовки своего ребенка к школе
    - Как понять, готов ли ребенок
    - Как перестать беспокоиться и начать жить
    - Нужно ли отдавать ребенка в сад
    - Нужно ли вести в школу шестилеток
    - Стоит ли отдавать ребенка на подготовку к школе
    - Что делать, если ребенку уже исполнилось 7 лет, а в школе считают, что он не готов. Индивидуальный образовательный маршрут
  - Глава 2
    - Основания для выбора
    - Вчера-сегодня: история формирования современной школы
    - Какие бывают школы
    - Частная или государственная
    - Православная или обычная

- Техника выбора школы
- Держаться ли принципа «пешей доступности школы»
- «Школа по остаточному принципу»
- Школа «по наследству»

○ Глава 3
-
- Как выбирают педагогов родители, а педагоги – учеников
- О чем спросить учителя на первой встрече
- Стоит ли дожидаться «учителя своей мечты»?

○ Глава 4
- Почему школьная тема с каждым годом вызывает все больше беспокойства
  -
  - «Время сверхскоростей»
  - «Школьный стандарт не готовит к будущему»
  - Жизнь без тревоги
  - Домашнее задание родителям

○ Глава 5
- Уроки: чьи они, мои или моего ребенка?
- Чем и как помочь ребенку

○ Глава 6
- В чем заключается адаптация
- В школу – всей семьей
- Чем помочь ребенку
- Роль учителя
- Как понять, что ребенок адаптировался к школе
- Кружки и секции
- Что делать, если ребенок так и не смог вписаться в школьную жизнь

○ Глава 7
- Важны ли оценки
- Как подружиться с оценками
- Оценки как угроза чести и достоинству
- Двойки-тройки: как быть

○ Глава 8
- Научить дружить
- В классе – ребенок с особенностями
- Конфликты, драки и травля

○ Глава 9
- Неблагополучие – что это такое
- Как проявляются проблемы

        - Что делать с появлением тревожных признаков
    - Глава 10
        -
        - Сфера эмоций и воля под угрозой
        - Внутренним мир и мотивация в опасности
        - Мир книг теряется и пропадает
        - Какую позицию по отношению к гаджетам можно занять?
        - Давать ли ребенку с собой в школу телефон?
        - Что же делать родителям? давать или не давать детям цифровые устройства? Разрешать или не разрешать?
        - Гаджеты – искушение для родителей
    - Глава 11
        - Какие навыки должны быть сформированы у ребенка к концу начальной школы?
        - На что я, как родитель, должен обращать внимание?
    - Об авторе
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

Елена Лутковская
Школа: всё получится! Навигатор для родителей от детского психолога

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви

ИС Р19-820-0776

От автора
Счастливого вам плавания!

Тема школьного образования всегда волновала умы и сердца, причем не только педагогов, но и обычных людей. Однако никогда за всю историю человечества родители не были так сильно вовлечены в образовательные проблемы своих детей. В эту сферу вкладывается множество ресурсов – времени, денег и усилий. И как часто результаты этих усилий не устраивают ни родителей, ни школу. А главное – невооруженным глазом видно, что у детей появляется все больше проблем в разных аспектах школьной жизни. Родители не вылезают из школьных чатов, знают наизусть авторов всех учебников и ходят на курсы «Как научить ребенка учиться». При этом у современных школьников все чаще встречаются трудности с мотивацией, они не хотят ходить в школу, не усваивают программу и не справляются со своим собственным поведением. Обычно основные проблемы появляются у детей в средней и старшей школе. Но я специально решила начать разговор с начальной. Потому что корни разнообразных трудностей часто лежат в более раннем периоде, еще в дошкольном детстве.

Последние несколько лет я работаю психологом в православной школе в Подмосковье и активно консультирую московские школы, провожу семинары, выступаю с лекциями и веду частную практику. Я вижу, что и школа, и родители находятся в сильном напряжении и тревоге. Эти переживания затрудняют диалог, и в результате все участники образовательного процесса, а главное, сами дети оказываются в зоне повышенного риска.

Я очень надеюсь, что эта книга поможет родителям сделать пространство начальной школы более понятным и предсказуемым. Снизит тревогу и позволит замедлить темп образовательного забега, который может сильно осложнить жизнь. Мне бы хотелось вернуть и детям, и родителям право получать удовольствие от детства. И не превращать время подготовки к школе и первые годы в ней в тяжелый бессмысленный труд. А еще я надеюсь, что знакомство родителей с разнообразием школ и педагогических подходов, с критериями выбора повысит вероятность точного совпадения семьи и школы. Благополучие ребенка напрямую связано с благополучием его родителей. Поэтому так много внимания в книге уделяется теме снижения школьной тревоги у членов семьи ребенка, прояснению

их ожиданий и ценностей. Я постаралась обозначить круг специалистов, которые могут стать поддержкой для родителей в поиске верного образовательного маршрута для их ребенка.

Родители часто задают мне вопросы, помогать ли ребенку с домашними заданиями, как относиться к школьным оценкам, чтобы воспитывать в детях ответственность. Главы, посвященные этим темам, позволят снизить накал страстей, а кому-то, возможно, помогут избежать проблем в этой области.

Общие принципы, закономерности и рекомендации проиллюстрированы в книге примерами из моей практики. Но не только. Ключи к решению задачи по вовлечению детей в мир образования мы будем искать в прекрасной художественной литературе.

И в заключение – несколько слов благодарности. Я благодарю главного редактора издательства «Никея» Владимира Лучанинова за помощь в работе. Его живой интерес к теме психологического благополучия ребенка в школе вдохновлял меня на работу над книгой. Также я выражаю свою признательность редактору Анне Симкиной. Меня восхищает ее волшебная способность превращать отдельные тексты в книгу. Я благодарю всех моих коллег, которые подбадривали меня в моем начинании.

В особенности – замечательного психолога Татьяну Климову, непревзойденного мастера психологической поддержки.

И моя отдельная благодарность – директору школы «Образ» Татьяне Юрьевне Смирновой за радость совместного творчества в школьном пространстве.

Я также буду признательна за отклики на книгу от всех специалистов, работающих в сфере образования. Счастливого вам плавания по морям образования.

Ваш штурман -
психолог Елена Лутковская

Глава 1
Как подготовиться к школе

Что на самом деле является подготовкой к школе

Главная драма подготовки к школе сегодня – в том, что она требует все большего количества усилий, а уровень готовности детей «на входе» все ниже. Педагоги, родители – все признают этот феномен, но такое впечатление, что сделать с этим они ничего не могут. Как бывает в дурном сне, когда ты хочешь проснуться и не получается.

Основных причин такого положения дел несколько, но в этой книге мне хотелось бы отметить две самые существенные.

✓ Первая – тревога родителей. На рациональном уровне мы понимаем чрезмерность наших вложений, но внутреннее неосознанное беспокойство запускает процесс суетливого бега в колесе. Родители мчатся толпой, и страшно сойти с дистанции.

✓ Вторая – изменения характера жизни детей и взрослых. Разрушение нормального уклада семьи привело к тому, что в ней почти не осталось места для совместного общения, общих дел и игр.

Этот дефицит родители стараются компенсировать на стороне. Они отдают детей на бесконечные бессистемные развивающие занятия.

Как психолог, я наблюдаю печальные результаты «образовательного забега» родителей каждую весну и осень. И мне очень трудно обсуждать с ними эти итоги. Потому что я знаю: к тому моменту, как они дошли до моего кабинета, было истоптано три пары сапог. Ведь к психологу приходят очень хорошие родители, которые искренне пекутся о будущем своих детей. И как сказать им, что их ребенок, несмотря на все их усилия, еще не готов к полноценному включению в учебный процесс?! Но, с другой стороны, я обязана ответить на запрос, с которого начинается консультация: «Проверьте нас на готовность к школе».

Итак, что я, как психолог, имею в виду, когда говорю о подготовке к школе. Конечно, не умение считать, писать и читать длинные сложные тексты. Все эти умения – плоды обучения ребенка, о которых пока рано говорить. Школу в первую очередь интересуют результаты воспитания и развития, потому что именно они создают условия для обучения. На самом деле, готовность к школе состоит из трех основных условий: *саморегуляции, мотивации ребенка* и *уровня его*

интеллектуального развития.

Родители хорошо помнят про третью, последнюю, составляющую, все силы тратятся на ее тренировку. В результате саморегуляция и мотивация формируются недостаточно, но без них подготовки к школе не бывает.

Саморегуляция – всему голова

В первую очередь нас интересуют навыки *саморегуляции.* То есть способность ребенка управлять собой и контролировать свое поведение. В школе ему придется столкнуться с множеством сложных задач. Нужно вовремя приходить в класс, подстраиваться под коллективный темп занятий, слушать и слышать учителя. Для того чтобы у ребенка все получилось, у него «должна» быть способность понимать смысл правил и умение их соблюдать, удерживать полученные инструкции и контролировать свои действия. «Должна» я беру в кавычки, потому что на самом деле школьник нам ничего не должен. Но для того, чтобы он мог учиться сам, будущему первокласснику требуется способность выделять обращенную к нему речь педагога из бурного потока классной жизни. А еще – самому организовывать свои занятия. Большинство тестов на готовность к школе включают задания, выполнение которых потребует от ребенка удерживать внимание, напрягать память, управлять зрительным восприятием. Например, его могут попросить скопировать домик, отдельные детали которого похожи на прописные буквы. Нужно различить, из каких элементов состоит рисунок, соотнести их форму, величину, держать в руках карандаш и срисовывать домик. Как мы видим, выполнить эту задачу без осознанных действий невозможно. Ребенок должен овладеть к этому моменту планированием и контролем хотя бы на начальном уровне, его деятельность[1] должна быть целенаправленной. Многим детям это пока не под силу.

> Для нас, специалистов, саморегуляция – очень важный навык. Это фундамент, на котором потом будет строиться все образовательное здание. И если с фундаментом у нас есть какие-то проблемы, то, соответственно, наша постройка будет стоять косо. Опытные педагоги отмечают, что в первую очередь у детей сегодня страдают именно навыки саморегуляции.

От чего зависит эта способность и почему у современных детей появился пробел в этой области? Критическое значение для

ее развития имеют *правила и границы в семье, игра и совместные занятия со взрослыми.*

Правила и границы в семье

Связь саморегуляции ребенка с тем, какие нормы приняты семье, более очевидна, чем все остальные условия в нашем списке. Их значение для будущей жизни ребенка в мире людей, как правило, родителям понятно. Трудности возникают скорее с исполнением.

Замечательный педагог Януш Корчак писал: «Детское „Дай“, даже просто протянутая молча рука должны столкнуться когда-нибудь с нашим „Нет“, а от этих первых „Не дам, нельзя, не разрешаю“ зависит успех целого и огромного раздела воспитательной работы» [2].

Конечно, это непростая и творческая задача для родителей – придумать ясную и устойчивую систему правил, которые будут помогать малышу осваивать мир.

> Создать условия, чтобы ребенку хотелось слушаться взрослых, чтобы, за исключением естественных для детей «островков» капризов и упрямства, он хотел сотрудничать, а не бороться по каждому поводу, – это и есть настоящая подготовка к школе.

Моя психологическая практика показала, что разумные ограничения, если их правильно вводить в жизнь ребенка, развивают, а не подавляют. Они помогают сделать мир понятным, стабильным и безопасным. Выстраивают правильную иерархию в голове ребенка. В ней есть область, в которой решения принимают только мама и папа, но есть и достаточно свободы для самостоятельности. Слово «послушание» для современных родителей звучит старомодно. Со всех сторон их поучают, как важна свобода для маленького человека. Но жизнь ребенка, не умеющего слушаться в школе, полна страданий, без преувеличения. Непонимание или игнорирование внешних требований ведет его не к подлинной свободе, а к проблемам в отношениях с другими людьми. В школе ему предстоит столкнуться с обществом, с его системой норм и правил, и способность понимать и соблюдать их облегчит его жизнь. Это не значит, что он должен стать «удобным» для взрослых, безвольным и бесправным. Речь о его праве оставаться ребенком и не нести полноту ответственности за все выборы своей жизни. Он пока к этому не готов. Для того чтобы научиться полностью справляться

с жизнью, ему нужно научиться справляться с собой. И без взрослых ребенку в этом деле не обойтись.

Мне бы очень хотелось вернуть родителям право быть родителями. Главная проблема, как обычно, состоит в том, как найти баланс и не впасть в крайности. Об этом написаны сотни книг, но готовые рецепты психологов иногда разрушают контакт с ребенком и подрывают веру родителей в себя. В чудесной детской книжке «Таинственный сад» Фрэнсис Бёрнетт дано много подсказок на этот счет, поэтому я рекомендую ее не только детям, но и родителям. Не главная, но очень важная героиня этой книжки, многодетная мама, обладающая замечательным педагогическим чутьем, замечает: «Хуже нет, когда ребенку ничего не разрешают – или, наоборот, разрешают все. Еще не известно, которое из этих двух зол злее»[3]. Желаю родителям вдохновения, мудрости и сил, чтобы еще до школы привить ребенку понимание важности правил.

Игра

Еще одна важная помощница в деле развития саморегуляции. Если эта связь выглядит неубедительно, давайте вспомним, где ребенок-дошкольник может столкнуться с правилами. Причем так, чтобы их хотелось выполнять. Конечно, в игре. Некоторые родители помнят, как здорово было в детстве выбежать во двор, где разные компании детей играли постоянно. И вот тебя приняли к старшим… Как важно было понять и в точности соблюсти правила! Если кто-то не хотел этого делать, капризничал, то есть *не принимал условия* игры, его считали «маленьким».

Где ребенку захочется управлять своим вниманием, воображением, выстаивать последовательность действий, а значит, управлять своим поведением? Опять же – в игре. Разворачивается сюжет: ты ведешь свой отряд в разведку. Конечно, всем нужно идти тихо, внимательно смотреть по сторонам, быть готовыми встраивать в игру неожиданные действия «противников». Такая игра называется сюжетно-ролевой. Она, по мнению многих исследователей, вносит ключевой вклад в развитие навыков саморегуляции[4].

Основа игры – пространство свободы и инициативы ребенка. На развивающих занятиях воспитатель или педагог вводит игровой элемент. Это хорошо, что занятия проводятся в игровой форме. Но если игры всегда организуются взрослыми, этого недостаточно. Ведь ключевое значение имеет инициатива

ребенка. Он сам должен выстаивать сюжет и сам же должен следить, чтобы его поведение, реакции соотносились с ролью, с внутренними, заданными правилами. Для этого ребенку, конечно, нужно иметь в голове образ этой роли, понимать, как ее разыгрывать «понарошку», уметь удерживать в голове два плана событий. Об этом известный ученый Лев Семенович Выготский[5] с восхищением писал: «В игре ребенок одновременно плачет, как пациент, и одновременно радуется, как играющий»[6]. На этот опыт ребенок сможет опереться, когда ему нужно будет одновременно сдерживать естественное детское желание побегать по классу и радоваться, что он уже взрослый и может сидеть за партой как ученик.

Вот пример игры, имеющей прямое отношение к подготовке к школьной жизни. Дети играют в игру с правилами – «Колечко-колечко». Все стоят рядком со сложенными лодочкой ладонями. Водящий пропускает между их руками свои и незаметно отдает одному из них колечко. Счастливый обладатель сокровища очень горд и возбужден, но ему нужно дождаться, пока водящий доберется до последнего участника игры. Он может обнаружить себя только после слов: «Колечко-колечко, выйди на крылечко». При этом нашему малышу нужно управлять своими эмоциями, чтобы не выдать свою тайну. Ведь иначе он будет раскрыт и его удержат товарищи по игре.

Как много задач развития решается в такой игре! Ведь нужно еще суметь справиться с собой, со своим состоянием, если уже второй круг колечко достается не тебе, а так хочется получить его хоть ненадолго»!.. Совладать со своими чувствами, не обидеться и принять правила ребенку помогает само желание оставаться в игре. Детям четырех-пяти лет бывает сложно удержать правила. А вот шестилетки с игровым опытом справляются. И участвуют в таких забавах с огромным удовольствием. Ох, как пригодится им этот опыт в школе.

Если ребенок никогда не принимал на себя какую-то роль и не научился удерживать в голове правила, ему будет трудно управлять собой. Тогда в дело постоянно придется включаться взрослым. Как школьный психолог, я часто бываю на уроках не только в школе, где работаю, но и в других учебных заведениях. Жалобы педагогов и родителей похожи – проблемы с саморегуляцией детей. Год от года маленьким ученикам все труднее справляться с задачей не выкрикивать ответ с места. Некоторым детям так сложно пережить, что учитель вызвал не их,

а кого-то другого, что они больше не могут участвовать в том, что происходит на уроке. Обиженные «отключаются», выпадают из дальнейшего обучения.

Если такая простая вещь, как игра, помогает ребенку в школьной жизни, то как включить его в игру? Действительно, такая сложная форма игры – с правилами, сюжетом и ролями – появляется в жизни ребенка не сразу. Все начинается с того, что он, осваивая мир, учится что-то делать с предметами. Ребенок поражается тому, что может на них влиять. Он кидает игрушки из манежа, и они шумно падают. Родителей это может страшно раздражать, но ребенок занят важнейшей работой. Отдайте ему игрушку обратно, пусть снова кинет – знаете, это тоже в какой-то степени подготовка к школе. Затем ребенок учится управлять собой – ползет к новой игрушке, тянется к погремушке. Потом в его жизни появляются первые сюжеты. Родители или другие близкие взрослые разыгрывают с ребенком игровые действия – кормят куклу, катают машинку. Не скупитесь, делайте это эмоционально, вовлекайте ребенка. Параллельно у него развивается речь, и игра помогает ему в этом. Можно говорить с ребенком от лица разных игрушек, оживляйте персонажей, так ему будет интереснее.

По мере того как ребенок растет и развивается, он открывает в себе способность к воображению. И тут уж начинает осваивать роли. Как мальчик четырех лет, он пока не может стоять ровно и не двигаться. А как стойкий оловянный солдатик – он стоит по стойке смирно и сам удерживает себя в этом положении. Ему важно ваше удивление и восхищение. Ваша старая одежда и ненужные вещи из кладовки отлично подойдут для создания новых образов, как реквизит в игре. Пригодятся шляпы, очки, старый папин портфель или мамины бусы – все это сокровища. Режиссерская игра связана еще с богатством воображения.

А разнообразие сюжетов зависит от того, с какими историями уже познакомили его взрослые, как научили встраивать их в игру. Если ребенку интересно разыгрывать сюжет, он будет охотнее запоминать детали истории, а значит, развивать память и внимание. Они нужны нам для формирования саморегуляции. Сюжетно-ролевая игра появляется на сцене позже, потому что она – сложнее всего. Тут нужно держать в поле внимания и сюжет, и себя самого и как-то взаимодействовать с другими. Не случайно современные дети сейчас редко играют в такие игры. А игры с правилами вызывают у старших дошкольников большие затруднения.

Это вполне объяснимо, если мы приглядимся к тому, как устроено детство современных дошкольников. Мы увидим, что

возможностей поиграть у них совсем немного. Дворов, где дети могли бы свободно забавляться вместе, в крупных городах почти не осталось. Во многих детских садах и развивающих центрах такая форма занятий, как сюжетно-ролевая игра, по разным причинам отсутствует. Среди них – и коммерческие соображения, и неумение педагогов дошкольной системы воспитания играть и обучать игре, и ориентация на другие подходы к развитию ребенка. Получается, что главная форма занятий, которая развивает способность управлять своим поведением, часто недоступна дошкольникам.

Еще одна трудность с игрой вызвана тем, что мамы и папы, родившиеся в девяностые годы, могли сами пропустить этот этап развития. Ведь со многими из них не играли: их родителям было тогда не до этого, а идея выпустить ребенка во двор в крупных городах уже признавалась небезопасной. Но есть и хорошая новость: способность играть есть в каждом взрослом. Есть книжки, сайты, обучающее видео и даже специальные курсы и пособия для родителей. Однако я, как обычно, предложу для вдохновения художественную повесть «Сахарный ребенок» Ольги Громовой. Там есть чудесное описание детства главной героини. Оно было наполнено играми со взрослыми и разными другими общими интересными затеями, которые очень пригодились девочке в школьные годы.

«Родители оба работали, и работали много. Но когда они были дома, а я еще не спала, казалось, что все их время принадлежало мне. Ни разу я не слышала „отойди“, „займись своими игрушками“, „мне некогда“, „поговорим потом“. Сейчас мне кажется, что мы все время играли.

…Сегодня за ужином мы попали в волшебную страну эльфов и гномов, где, как всем известно, в кисельных берегах текут молочные реки. В глубоких тарелках с крутым ярким ягодным киселем и налитым по краям молоком нужно „пропружать“, прокладывая русла для молочных речек в кисельных берегах. Если не торопиться и действовать аккуратно, в тарелке получится карта страны с озерами, реками, ручьями и океаном вокруг. Мы долго возимся, а потом сравниваем, у кого лучше получилось: у меня, у мамы или у папы. Папа даже умудрился построить какую-то гору из киселя и уверяет, что именно из нее течет вот эта молочная река. Пока мы рассматриваем картины в тарелках, гора расползается и получается мутное море. Мы с мамой смеемся, а няня ворчит: „Ну, собрались младенцы – баловство одно“.

…Мама обычно читает или рассказывает мне удивительные истории из жизни разных богов, героев, волшебников, да еще на разных языках. А папа редко рассказывает „правильные“ сказки, то есть народные или литературные, – чаще на ходу сочиняет…Мама очень хорошо рисовала и нередко во время рассказа набрасывала рисунок…На стенах в доме висели две карты: политическая карта мира – в большой комнате и громадная карта двух полушарий – в детской. Вторая висела так низко, что мне было видно все, что там нарисовано. Карту можно было снять и положить на пол.

Любимая наша игра – „Где кто живет“. Мы все ложились на пол вокруг карты мира и расставляли на ней, например по Африке, кубики с африканскими картинками. Попутно мне рассказывали разные истории об обычаях, о населении, о климате, о путешественниках, об истории этих стран.

На ходу придумывались новые игры: сделанные из бумаги кораблики приплывали к Берегу Слоновой Кости, захватывали негров, везли их через океан и продавали на невольничьем рынке в Америке, где Линкольн негров освобождал. Все игры заканчивались победой добра над злом.

В выходной, накрывая большой овальный стол к обеду, мы играли в Круглый стол короля Артура и его доблестных рыцарей. Ну и, конечно, доблестный Ланселот – я – не мог за обедом капризничать, чавкать или плохо справляться с ножом и вилкой.

Много играли в стихи. Если со мной гуляла мама, то в ее памяти всегда находилось какое-нибудь красивое стихотворение про то, что мы видели: птиц, собак, траву, деревья, грозу, дождь, весну, лето, осень, зиму – практически про все. Стихи были красивые и легко запоминались. Позже мы играли – кто первый вспомнит стихи про то, что мы видим.

Иногда все вместе играли во времена года. Например, в „Осень“, читая по очереди строчки из стихов про осень. Играли на равных: я помнила к тому времени много стихов, а родители никогда не читали те, которые были уже известны мне.

Вообще стихов мы читали много. Любимые стихотворные сказки перечитывались столько раз, что я успевала выучить их наизусть. Потом мы рассказывали эти стихи и сказки друг другу: мама мне – одну строчку, я ей – следующую.

Но самая лучшая игра начиналась, когда в Москву

приезжал дядя Лапа! Мамин брат жил в то время в городе Горьком и изредка бывал в столице в командировках. Это был большой праздник… с дядиным приездом все в доме становилось вверх ногами. Из стола и стульев строились крепости, фрегаты, караваны верблюдов и вообще все, что было нужно. Мы открывали Америку, шли через пустыню за сокровищами, штурмовали Бастилию и на ее обломках пели по-французски „Марсельезу“»[7].

Конечно, сейчас такой пример читается почти как фантастика. Если взять его за образец для подражания, мы не получим ничего, кроме чувства вины, потому что родителей, ему соответствующих, можно занести в Красную книгу.

Скорее, этот высокий ориентир можно использовать для углубления нашего родительского понимания, как устроено личностное развитие ребенка и какие действия взрослых могут повлиять на его желание учиться.

Одна из самых распространенных жалоб со стороны родителей – нет сил играть с ребенком. Так может быть, у родителей уже достаточно разных обязательств? Ситуацию вполне удастся компенсировать, если вы найдете пространство, где ребенок может проводить время, играя. Главное – помнить, что у него есть потребность в разнообразных видах игры.

В основном современные дети играют лишь с электронными устройствами или конструкторами «Лето». Но по своему развивающему потенциалу их невозможно сравнить с «Казаками-разбойниками» или развернутой игрой в космонавты в группе ребят.

Я как-то принимала участие в работе психологической лаборатории, исследующей качество современных игрушек. При всем разнообразии, не так-то просто оказалось найти те, что действительно развивают игру ребенка.

К отсутствию у детей возможностей поиграть стоит еще прибавить серьезные изменения в обществе. Речь о сильном ослаблении общественных норм и принципов воспитания. Каким образом учителям послевоенной советской школы удавалось вести уроки в тишине, в неподготовленном классе из сорока пяти человек? Просто в те времена очевидностью и строгостью правил был пропитан сам воздух, которым дышали дети. Можно долго спорить о преимуществах и перекосах в советском воспитании.

Но факт в том, что сегодня общество потеряло право воспитывать ребенка и что-то требовать от него.

К сожалению или к счастью родителей, ответственность за воспитание все больше ложится на их плечи. При этом на

дошкольника сложно повлиять с помощью педагогических бесед или нотаций.

Совместная деятельность со взрослыми

> Нельзя просто сказать ребенку «будь внимательным», «следи за своим поведением», «управляй собой» – и ждать от такого разговора стойкого эффекта. Зато самоконтролю он может научиться незаметно для себя в совместной деятельности с родителями.

В книге мы будем часто возвращаться к этой теме. Например, о том, чем можно заниматься с ребенком, чтобы действительно подготовить его к школе, мы поговорим в конце этой главы, в разделе «Как перестать беспокоиться и начать жить».

Сейчас я бы хотела поговорить не о том *чем,* но *как* заниматься. Очень важно, чтобы во время совместных занятий с ребенком взрослый четко и громко проговаривал этапы, простые алгоритмы, которые он использует. Часто это требует от нас некоторого напряжения. Эти алгоритмы есть внутри нас в свернутом виде, они стали автоматическими, мы их не замечаем. Но именно они помогают нам быть внимательными, справляться с трудностями и доводить дело до конца.

Для того чтобы учить этому ребенка, от нас самих потребуется терпение, уравновешенность, некоторый запас сил. Ведь есть разница между тем, чтобы печь пирожки в одиночестве и печь их с ребенком. Лучше всего с такими задачами справляются бабушки, которые часто обладают педагогической интуицией. «Та-а-ак, – говорит бабушка, – немного растягивая слова, замедляя свою речь, – сейчас мы будем тесто готовить. Принеси-ка мне миску, муку и яйца…» В следующий раз она может уже и «подзабыть», что и в какой последовательности нужно делать, и с хитрой улыбкой будет просить подсказки. Вот прямо в такой незатейливой форме происходит то, что так нужно для подготовки к школе. Потому что бабушка не просто дает задание. Она помогает ребенку осознать его этапы и дает точку опоры – внешнюю речь, которая со временем станет у него внутренней и поможет организовывать свою деятельность.

Даже если у ребенка не все получается, бабушка поможет ему разобраться, что пошло не так и как это исправить. Отношения с бабушкой, осознание своей нужности будет помогать ему удерживаться в своей деятельности. И, конечно, вся семья примется нахваливать пирожки маленького помощника. Это

чувство «У меня получилось!» позволит ребенку в следующий раз стать увереннее. И поможет справляться с неудачами в других новых делах.

Хозяйственные заботы семьи дают прекрасную возможность для настоящей подготовки к школе. К сожалению, в последнее время дети все меньше включены в эту область жизни. Ведь в общих делах со взрослыми ребенок постепенно укрепляется, его деятельность становится более упорядоченной.

В три-четыре года реальной помощи по хозяйству от него ждать не приходится. Но если в этом возрасте родители поддерживают инициативу малыша, подыгрывают его желанию быть полезным в хозяйственных хлопотах, то к старшему дошкольному возрасту ребенок будет вполне справляться с мытьем посуды, вытиранием пыли и прочими нехитрыми домашними делами. Очень важно, чтобы у дошкольника постепенно появлялись пока маленькие, но постоянные обязанности. В посильных хозяйственных поручениях зреет воля ребенка, укрепляется уверенность в своих силах и навык сотрудничества со взрослыми. Если родные помогают ребенку освоиться в роли помощника в доме, то дошкольник примет на себя домашние обязанности охотно, с пониманием, зачем это нужно. Тогда шансы на то, что новые школьные обязанности станут для него не тяжким бременем, а желанным переходом на новый уровень развития, возрастают.

И тут мы как раз подходим к следующей важной составляющей готовности к школе – *мотивации.*

Мотивация – смысл и «топливо»

Мотивация нужна для того, чтобы ребенок по-настоящему хотел идти в школу. Мы можем заманить его туда с помощью внешних атрибутов: красивого портфеля, формы, разговоров о том, что вся семья

будет им гордиться. Это все, кстати, тоже не лишнее. Но мы получим тогда внешнюю мотивацию, и она не будет стойкой. А ребенок должен хотеть заниматься тем, что ему предложат в школе. И представляете, эти занятия – довольно монотонные, далеко не всегда игровые, в них много рутинных операций. Надо палочки писать, крючочки, буковки складывать, птичек считать. И хорошо бы, чтобы ребенок получал удовольствие от того, что он во всем этом участвует.

Как выглядит настоящая мотивация? Ребенок гордится той ролью школьника, условно говоря, тем пиджаком школьника, который на нем теперь надет, тем статусом, который этот пиджак

ему дает. Гордится тем, что теперь он попал в мир взрослых. И он готов жить в этом мире взрослых по новым правилам. А это значит, что ребенок может отложить то, что ему сейчас интересно. Ну, например, машинку после того, как закончится перемена. Он может справиться с расставанием с этой игрой и сядет писать палочки, крючочки и считать птичек. При этом он не будет думать, что его жизнь тяжела и вообще кончена.

Приведу пример из жизни взрослых. Если женщина не готова к семейной жизни, приготовление супа, стирка одежды, прогулки с детьми становятся для нее тяжелой и непосильной ношей. Ведь все это отвлекает ее от похода в салон красоты, прогулок по Парижу… То есть является непонятной и рутинной работой, которая мешает заниматься тем, что ей на самом деле нравится. Ее мотивация быть женой и матерью пока не сформировалась. А другая женщина принимает эту ситуацию, не страдает от домашних дел. И не потому, что ее так привлекает чистка морковки, а потому, что ей интересно быть женой и матерью. И у нее был добровольный, осмысленный вход в эту роль. Нет нужды стоять над ней все время с требованиями: «Чисти морковку», «Готовь суп». Она внутренне легко смиряется с тем, что это нужно делать, понимает, для чего. И может радоваться от того, что есть кому этот суп варить.

Мотивация отвечает на вопрос, ради чего ты делаешь то, что делаешь. Помочь ребенку найти свой собственный ответ на этот вопрос не так просто. Ведь процесс поиска напрямую связан с развитием личности ребенка. Это не технология, а скорее искусство.

> На самом деле, мотивация означает, насколько ребенок хочет быть похожим на родителей. Насколько этот родительский мир, мир взрослых, является для него привлекательным. И является ли школа в его представлении частью этого мира. Эти установки передаются не с помощью слов. Ребенок очень чувствителен не столько к тому, что мы говорим, сколько к тому, как мы живем.
>
> И важно, понял ли он для себя, что во взрослой жизни может быть хорошо и интересно.

Мотивация ребенка часто связана с мотивацией родителей. Если я всем своим видом сообщаю ребенку о том, что во взрослом мире что-то не так, если мне тяжело жить, если я сам вспоминаю

школу как катастрофу, которая прервала мое «пребывание в Эдеме», то велика вероятность, что ребенок будет воспринимать ситуацию так же. И тогда никакой портфель и никакое бабушкино восхищение не смирит его с этой бедой.

А если у ребенка уже есть много тонких ниточек, которые связывают его со взрослым миром и приносят удовольствие, тогда он сможет сделать еще один сложный шаг. У него появится способность к соподчинению мотивов. Обычно к семи годам ребенок может отложить то, что ему прямо сейчас захотелось делать, ради какой-то более высокой цели.

И его способность внутренне выстраивать соподчинение мотивов и есть готовность к школе.

Приведу пример. Один мальчик, имевший некоторые особенности развития, никак не хотел учиться. Он в принципе занимался только тем, что было ему интересно. Привлечь его внимание к учебе, вызвать интерес к ней обычными уговорами никак не удавалось. Пока его отец не нашел нестандартный выход. Он знал, что парень мечтает стать пилотом самолета, но при его диагнозе думать об этом всерьез, к сожалению, было невозможно. Тем не менее отец сказал ему: «Послушай, ты же ведь хочешь водить самолеты? Расскажи мне, как бы ты это делал?» Парень с удовольствием откликнулся и начал фантазировать. «Понимаешь, – ответил ему отец, – если ты не будешь учиться, то ничего этого делать не сможешь. Знаешь, сколько всего нужно знать и уметь пилоту! Так уж устроена жизнь». И тогда мальчик включился на все сто процентов. По характеру он был человеком целеустремленным и, несмотря на особенности развития, получил среднее образование. Пилотом он, конечно, не стал, но его мечта отчасти осуществилась. Он работает в аэропорту и разгружает багаж. Парень носит форму, похожую на форму летчиков, у него почти такая же фуражка, и он совершенно счастлив.

Чем прекрасен этот пример? Тем, что кто-то из взрослых предлагает ребенку мотивацию, которая основана на его реальных потребностях.

А вот другой пример – учебы без мотивации.

Классическая история: на перемене дети достают «Лего» и принимаются играть. Начинается урок, и многие из них с видимым удовольствием откладывают конструктор, открывают тетрадки и слушают, что говорит учитель. Как и

полагается психологу, я обычно сижу на задних партах и наблюдаю, кто из детей чем занимается. И вижу: Петя продолжает собирать фигурки. Учительница просит: «Пожалуйста, убери игрушку со стола». Он вздыхает неохотно: «Эх!» – и так тихонько кладет ее под стол. Он открывает тетрадки, но все его внимание, вся его психическая энергия сосредоточены на том, что у него там под столом.

И мы, конечно, можем каждый раз вырывать игрушку из его ручонок. Но это – проблема, и нужно разбираться, почему игровая мотивация у этого мальчика сохраняется на протяжении долгих месяцев.

В принципе, к концу первого полугодия первого класса эта игровая мотивация должна постепенно сменяться учебной, когда ребенок начинает получать удовольствие от интеллектуального труда. Но мы не можем грубо вмешиваться в эти тонкие процессы. Не можем даже взращивать их, а уж тем более насаждать, не создав для этого специальных условий. Ключевое и определяющее условие в этом деле – отношения с родителями и учителем.

Тут вспоминается такой эксперимент, который был проведен замечательным психологом Даниилом Борисовичем Эльконины[8]. В нем участвовали дети

пяти, шести и семи лет. Перед ребенком выложили горку спичек. Ведущий эксперимента дал ему задание перекладывать их по одной в кучку неподалеку. Бессмысленность этого теста была частью исследования. Экспериментатор наблюдал за детьми через зеркало Гезелла. Оно выглядит как зеркало с одной стороны и как затемненное стекло – с другой [9].

Дети, которые проходили подготовку к школе, выполняли задание и могли заниматься им долго. Дети помладше, переложив десяток спичек, принимались строить что-то свое. То есть придумывали собственную задачу на основе данной им взрослым.

Когда ведущий замечал, что дети устали, он входил в комнату и предлагал им поработать еще немного: «Давайте переберем вот эту кучку и закончим». Дети-дошкольники послушно продолжали эту однотонную бессмысленную работу, поскольку таким был договор со взрослым. Детям среднего дошкольного возраста ведущий говорил: «Я уйду, а за вами будет присматривать Буратино». Их поведение менялось: они посматривали на Буратино и выполняли задание правильно.

Экспериментатор несколько раз передавал детей «под присмотр» Буратино. Вскоре они выполняли задание уже без

оглядки на него и делали все правильно.

Получается, что за мотивацией к выполнению задания стоят отношения между ребенком и взрослым. Сначала он следует правилу в присутствии взрослого. Потом с опорой на предмет, который замещает взрослого. И наконец, правило становится для ребенка внутренним.

Возвращаясь к мальчику с игрушкой под партой, добавлю, что тому мальчику повезло. Умная и талантливая учительница увидела за поведением ребенка не протест против нее, а отчаянное желание играть. На перемене она попросила мальчика показать ей «Лего» и стала играть с ним, когда появлялась такая возможность. Этот шаг и совместное увлекательное занятие помогло установить между ними такой контакт, что мальчик сумел постепенно включиться в работу класса. И смог перейти от игры к учебе.

Бывает, что мотивация ребенка страдает от того, что жизнь современного дошкольника по своему устройству и ритму не соответствует его потребностям. Высокий темп не позволяет создать условия для его развития и созревания. Потому что современный ребенок так или иначе включен в сложную систему логистики, которую выстраивают его родители. То есть он все время перемещается в пространстве, его как бы тянут за руку от одного занятия к другому. Изучение языков, танцы, игровая математика, какие-то специальные, порой очень качественные развивалки самого разного рода. Мы берем структуру жизни взрослого и наполняем ее детскими активностями.

Как говорил Лев Семенович Выготский, имя которого мы уже упоминали в этой главе, деятельность ребенка – детская, она должна быть устроена таким образом, чтобы он был источником этой деятельности. Родителям очень сложно бороться с искушением повлиять на ускорение темпа развития ребенка. Им хочется сделать этот процесс еще более качественным, насыщенным, интенсивным. Так возникает феномен, который еще один замечательный ученый, Александр Владимирович Запорожец[10], много лет назад описал так: «Если тянуть ребенка за уши, то уши станут большими, а ребенок останется маленьким». Можно понять, почему ребенку больше не хочется принимать участие в этом «аттракционе» – ему больно и неприятно. Я не сомневаюсь, что, если родители остановятся, обдумают в тишине эту ситуацию, они сами все поймут. И тем не менее градус такого насилия из года в год увеличивается. Несмотря на то, что уже доказано – ребенка нельзя насильно подготовить к школе.

Я стала думать, почему это происходит. Скорее всего, это

связано с тем, что нас, взрослых, в нашей уже взрослой жизни обстоятельства, как правило, сильно тянут за уши. От этого мы тоже не становимся лучше, но эту боль в ушах ощущаем. И интуитивно нам хочется защитить ребенка, чтобы ему было не так больно и страшно, как нам. Поэтому мы пытаемся тянуть его за уши сами.

Мы испытываем чувство тревоги за наших детей и вины перед ними. У нас нет доверия к тому факту, что ребенок сам является источником активности, ведь свои собственные детские чувства мы не помним.

Они могли быть забиты у нас. А по сути, мы не доверяем Богу. Мы думаем, что надо обязательно как-то подправить то, что дано нам в руки. Когда мы теряем контакт с Богом и самими собой, внутри образовывается пустота. И поэтому мы делаем то, что делают все тревожные люди, – включаемся в работу и включаем в нее своего ребенка. Эти переживания пустоты и тревоги очень важно осознать, прежде чем начинать действовать, и тогда есть шанс затормозить.

> Как только в жизни родителей возникает тема подготовки к школе, я бы предложила им помолиться и замедлиться. Потому что нам нужны тишина и покой. Развитие ребенка идет из точки покоя, а не суеты.

Когда я говорю эти слова, я понимаю, как сложно достичь такого состояния. Потому что его так не хватает в нашей собственной жизни. Понимая и зная все сказанное выше, прислушиваясь к себе, я тоже чувствую, что у меня есть эта тревога за детей. И я представляю, что переживают родители, когда к их крайнему беспокойству примешивается еще и понимание собственной некомпетентности в вопросах развития детей. Как говорится в известной шутке: к ребенку инструкция не прилагается.

А уверенность в своих силах есть не у всех родителей. И тогда рассказ соседки Маши о том, что они с дочкой уже ходят «на эту замечательную подготовку», вызывает страх. Что если мы сейчас же не присоединимся к ним, нас не возьмут в эту чудесную школу. А также в поезд, который уходит в радостную счастливую жизнь. И, даже внутренне осознавая, что такой поступок бесполезен и в некотором смысле вреден, родителям все равно хочется встать в очередь. Потому что очень страшно выпасть из обоймы жизни.

Дошкольное детство – особое время, когда ребенок развивается по своим законам, в своем темпе. Как мы уже поняли, опасно превращать его жизнь по структуре и темпу в жизнь

взрослого. От этого ребенок быстрее не повзрослеет, наоборот, повышается риск того, что он навсегда останется маленьким капризным карапузом.

> Качественный контакт со взрослым, неспешный ритм жизни. Возможность внимательно вглядеться в мир, удивиться чему-то, рассмотреть, задать вопросы. И побежать играть, когда захочется. Оказаться в компании детей и самим решить, чем мы будем заниматься. Поссориться, а потом договориться о правилах.
>
> Все это тоже подготовка к школе.

Мы нежно берем ребенка за руку и в спокойном, соответствующем ему ритме открываем мир вместе с ним. Эта жизнь совсем непохожа на перемещения с одних курсов на другие. Она, скорее, напоминает прогулку по лесу и наблюдение за этим чудесным и волшебным миром. В этой жизни есть пирог с черникой, который мы вместе приготовим по возращении из леса. Есть «Казаки-разбойники», в которые дети должны гонять, причем так, чтобы им самим это пришло в голову от безделья. Есть кукольный домик, который мы будем строить вместе с ребенком и потом его вместе раскрашивать. Тут вам, кстати, и навыки конструирования, и развитие мелкой и крупной моторики…

Только не нужно волноваться и беспокойно думать: «Ой-ой-ой! А вот в лесу мы не были, и кукольный домик еще не сделали…» И сразу фиксировать эти планы в ежедневниках. И не стоит винить себя по ночам в том, что вот читали же хорошую книжку недавно, в которой обо всем этом было написано. На самом деле, заниматься с ребенком можно чем угодно, лишь бы эта деятельность нравилась вам.

Что тревожит нас, детских психологов? Что к нам приходят издерганные, расторможенные дети, которые не очень хотят учиться. Они прямо так и спрашивают: «А можно ли вообще сюда не ходить?» Такого обилия первоклассников, которые не хотят ходить в школу, в нашем детстве невозможно было представить. И это отторжение, действительно, связано с тем, что ребенок, включенный в сложную родительскую логистику, начинает сопротивляться тому, что ему навязывают. Причем он еще не может выражать сложные мысли. То есть не может сесть перед нами и сказать: «Мамочка, у меня когнитивный диссонанс[11]. Одна часть меня хочет спонтанно играть и рассматривать снежинки, а другая, из любви к тебе, понимает, что мне надо учить китайский. Ты не могла бы разрешить это противоречие для меня?

А заодно объяснить, зачем мне сейчас нужно учить

китайский?»

О том, что ему не подходит такая жизнь, он, ребеночек наш, сообщает нам простым и доступным ему способом. А именно протестным поведением или апатией. «Ему ничего не интересно, он ничем не хочет заниматься», – жалуются родители уже не только на подростков, но и на младших школьников. Часто причины таких проблем кроются во временах дошкольного детства и чрезмерном старании родителей. Ради чего все это было? Конечно, «во имя» интеллектуального развития.

Интеллектуальное развитие – «телега впереди лошади»

Эта последняя составляющая готовности к школе – самая известная среди родителей. И нам нужно разобрать ее отдельно, потому что копья мы ломаем именно на этом поле.

Когда родителям предлагают услуги по подготовке детей к школе, рекламные стратегии продавцов, как правило, напирают на важность развития «ума» ребенка. Конечно, не случайно. Потому что со стороны родителей есть заказ на развитие интеллекта их детей, который связан с тревогой не пройти по конкурсу в «сильную» школу. Я бы рекомендовала сначала подробно ознакомиться с тем, что стоит за этими предложениями. И проанализировать, насколько они соответствуют потребностям ребенка, с учетом того, что уже говорилось про саморегуляцию и мотивацию. Чтобы снизить тревогу родителей, начну с того, что не все школы с первого класса будут интересоваться интеллектуальным уровнем ребенка. И уж точно не все школы будут отказывать по этому показателю. Выполнить такой маневр сейчас все сложнее даже законодательно. Чем разные учреждения отличаются друг от друга и где выше шанс встретить высокие требования по интеллектуальному показателю, читайте в следующей главе про выбор школы.

Тем не менее в некоторых учреждениях, действительно, можно столкнуться с вступительными испытаниями. Чем выше уровень интеллектуального отбора, тем больше будет задач на логику с неочевидным ответом. Система отбора имеет защиту от «натасканности». Профессиональный психолог и педагог довольно быстро отличат интеллектуально одаренного ребенка от ребенка, которого «дрессировали», потому что родителям очень хотелось каких-то ими придуманных результатов.

Я помню рассказ коллег из школы для одаренных детей о

маме, которая привела к ним дочку-дошкольницу. Она с восторгом рассказывала, что ее ребенок уже не только пишет и читает, но и легко справляется с разбором предложения по членам и частям речи.

Девочка, действительно, уверенно продемонстрировала этот фокус. Но с логическими задачами не только не справилась, но и явно тревожилась. Ей хотелось избежать трудных тестов, потому что у нее был страх неудачи. Конечно, это был яркий пример насилия над развитием ребенка, от которого мне хотелось бы родителей предостеречь.

Если у вас есть идея отдать ребенка в такую школу, я бы рекомендовала идти на тестирование без всякой специальной подготовки. Чтобы проверить, насколько ребенок и школа подходят друг другу.

Сразу хочу сказать, что выдающуюся интеллектуальную одаренность сложно с чем-то перепутать даже непрофессионалам. Если в вашей семье родился ребенок с таким потенциалом (про ребенка корректно говорить только с точки зрения задатков), это было бы заметно задолго до поступления в школу. Впрочем, не буду специально желать этого родителям. Потому что, как любой дар, большие интеллектуальные способности являются еще и обременением и требуют отдельного глубокого обсуждения за рамками этой книги. Сейчас мы будем говорить о «нормальном» интеллектуальном развитии. Хотя существование нормы все чаще ставится сегодня под сомнение.

Школа будет интересоваться интеллектуальным развитием ребенка, чтобы определить его возможности освоить программу. Если какие-то вступительные испытания есть, то с их помощью педагоги обычно пытаются отсеять тех детей, с кем школа может не справиться. Кому будет тяжело учиться по существующей программе.

Интеллектуальный уровень вполне можно определить и по результатам общей беседы с ребенком. Педагог будет оценивать наличие у него общих знаний о мире. Животные и растения, профессии и транспорт – вот далеко не полный список вопросов, о которых может пойти речь.

Стандартный опрос включает в себя начальные математические представления, ориентацию во времени и пространстве, уровень знакомства со звуками и буквами. Так же будут оценивать логику и речь. Например, попросят составить связный рассказ по картинкам. Перед ребенком в хаотичном порядке кладут три-четыре картинки, связанные между собой

простым сюжетом, и просят расположить их в правильном порядке, а потом рассказать историю. Будет оцениваться связность речи и способность выстаивать причинно-следственные связи – а значит, уровень мышления. К этой категории относятся знаменитые тесты на способность обобщать разные предметы одним словом, а также исключать один предмет из группы, выделяя их существенные признаки.

Я перечислила сейчас эти испытания с большой неохотой. Потому что они дали жизнь целой индустрии «натаскивания» детей на выполнение этих тестов.

Как и чем родитель может по-настоящему помочь своему ребенку в развитии интеллектуальных способностей?

Один из основных показателей интеллектуального развития – выраженное желание ребенка познавать мир. В психологии эта потребность так и называется – познавательная. Исследования подтверждают, что на хорошие оценки детей влияет именно уровень ее развития.

А что же тогда влияет на формирование познавательной потребности? И что родители могут для этого сделать? Прежде всего, важно качество общения с родителями, причем с младенчества. Возможность с интересом исследовать мир дарит ребенку эмоционально стабильный и надежный взрослый. Если у ребенка есть какие-то сомнения в «своем» взрослом, в своей связи с ним, тут уж не до освоения мира.

Как психолог, я очень много работаю с детьми из семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, с приемными детьми. Все они пережили в своем развитии разного рода психологические травмы и нуждаются в помощи. Поэтому хочу с уверенностью сказать, что неладное эмоциональное состояние ребенка всегда снижает его познавательную потребность. Если ребенка что-то тревожит, то в нем мало любопытства. Скорее, он выглядит настороженным, испуганным или, наоборот, агрессивным. Не получится просто сказать ему «успокойся». Нужно создать стабильную, безопасную обстановку и подождать, пока ребенок убедится в ее надежности и мозг перестанет посылать ему тревожный сигнал. А самое главное условие, влияющее на эмоциональную стабильность ребенка, – эмоциональная стабильность значимого для него взрослого. Вот почему так важно, чтобы беспокойство относительно уровня развития малыша или его школьных проблем, у родителей не зашкаливало.

Тревога родителей – плохой союзник в интеллектуальном развитии ребенка. В период раннего развития ребенка, еще во младенчестве, у него появляется большая потребность в новых впечатлениях. Младенец годовалого возраста может уже рассматривать детали нового предмета. Он заметно оживляется при виде новых вещей, тянется к ним, стремится исследовать всеми доступными способами. Берет в руки, пробует на вкус, тянет, толкает, кидает. Его развитие идет по такой схеме: интерес – действие с предметом – понимание, что «у меня получилось!» – радость. Поэтому важно, чтобы окружающая ребенка обстановка была насыщена вещами, до которых он может дотянуться, потрогать, попробовать и т. д. Чем больше у малыша «получилось», то есть удалось добиться успехов в деле освоения мира, тем сильнее ему хочется это занятие продолжать.

> Чем больше у ребенка возможностей реализовать свою природную любознательность, тем выше шансы, что она перерастет в целенаправленное желание познавать мир.

Конечно, эта неосознанная активность малыша доставляет родителям много хлопот, требует от них терпения. Да и просто времени для сопровождения ребенка в его открытиях. С другой стороны, без прохождения этого этапа сложно надеяться на школьную зрелость.

> По мере того как у ребенка развивается желание познавать, он будет нуждаться в информации. Если все пойдет хорошо, эта потребность превратится в любознательность.

И тут мы подходит к важному для родителей моменту. Конечно, нас интересует, можем ли мы, взрослые, повлиять на развитие любознательности? Как действовать родителям или воспитателям, педагогам? Какова эта роль взрослого и что нужно делать, отлично объясняет теория психолога Дэниела Берлайна[12]. Она называется сложно – теория двух типов любознательности, но не пугайтесь, дальше я постараюсь объяснить ее суть простым языком. Берлайн утверждает, что существует два вида любознательности. Есть любознательность как поиск информации, эдакая ориентировка в окружающем мире. Она присуща не только людям, но и зверушкам.

И ребенок, и тигренок активно вертят головой, интересуются, что и где происходит. Оно и понятно: если животное не будет поворачивать голову на звук, то его быстро съедят или оно умрет

голодным. Для развития этого вида любопытства нужно, чтобы вокруг все время что-то происходило. Чтобы появлялись новые запахи, звуки, объекты внимания.

Есть и принципиально другой вид любопытства. Когда мы не просто распознаем сигналы из внешнего мира, а ищем ответ на какой-то вопрос, стараемся докопаться до его сути. Так ведет себя человек, который столкнулся с каким-то противоречием, сомнением и оно его затронуло. В качестве примера Берлайн приводит такой вопрос (думаю, что для дошкольников этот уровень сложноват, а вот младшим школьникам – впору): «Какие зерновые культуры некоторые муравьи выращивают на своих подземных фермах?» Когда человек слышит этот вопрос впервые, он удивляется. В его голове происходит конфликт, который может стимулировать искать информацию, сопоставлять ее.

У животных способности к такого рода поведению просто нет. Она им не нужна. У ребенка эта способность есть по факту рождения. Но получится ли ее развить, зависит от его окружения. Повлиять на этот процесс можно опять же через общение, побуждая ребенка совершать открытия и радуясь вместе с ним.

Умным мы будем считать ребенка, который интересуется не только разными фактами, а еще их закономерностью. Так вот, для того, чтобы ум привык этим интересоваться, ему нужна не информация, а противоречие в ней. Ему нужно столкнуться с вопросами. Чтобы ребенок не прошел мимо них, зафиксировал внимание на противоречии и понял, как и где искать ответы, ему нужен взрослый. Он помогает ребенку увидеть вопрос, чтобы тот смог искать информацию целенаправленно.

На мой взгляд, это очень актуальная теория. Она хорошо объясняет, почему в век тотальной доступности информации дети в ней не заинтересованы. Информации стало больше, а общения-то – меньше. Получается, что для развития познавательной потребности основополагающее значение имеет взрослый. Он нужен ребенку не столько для того, чтобы отвечать на вопросы и давать информацию, сколько для того, чтобы ставить эти вопросы перед ним. Поощрять его исследование, сопровождать ребенка в его открытиях. Механизировать этот процесс с помощью гаджетов не получится. Потому что он построен не на информации, а на глубоких эмоциональных отношениях.

Что еще могут сделать родители для подготовки своего ребенка к школе

Чтение

Тревога требует от родителей немедленных действий. Точнее, тревожное, нерациональное поведение,

которое похоже на заезженную пластинку, уже надоевшую тебе самому. Выслушав монолог психолога о том, как важно строить с ребенком будки для собак, рассматривать жучков и снежинки, тревожный родитель обязательно спросит: «Это я понял. А учить читать когда?» Повторю еще раз, чтобы мысль прозвучала отчетливо: всякой ягодке – свой срок.

Если ребенок-дошкольник достаточно развит и живет в пространстве книжек, рано или поздно он заинтересуется буквами. Что это за пространство?

В нем книги разложены вокруг ребенка, родители все время читают, рассказывают сказки, хорошие детские стишки, потешки. И тогда (вот важный акцент!) можно поддержать его интерес, причем никуда не торопясь. Спокойно, по одной букве изучать, лепить, вырисовывать, узнавать ее в слове. Таких обучающих пособий много, но предшествует им качественная среда, в которой ребенку захотелось бы открыть для себя, возможно, и этот мир.

С полутора-двух лет в его жизнь могут войти первые яркие книжки. Читая их малышу, не нужно удерживать его, если он отвлекся. Позже, когда ребенок будет лучше понимать речь, он сможет следить за первыми сюжетами. Тогда важно не просто бубнить сказки и стихи, а превратить этот процесс в общение, обогащать его эмоциями. Важно подружить ребенка с книжным миром. Сделать доступной полку с книгами. Брать ребенка на книжные ярмарки, выставки, где обычно проходит много всего интересного для детей. Такой поход может превратиться для него в праздник. А если вы позволите ему выбрать книжку на свой вкус, это вызовет дополнительный интерес.

Если ребенок пока не заинтересовался книгами – ничего страшного. В этот момент не стоит «тянуть его зауши», забеспокоившись о том, что его неумение станет критерием родительской неуспешности. «Ведь, например, соседская девочка уже вовсю читает на двух языках… И тогда получается, что ее мама что-то такое делала. А наш придет в школу – и откроется

позор семьи!.. Как же иначе, ведь у таких умных, интеллигентных и развитых родителей ребенок до сих пор еще не научился бегло читать».

> Чтобы успокоить родителей, хочу сказать: по данным множества исследований, первоклашки, которые не умеют читать, писать и считать, к концу первого года обучения сравниваются с теми, чей уровень подготовки был выше. И если первых не насиловали, они потом обгоняют вторых! Ведь у них нет устойчивого рефлекса сопротивления попыткам впихивать в них знания.

Конечно, все дети разные и по темпераменту, и по устройству нервной системы, и по уровню внимания и всех прочих высших психических функций. Поэтому есть персонажи, которые сами научились читать в четыре года. Делают они это бегло и с большим удовольствием, а родители даже не заметили, как это произошло. Но есть дети куда более подвижные и от этого не менее талантливые. Они бегали и изучали мир другим способом.

Например, есть такая притча. У Василия Великого как-то спросили, как ему живется в монастыре без утешения, которое приносят книги? И он ответил, что для него весь мир является открытой книгой.

Не стоит смотреть на своего ребенка как на неудачника, если он до сих пор не читает «Евгения Онегина» наизусть. Просто он тоже относится к миру как к открытой книге. Если в его окружении было много возможностей для развития познавательной потребности, если с ним разговаривали и его словарный запас богат, скорее всего, он очень быстро и качественно освоит чтение в школе. И будет радовать вас своими успехами.

Большинство педагогов «умных» школ понимают и знают, что уровень владения письмом и чтением не может являться предметом тестирования при приеме в школу. А если к высоким требованиям школы по этому критерию готовить насильно, то у учеников возникают сложности на более поздних этапах. И эти сложности настолько неприятные, что неумение читать и писать к семи годам перед ними блекнет.

Развитие речи

Есть еще один параметр, который мы упоминали, обсуждая

интеллектуальное развитие детей. Он, и правда, важен, его оценивают почти все школы без исключения. Это речевое развитие. Поговорим о нем отдельно, потому что, несмотря на все усилия родителей, эта сторона развития у детей западает. Для примера: директор Института возрастной физиологии Марьяна Безруких отмечает, что около 60 процентов дошкольников имеют недостаточно сформированную речь. Такой результат показали исследования, проведенные ее коллегами.

> Речевое развитие в меньшей степени зависит от количества занятий, которые получил ребенок. А больше всего – от речевой культуры, существующей в семье.

Есть множество исследований о том, что оно тесно связано с тем, какое количество слов ребенок слышит с детства. И есть эксперименты, которые показывают, что дети совершенно по-разному усваивают речь, которая звучит вокруг, и речь, обращенную к ним лично. Все просто: с ребенком нужно разговаривать. И разговаривать так, чтобы между нами происходил диалог. Важно вызывать ребенка на разговор, как-то сообразовывать эту речь с ним. А еще, уровень развития речи связан с тем, насколько богата семейная среда разными речевыми формами. Никто не отрицает пользы от занятий с дефектологом или логопедом в детском саду. Но простые мамины и бабушкины потешки, песенки, совместное чтение сказок и обсуждение прочитанного дадут ребенку гораздо больше. Очень важно, чтобы у него был опыт пересказа текста, рассуждений о том, почему герой сделал то, что сделал, что с ним случилось, чем все закончилось. Тогда речь ребенка будет развита.

Многие из нас вспомнят редкие часы, проведенные с занятым в обычное время папой в электричке по дороге на дачу. С ним можно было обсудить, откуда взялось название «Салтыковка», и услышать историю про Салтычиху, крепостное право в России. То есть получить очень много сведений, много чего обсудить, задать любые глупые вопросы. Папы смеялись, как-то на них отвечали. Лично я помню, что это время было благодатнейшим. И так делали, в общем, все родители, или, по крайней мере, большинство. Потому что чем еще родителю заниматься, если он едет с ребенком в электричке?

Или другой пример: мы приходили в поликлинику и видели, что там кругом звучала материнская речь. Мамы разговаривали с детьми, как-то их успокаивали, объясняли, куда они пойдут сейчас, что доктор будет делать, чем они займутся потом и т. д. Сейчас мы видим, что все сидят рядком и молчат ладком. Сейчас что в электричке, что в поликлинике дети сидят рядом с

родителями, и каждый – уткнувшись в свой персональный гаджет. Теперь у молодых родителей нет понимания какой-то общественной нормы, поэтому гаджеты детей включены на полную громкость. И оттуда льется задорная китайская музыка, сопровождающая игры. Или мультфильмы, которые в основном состоят из эмоциональных выкриков, то есть несвязной речи.

Возможно, вы вспомните, как прекрасно развивали речь, например, чудесные советские радиоспектакли. И они замечательно готовили нас к школе. Потому что ребенок на сорок минут замирал около радиоприемника и внимательно слушал, что там происходит. Ведь все школьное обучение все-таки (ну, пока еще!) построено на речевом взаимодействии. Поэтому и пластинки фирмы «Мелодия», и радиоспектакли, и «Радионяни» – все это тоже было подготовкой к школе. К тому же этот материал был высочайшего качества. Ведь в записи участвовали прекрасные актеры, замечательные композиторы писали хорошую музыку, и за качеством аудиопродукции, адресованной детям, внимательно следили. Такая аудиокультура присутствовала почти в каждой семье. И, конечно, именно она являлась подготовкой к школе. Эта практика позволяла, так или иначе, вытягивать обучение на уровне страны. А еще, речевая культура даже в необразованных семьях была выше, потому что для ее развития было больше возможностей.

Если ко мне на консультацию приходит шести-семилетний ребенок с неразвитой речью, я понимаю, что здесь ничего не поправишь только лишь занятиями с логопедом. Ребенку нужно наращивать словарный запас, развивать способность выстраивать предложения, оформлять свою мысль. А на это уйдет немало времени.

Интерес к миру

Интеллектуальное и речевое развитие требует понимания смысла текста и его пересказа с выделением сути. Ну и плюс ко всему, интеллектуальное развитие, конечно, очень сильно связано с общей эрудицией, общими знаниями о мире, некоторой информационной насыщенностью ребенка, его любопытством, желанием познавать мир. Оценивая интеллектуальное развитие, мы, скорее, оцениваем не наличные знания. Для нас более существенно его желание открывать для себя мир, его стремление в нем разобраться.

Моторика

И еще скажу несколько слов о двигательных, моторных, навыках. Речь идет о физическом развитии ребенка, его крупной и мелкой моторики. Они очень важны. Крупная моторика дает ребенку возможность управлять собой физически – своими руками, ногами. А мелкая – рисовать, держать ручку, писать.

Ребенок может еще не выводить буквы, но вот эта «ручная деятельность» – она необходима. Мелкая моторика, конечно, может развиваться в том, что называется «продуктивные виды деятельности»: во время рисования, лепки. И желательно, чтобы ребенок видел продукт своего творчества со стороны. Мы его шедевр на полочку поставили или на стену повесили и теперь гордимся. А если мы с трех лет начинаем с ним писать прописи, он не понимает, зачем ему это нужно. И позже, уже к семи годам, начинает испытывать стойкое отвращение к этому занятию.

Повторю, что в погоне за интеллектуальным развитием мы часто «выплескиваем» самого ребенка. Он себя в этих занятиях не обнаруживает. И тогда это интеллектуальное развитие происходит механически. Оно напоминает запихивание разных вещей в комнату, где нет полочек. Гораздо полезнее будет спросить ребенка: «Хочешь ли ты учиться плести бусики, или, может быть, мы начнем что-нибудь лепить? Чем мы сегодня займемся?» И желательно, чтобы, например, эта лепка была еще связана с фантазией. Можно сделать придуманных им зверушек, или реальных, из фильма, который мы посмотрели, или из энциклопедии. Но очень и очень важно, чтобы ребенок был полноценным участником этого процесса.

Как понять, готов ли ребенок

Как могут родители, которые не имеют педагогических и психологических знаний, понять, готов ли ребенок к следующему этапу своей жизни – к школе? На что они должны обратить внимание?

Возьмем нормальную ситуацию, когда ребенка в образовательную логистику за уши не втянули. Он жил, наблюдал окружающий его мир, как-то играл. Словом, у него было детство, и время от времени ему рассказывали о школе. Дальше в пять с половиной – шесть лет мы можем начать рассуждать с ребенком, хочет ли он в школу. Как он ее представляет, что ему интересно и, наоборот, что может в ней не понравиться. Очень интересно наблюдать, как меняется его отношение к школе, к содержанию школьных занятий. Ближе к семи годам можно задать ребенку вопрос, в какой школе он хотел бы учиться – «с длинными переменами и короткими уроками или с длинными уроками и короткими переменами»? Если у ребенка уже есть устойчивое желание познавать мир, он, скорее, выберет второй вариант.

Затем мы можем присмотреться к тому, как у него устроено *внимание.* Например, вот он задал вопрос о том, как что-то устроено. Ведь любой ребенок является «мешочком» с вопросами, вне зависимости от того, готов он к школе или нет. Обратите внимание, смог ли он дослушать ответ взрослого до конца. Вот такой простой критерий. Потому что ребенку с неготовой нервной системой тяжеловато слушать. Ведь обычно взрослый отвечает на вопрос долго и «от печки». И если ребенок два раза отвлекся, потом достал машинку и явно через несколько секунд потерял интерес к обстоятельному рассказу, которым славятся умные интеллигентные родители, особенно папы, значит, нам еще не пора. А когда ребенок поддерживает диалог и продолжает задавать все новые вопросы, докапываться до сути, я бы сфокусировалась на этом событии и проверила, не показалось ли мне.

Потом мы можем обратить внимание на *характер его деятельности.* Может ли он терпеливо и усердно чем-то заниматься и радуется ли каким-то заданиям, когда родные играют с ним, например, в школу или вместе чему-то учатся. Вопрос – как долго он может удерживать в голове цель задания? Важно, чтобы взрослый не заставлял ребенка оставаться в этой ситуации. И не позорил, если он не сможет задание доделать.

Как перестать беспокоиться и начать жить

Часто оказывается, что проблема успеваемости или неуспеваемости ребенка становится для родителей критерием их успешности. Если он не успевает, значит, я – плохой родитель. Ребенок становится инструментом игры в успешность. Поэтому так важно вернуть родителям право получать удовольствие от детства своего ребенка.

Если мы с моим ребенком оба этому детству рады, если мы не стараемся сразу пойти с ним в университет и проскочить школу как какую-то дистанцию, которую нужно пройти на определенной скорости и достичь каких-то результатов, мы сможем просто жить вместе и наслаждаться друг другом. Что приносят дети в нашу жизнь по-настоящему? Возможность открывать этот мир вместе с ними заново, и удивляться, и радоваться сообща. Хорошо бы, чтобы у нас было пространство для такой радости, пусть и небольшое. Потому что я понимаю: жизнь родителей так устроена, что у них, скорее всего, остается немного времени для себя и для ребенка. Я предлагаю потратить его с пользой. Не на занятия по развитию мелкой моторики и, не дай Бог, на насильственное обучение чтению и письму. А на то, чтобы вместе делать что-то такое, что нас обоих обрадует.

Я всегда предлагаю родителям вспомнить, чем им нравилось заниматься в детстве, от чего они получали удовольствие. Велика вероятность, что родитель будет делать это так зажигательно, что его ребенку это тоже понравится. Особенно если взрослый даст ему возможность привнести в это совместное дело что-то свое. Но опять же не будем ему ничего навязывать, просто пригласим.

> Дети развиваются во время совместной деятельности со взрослыми.
>
> И очень важно, чтобы эта деятельность приносила удовольствие обоим. Но в жизни взрослых так мало удовольствий, что мы не чувствуем себя вправе предлагать ребенку такие забавы. Ведь мы должны подготовить его к этой трудной жизни!

Получается замкнутый круг, а внутри него – странный и безрадостный мир. Поэтому тот кусочек времени, которое родитель отводит для своего ребенка, он может проводить как ему нравится. Что гарантированно принесет ребенку большую пользу.

Нужно ли отдавать ребенка в сад

По моему опыту, хорошо подготовленные к школе дети приходят как из дома, так и из детских садов. Вообще, детские сады появились не потому, что у детей есть в них какая-то особая потребность. Несмотря на многотысячелетнюю историю человечества, исторически эти учреждения возникли сравнительно недавно. И по совершенно другим, чем социализация детей, причинам – просто потому, что мамам нужно было работать. Это условие современной жизни, часто реальная необходимость, поэтому не буду останавливаться на преимуществах пребывания детей дома. Что об этом говорить: если есть возможность и желание оставаться с ребенком, а лучше – с несколькими детьми, конечно, оставайтесь.

В среднем и старшем дошкольном возрасте ребенку будет полезно бывать в пространстве общения вне дома. Для этого прекрасно подходят семейные центры, где есть программы развития и досуга, в которых может участвовать вся семья. Можно объединиться с другими мамами во дворе или на приходе. Вокруг меня много многодетных семей, и у них не всегда есть возможность водить детей на платные развивающие занятия. Мамы находят разумное решение. По очереди они проводят групповые творческие занятия в том виде творчества, в каком сильны сами.

Если вам необходимо отдать ребенка в детский сад и есть выбор, прочитайте для начала главу про школы. Подумайте, какая школа устроила бы вашу семью, и найдите сад или отдельных воспитателей с похожим педагогическим подходом. Это облегчит адаптацию ребенка к школе.

Нужно ли вести в школу шестилеток

Родители часто спрашивают: когда стоит тестировать ребенка на предмет готовности к школе? И вообще когда его стоит туда отдавать?

> Я убеждена, что раньше семи лет ребенка в школу вести не нужно. Это мнение основано на собственном профессиональном и личном опыте, обсуждениях этой темы с опытными учителями и директорами школ.

И если на момент первого сентября ему не исполнилось семи лет, пусть даже не хватает пары месяцев, то все сомнения надо толковать в сторону воздержания. Даже если интеллектуальное развитие ребенка уже приближается к норме семилетки или его опережает.

Часто родители думают, что если мы сейчас ребенка в школу не отдадим, то ему нечего будет делать там через год. Это не так. И этот год вполне можно провести с пользой. Если у вас активный мальчик или активная девочка, можно отдать его/ ее в спортивную секцию. Причем я рекомендую командный спорт: он прекрасно готовит к школе. Полезно будет записаться в музыкальную школу. Хорошо бы, чтобы, помимо интеллектуальных занятий, в его жизни было много игр с другими детьми, причем игр по правилам и т. д. Пусть он еще годочек поживет детской жизнью. Когда можно встать попозже (если нет необходимости ходить в сад), позаниматься с мамой или бабушкой домашними делами…

Даже если шестилетка кажется созревшим на уровне интеллектуального развития, таким детям, как правило, сложнее удерживать произвольное внимание, у них снижен самоконтроль.

В мой кабинет родители привели чудесную девочку шести лет. Вполне развитую для своего возраста. После знакомства спрашиваю, какую сказку она помнит и любит. «Емеля», – с энтузиазмом отвечает девочка. Я говорю: «Хорошо, давай рассказывай». Она с радостью начинает: «Шел Емеля и встретил рыбу. Рыба была непростая, она говорила по-человечески». И тут ее голос начинает затихать. Она явно начала вспоминать, что говорила рыба. Стала что-то бормотать про какие-то Емелины желания, которые та готова была исполнить… И явно натолкнулась на какую-то трудность, вспоминая сюжет сказки. Это нормально, что

какие-то детали забываются. Но затем она решила проблему характерным для дошкольника способом. Она сказала: «А еще я недавно смотрела мультик „Маша и медведь“! И начала с энтузиазмом пересказывать мне его содержание.

Мы видим, что девочка потеряла задачу уже по дороге. И понятно, что я, взрослый, могу ее все время возвращать к нужной теме. Но из этого примера, а таких примеров было несколько, мы можем предположить, что нервная система ребенка не дозрела. Ей сложно справляться с трудностями. Саморегуляцию вполне возможно развивать в совместной деятельности со взрослым. Но не простой, а эмоционально насыщенной, приятной для ребенка. Вовсе необязательно при этом делать с ним уроки. Мы можем вместе варить суп, в этом деле тоже есть последовательность действий, есть какие-то трудности, которые возникают в процессе. Или мы будем мастерить будку для собаки, или вместе сажать цветы. Все это – совместная деятельность, имеющая цель, которую можно разделить на этапы. И везде нам будут встречаться какие-то трудности. Которые мы можем помогать ребенку преодолевать так, чтобы он осознавал, что встретился с проблемой, понимал, какие способы ее решения существуют и т. д.

Конечно, можно усадить за парту ребенка с неразвитой саморегуляцией, но это потребует от него дополнительных усилий. Ведь они расходуются и на освоение интеллектуальных операций, и на саморегуляцию. И тогда, возможно, система окажется перегруженной. А что случается с системой, внутри которой растет напряжение? Дома в электрической сети у нас вылетают пробки. А ребенок либо принимается чаще болеть, либо начинает демонстрировать плохое поведение. Болезнь позволяет ему вернуться к тому образу жизни, который для него сейчас более естествен, больше ему подходит. Организм, таким образом, выводит его из ситуации перегрузки.

Если нервная система ребенка, наоборот, склонна к перевозбуждению, возникают проблемы с поведением. Он начинает баловаться на уроке, залезает под парту. Ему трудно удерживать себя в учебной ситуации, требуется какая-то дополнительная активность. И тогда учитель должен будет все время удерживать его в рамках. Такая ситуация больше напоминает индивидуальный режим обучения.

Вот если бы я в том примере со сказкой вернула девочке задачу, сказав: «Слушай, а давай мы вспомним, что рыба-то Емеле предложила», она взяла бы задачу. Этот способ обучения называется «не могу сам, но могу с помощью взрослого». И если

на каждом этапе, когда возникала трудность, я бы ей помогала, она бы справилась с ситуацией. Получается, что мы можем посадить ее в класс и при постоянной и внимательной поддержке учителя она как-то будет справляться. Один вопрос – зачем это делать? С девочкой можно и нужно заниматься, но пока ей больше подходит индивидуальный режим, дома с мамой. Если такой возможности нет, можно отдать ее в детский сад, развивающий центр, малая группа тоже подойдет. Сейчас для развития внимания ребенку нужны разные игровые формы. Разыгрывание сказок, составление рассказа по картинкам. Для ее развития совершенно не нужно оформлять эти игры как урок. Потому что в классе с традиционной формой работы у нее не получится себя удержать. Это будет ситуация явного неуспеха.

И потом потребуются дополнительные усилия, чтобы преодолеть ее последствия. Вместо этого мы можем на прогулке просто вспоминать, что мы делали вчера. И стараться соблюдать в пересказе последовательность. Это ситуация личного общения, она вовлекает ребенка, ему проще удерживать свое внимание в таком формате. К семи годам способность удерживать внимание возрастет. И наш ребенок спокойно пойдет в школу и будет получать значительно больше удовольствия от процесса обучения. Что делать, если ребенку семь или восемь лет, а с самоконтролем есть похожие проблемы, читайте в конце главы.

Стоит ли отдавать ребенка на подготовку к школе

Ответ на этот вопрос зависит от | ответа на три другие.

✓ Есть ли у кого-то из взрослых в семье возможность быть дома и заниматься ребенком?

✓ Какие отношения сложились с ним у родителей, получается ли выстраивать границы.

✓ Есть ли у ребенка пространство, где он общается с другими взрослыми и детьми за каким-то общим делом? Может быть, спорт, танцы, рисование или лепка из глины? Совсем необязательно, чтобы эти занятия были напрямую связаны со школой.

Если ответы на эти вопросы положительные и у ребенка нет особых потребностей, то нет и необходимости идти на курсы по подготовке к школе. Она, повторюсь, может возникнуть, только если у него есть какие-то особенности развития, которые требуют внимания психологов и педагогов.

Например, есть задержка в развитии и родители не являются дефектологами. Или имеются логопедические проблемы, задержка в развитии речи. Обычно в таких ситуациях страдает и саморегуляция, и интеллектуальное развитие. Такие проблемы идут в паре. И тогда действительно полезно будет отдать ребенка в сад, причем в логопедическую группу. Там с ним будет заниматься команда специалистов, которая обычно состоит из дефектолога, логопеда, психолога и педагога. Они будут выстраивать для ребенка программу подготовки. В таких учреждениях дети занимаются в малых группах. И специалисты довольно хорошо вытягивают детей.

> Повторюсь, что специальной необходимости отдавать ребенка в детский сад и на курсы по подготовке к школе нет. Если дома есть интеллектуальная среда и у него хорошо развита саморегуляция.

Кстати, дети из многодетных семей чаще всего показывают очень хороший уровень саморегуляции.

И даже если они приходят неготовыми к школе на уровне речевого, интеллектуального развития, то потом быстро догоняют одноклассников.

Как раз больше всего меня в этом смысле беспокоят дети, которые сидели дома вдвоем с бабушкой и не ходили в сад.

Пример, который мы будем сейчас рассматривать, – не про всех бабушек. Я, как психолог, их очень люблю и вижу в них большую пользу для детей. Речь – только о сильно опекающих бабушках, но такими могут быть и мама с папой. Так вот, бабушка все делала за ребенка. Он, может быть, готов на уровне интеллектуального развития, потому что бабушка занималась, старалась, но саморегуляции нет. Ребенок мало играл, не участвовал в коллективной деятельности. В школе он столкнется с ней впервые, и ему предстоит учиться подстраиваться. В результате у него появляется напряжение, много тревоги.

А поскольку саморегуляция неразвита, ребенок «зависает на поворотах». Например, ему говорят: «Бери ручку, пиши». Он отвечает: «Не хочу» – и упирается, как бычок. Потому что дома бабушка либо кричала в ответ, либо как-то иначе помогала ему выйти из тупика, в котором он оказался. Либо, наоборот, делала все за него. В этом случае как раз надо отдать ребенка в сад или на подготовку к школе.

Другой пример. В отношениях с ребенком мама не справляется с выстраиванием границ. Сейчас это очень часто бывает. Была угроза прерывания беременности, или ребенок много болел, из-за чего у мамы есть идея, что он – «не садовский». При этом она совершенно не замечает, что все делает за него. Ребенок растет, крупнеет, матереет в борьбе со взрослыми за власть. В школу он приходит с развитым интеллектом. Но в эмоциональном плане такой ребенок – трехлетний карапуз, протестующий против взрослых, который делает только то, что хочет. Обстановка детского сада помогла бы ему как-то выстроиться, подрегулировать себя.

Повторюсь, подготовка к школе в большей степени нужна даже не для интеллектуального развития, а для развития саморегуляции.

Если родителям тревожно, можно привести ребенка в школу на диагностику в шесть лет. И не для того, чтобы понять, готов он или нет. Потому что сразу могу вам сказать: «Не готов». Но этот визит поможет вам понять, какова степень зрелости ребенка.

И как провести оставшийся год до школы, чтобы потом ему было легче. Если вы, как родитель, уверены в себе, то, пожалуйста, не сомневайтесь, что нужно непременно бежать туда, куда бегут все. Нет, с вами все в порядке. Сидите дома и занимайтесь детскими делами. Когда вы придете в школу, возможно, вы будете подготовлены к ней лучше, чем все остальные, которые куда-то бегали. Позже ваш ребенок, даже если он чего-то не знает, обязательно догонит однокашников, сравняется с ними к концу первого года.

У вас все будет хорошо.

Если вы замечали проблемы именно в области саморегуляции ребенка – а обычно первые звоночки бывают даже в раннем детстве, – вам нужно найти собеседников по этой проблеме. И начать лучше с медиков. Например, если в возрасте четырех-пяти лет ребенок не сотрудничает со взрослыми, устраивает истерики в ситуациях, когда нужно потерпеть совсем немного, стоит обратить на это внимание. Если в дополнение есть проблемы с речью, не надо ждать, что ребенок все эти трудности перерастет. Не стоит слушать истории о том, что таким же был его папа, что мальчики вообще позже начинают говорить… В общем, пожалуйста, доверяйте своей родительской интуиции. Если у вас есть тревожность, хорошо бы пойти к специалистам и поговорить. К кому, например? К неврологу. Он назначит необходимое количество исследований. Чтобы что-то узнать о мозге ребенка, о том, как там все устроено и есть ли проблемы. Пока еще, к сожалению, медицина не дает нам полного ответа на все наши вопросы, потому что мозг – самый загадочный орган. Но все-таки о каких-то проблемах мы можем узнать с помощью исследований. Например, хорошо бы понять, что у ребенка с кровотоком, не болит ли у него голова, не повышено ли внутричерепное давление. Все эти особенности влияют на дальнейшее обучение, и обо всем этом можно узнать с помощью медицины. И начать корректировать.

Каков круг специалистов, которые оказывают ребенку помощь, кроме неврологов и смежных докторов, к которым он может вас направить? Это психолог, нейропсихолог, который, в отличие от психолога, занимается как раз развитием высших психических функций: внимания, памяти, речи, мышления. И смотрит на то, как у ребенка устроена мелкая и крупная моторика. И в первую очередь все его усилия направлены на развитие межполушарных связей. Это модный термин в области образования, который, на самом деле, имеет отношение и к саморегуляции ребенка, и к его способности усваивать информацию, и, в конечном итоге, к его способности учиться.

Очень важным специалистом в этой цепочке также является дефектолог или коррекционный психолог.

И логопед. Центров, которые объединяли бы представителей всех этих специальностей, к сожалению, очень мало. Я надеюсь, что скоро они начнут появляться в каждом районе, потому что такие учреждения очень нужны. В них будет собрана команда специалистов, которые смогут рассмотреть проблемы ребенка с разных сторон. И будут собираться вместе для того, чтобы все эти знания как-то соединить.

Что делать, если ребенку уже исполнилось 7 лет, а в школе считают, что он не готов. Индивидуальный образовательный маршрут

Во-первых, не нужно волноваться, потому что до возраста восьми лет мы можем ждать спокойно. Если ребенку исполнилось семь лет и задержка есть, нужно точно определить, в чем именно она состоит. И выстроить систему занятий с помощью уже обозначенного круга специалистов, для того чтобы через год ребенок свои проблемы преодолел.

Если к восьми годам неготовность сохраняется, к сожалению или к счастью, по закону о правах ребенка на образование он должен начать его получать.

В школе или дома – это на усмотрение родителей, но какую-то форму образования выбрать придется. Родители должны знать, что школа обязана принять ребенка. Даже если у него есть множество сложностей, тяжелые и множественные нарушения (он не передвигается самостоятельно, у него есть интеллектуальные и вместе с тем двигательные нарушения), он не может читать, писать и, возможно, даже не сможет никогда этому научиться, – школа обязана принять такого ребенка. Школа по месту жительства может выдать направление в какое-то другое учреждение. Либо вам должны предоставить письменный отказ, с которым вы можете обратиться в управление образования вашего района, и вам подберут какие-то другие образовательные возможности.

В такой ситуации процесс коммуникации между школой и родителями облегчает особая организация, которая называется «психолого-медико-педагогическая комиссия» (ПМПК). Специалисты, которые входят в ее состав, разрабатывают индивидуальный образовательный маршрут для ребенка, удовлетворяющий его образовательные потребности.

Для того чтобы его составить, им потребуются определенные документы (медицинские и психологические заключения). Этот перечень находится в открытом доступе. Записаться на прием не так сложно, как думают некоторые родители. И хорошо бы, чтобы к началу заседания комиссии вы примерно представляли себе, что вы хотите от нее получить.

Что может облегчить пребывание ребенка в школе? Ну, прежде всего, назначение тьютора. То есть человека, который

будет сопровождать вашего ребенка в процессе обучения и помогать ему встроиться в систему. Не стоит думать, что тьютор полагается только умственно отсталым детям. Как раз нет. Бывает, что такой ребенок хорошо вписывается в образовательный процесс и без посторонней помощи. Чего не скажешь про детей, например, с расстройствами аутистического спектра или неврологическими заболеваниями.

Есть и другие ситуации, когда ребенку предстоит учиться по особой программе, которая предполагает индивидуальный выбор материала, который он может или не может усвоить. Например, так называемая программа седьмого вида. Нет, эта программа предназначена не для умственно отсталых детей. Она адресована обычным ребятам, которые имеют какие-то особенности, и предполагает, что ребенок может усвоить не всю программу целиком, а не менее 30 процентов от нужного объема. И дальше учитель сам определяет доступную ребенку нагрузку. Программа седьмого вида отводит больше времени на освоение материала. Например, на четырехлетнюю программу будет отпущено пять лет. И когда ребенок будет писать контрольные работы, ему дадут больше времени и больше возможностей пользоваться дополнительными материалами. А по окончании школы он получит тот же аттестат. То есть его дальнейший маршрут будет абсолютно таким же, как у других детей. Но во время обучения он будет получать больше поддержки, а школа – дополнительное финансирование. Это важно знать, если мы говорим о государственной школе.

> Родителям, чьи дети учатся по особой программе, будет спокойнее. Потому что они не станут требовать от ребенка того, чего он дать не может. И ни у них, ни у школы не будет тревоги по поводу собственных возможных упущений.

Все осознают, что ребенок учится хорошо, он очень старается, но просто не может усвоить программу по некоторым предметам. Или если он отстает по большинству из них от своих одноклассников, это не его вина, а преодолимая трудность. Как только мы снимаем чувство вины с него самого, с его родителей, с учителей за то, в чем они не виноваты, дышать всем становится легче.

Но, к сожалению, чаще всего родители этот вопрос как раз заранее не решают. Они рассуждают так: давайте мы сейчас отдадим ребенка в школу, а там посмотрим. И вот это «посмотрим» затягивается на год-два. Если, например, школа не сталкивалась с такими случаями, то есть с такими детьми. Мы в

нашей школе сразу предлагаем родителям пройти ПМПК и еще на старте определиться с образовательным маршрутом. Мы можем рекомендовать кому-то сразу получить маршрут седьмого вида. Но если у школы нет такого опыта, она не знает, как работать с этой ситуацией (а сейчас таких случаев становится все больше и больше). Проблема сначала загоняется в тупик, от чего все ее участники страдают иногда несколько лет, и только потом разрешается с помощью ПМПК.

Глава 2
Как выбрать школу

Основания для выбора

В этой главе мы поговорим о том, как выбрать школу для ребенка и не запутаться в современном разнообразии.

Прежде всего, давайте попробуем определиться с основаниями выбора. На первый взгляд, это совсем не трудно. Но, исходя из своей психологической практики, могу сказать, что людям бывает непросто четко определить, чего же они на самом деле хотят. В чем состоят их истинные ценности.

Помните, в фильме «Сталкер» Андрея Тарковского была особая комната, в которой исполнялись желания. Но только подлинные, сокровенные, в которых человек сам себе подчас не признавался. И важным эпизодом в фильме является рассказ главного героя о некоем человеке, который пошел в зону просить здоровья брату, а в итоге сказочно разбогател…

Школьное образование, которое в итоге получают наши дети, отчасти является такой комнатой, которая проявляет наши истинные ценности… Или их отсутствие, такое тоже бывает.

К сожалению, чаще всего основания, которые определяют наш выбор, проясняются уже после того, как школа найдена. И у родителей возникает какое-то внутреннее недовольство результатом, перерастающее в тревогу. Если реальность школы входит в противоречие с базовыми принципами родителей, они принимаются искать новую, и ребенок меняет одну школу за другой. В итоге ребенку приходится тратить много сил на адаптацию к новым учреждениям, и это не очень хорошо для него. Вот почему так важно, чтобы личные ценности как родителей, так и всей семьи находили отражение в выбранной школе. И хорошо бы, чтобы между ними не было никаких драматических противоречий. Подумайте: «Чего я желаю своему ребенку? Мне важно его материальное благополучие? Или личностное развитие прежде всего? А может быть, я хочу научить его делать самостоятельный, ответственный выбор? Чего я хочу на самом деле?» Ведь это разные задачи.

Исходная путаница приводит потом к недоразумениям. Например, родители, чьи дети учатся в православной школе, навязчиво, каждую неделю, спрашивают у завуча, почему в учебном расписании так мало уроков английского языка. Мне часто приходится наблюдать такие ситуации. Конечно, английский Православию не помеха, и часто нам хочется, чтобы у ребенка было и одно, и другое, и третье. Но, к сожалению, эти

ожидания не всегда реалистичны. Редко когда наши цели можно состыковать между собой, исходя из принципа реальности, а иногда это просто невозможно. Поэтому определяемся с главным, а остальное лучше оставим как пожелания.

> Если родители с самого начала твердо определяются со своими *приоритетами*, разочарований и тревог у них потом будет гораздо меньше.

Важным условием выбора школы являются еще и потребности самого ребенка. Этот пункт становится очень важным, если особенности ребенка видны невооруженным глазом. Если он не попадает под стандарт в силу своих индивидуальных характеристик, либо не дотягивает до него, либо сильно опережает. Есть школы, которые умеют и считают нужным работать в ситуации разнообразия особенностей учеников. А какие-то школы не смогут быть партнерами родителей в решении задачи по созданию наилучших образовательных возможностей для их нестандартного ребенка. Это происходит по разным причинам. У школы нет возможности, компетенций или таких ценностей, то есть она не может или не хочет работать с особенными учениками. Причем когда я говорю «особенными» – одаренных я тоже имею в виду. Этот выбор – не учитывать позицию школы в таком важном вопросе, даже если мы сделали его осознанно, – все равно догонит нас по факту. Особенно если ребенок не дотягивает до уровня школьной программы. А школа не готова / не имеет ресурсов / не считает нужным проявлять гибкость в этом вопросе. Тогда проблема автоматически целиком и полностью ложится на плечи родителей. И они оказываются в ситуации, в которой будут пытаться равномерно натягивать маленькую скатерть на большой стол. Она начнет рваться.

Обычно в младших классах эта ситуация решается путем умножения усилий родителей с целью «подтянуть» ребенка до нужного уровня. Они начинают заниматься, нанимают ему армию помощников, но часто безрезультатно.

> Если ваши усилия увеличиваются, а результат все хуже – значит, школа и вообще образовательный маршрут для ребенка был выбран неправильно.

Однако у нас есть возможность этой ошибки избежать. Прежде чем делать выбор, мы внимательно посмотрим на ребенка. И если почувствуем неуверенность в своей оценке, найдем вдумчивых собеседников, которые помогут сделать вывод о его способностях и возможностях, и внимательно их послушаем.

Ведь часто бывает, что мы находим таких собеседников, но не готовы принять их точку зрения. И если специалисты рекомендуют нам какую-то другую программу или другую образовательную ситуацию, то лучше с самого начала принять их совет. Потому что ошибки выбора пути в самом начале потом очень больно бьют и по родителям, и, что самое обидное, по детям. Так что вопрос, насколько мой ребенок может соответствовать и должен ли он соответствовать образовательному стандарту, один из самых важных при выборе школы.

Надо сказать, что сегодня образовательный стандарт уверенно кренится в сторону индивидуальных программ по принципу «сколько детей в классе – столько у нас должно быть и программ».

По идее, все школы должны справляться с появлением в классе детей с особенностями здоровья и все должны уметь работать с одаренными детьми. Но вот незадача – нормативная база при этом предполагает, что результат, к которому направляют детей разные образовательные программы, должен быть одним и тем же. И сейчас эти два требования пришли в драматическое противоречие. В нем и заключается основная проблема школ. Будем надеяться, что в ближайшее время эта ситуация как-то решится. Пока этого не происходит, и не потому, что педагоги и чиновники не видят этого несоответствия. А потому, что проблему очень сложно решить на территории такой большой страны. Сложно стандартизировать экзамены, которые проводились бы с учетом индивидуальных особенностей не только отдельных детей, но регионов или специфики микрорайона. Да и экономически проще, надежнее управлять ситуацией единообразия. Кроме того, сложно решиться на отказ от единого стандарта для всех, в нем действительно кроется много опасностей для общества. Стандарт имеет статус федерального закона, и каждая школа обязана выстроить образование в соответствии с ним. На основе стандартов формируются Примерные образовательные программы, и по ним уже проводится тестирование на всех уровнях. По результатам этих тестирований определяют эффективность и качество работы школы, ее рейтинги. И хотя программы имеют статус примерных и рекомендуемых, тесты делают их догматически обязательными. И неспособность ребенка к освоению определенных тем или объемов материала превращается в большую проблему.

Как решает эту проблему большинство школ? Они перекладывают значительную часть ответственности на родителей. Школе очень тяжело справляться с многообразием

учеников и их способностей, не только по части возможностей, но и мотивации. Поэтому педагоги обычно собирают родителей и объясняют им ситуацию. Но родители зачастую не владеют педагогическими инструментами влияния на происходящее. Зато чувствуют ответственность. На этой почве расцветает все многообразие школьных неврозов и рождается конфликт со школой. Поэтому, для того чтобы не портить жизнь ни себе, ни ребенку, к выбору школы стоит отнестись ответственно. Тем более что сейчас все-таки выбор есть. И с каждым годом таких возможностей становится все больше и больше. Особенно в крупных городах. Этот тренд, скорее всего, будет неуклонным. И связан он со значительным сдвигом общественного сознания в сторону максимальной индивидуализации всех областей жизни. В том числе образования. Но так было не всегда.

Вчера-сегодня: история формирования современной школы

Советская школа, в которой училось большинство читателей этой книги, опирается на классно-урочную систему чешского педагога Яна Коменского[13]. В последнее время ее не ругает только ленивый. Тонкий юмор ситуации заключается в том, что в далеком XVII веке, когда эта система была изобретена, она была чрезвычайно новаторской и гуманистичной.

Классно-урочная система предполагает не только наличие последовательных уроков. Она подразумевает, что ученики примерно одного уровня объединяются в классы. Им преподается структурированный урок, на котором основной материал излагает учитель. Ученики отрабатывают полученные теоретические знания на практике тоже в структурированной форме. Педагоги работают по четкой программе, плану обучения. Яну Коменскому мы также обязаны тем, что детей теперь принимают в школу один раз в году и учебные занятия начинаются в сентябре. До появления этой системы обучения детей отдавали в школу в любой момент. Но удивляет не это.

Сам Коменский писал, что в его время школа перестала быть пространством игры и наслаждения для детей. И стала синонимом тяжелого и непосильного труда. Чтобы исправить эту ситуацию, он и создал свою систему. В противовес латинской, которая требовала, чтобы дети заучивали огромные куски непонятного им текста. Замечательная система Коменского в XVII веке была настоящим прорывом в образовании. Она вернула детям детство и сделала процесс обучения доступным и осмысленным.

И тут вдруг история сделала новый виток. Сейчас система Коменского стала непосильным трудом как для школы, так и для детей. И ругают ее ровно за то, за что Коменский критиковал латинскую. Школа перестала быть местом игры и наслаждения для молодежи. Но я думаю, что в случившемся виновата не система Коменского, все дело в общем движении истории. И в тех многочисленных изменениях, которые произошли в устройстве общества и научно-технической области.

Критика классно-урочной системы и поиск новых форм в образовании

Критика классно-урочной системы появилась не сегодня. Еще в начале двадцатого века было много недовольных тем, что ученикам в образовательном процессе отводится пассивная роль. Кроме того, многих педагогов и родителей беспокоило, что процесс образования оторван от реальной жизни. Ученики не понимали, для чего им, скажем, учить математику. Казалось, дай ребятам задание построить корабль, и они незаметно для себя выучат физику с математикой, да и географию с историей освоят. Так на Западе появилась проектная педагогическая система. Ее появление связывают с именами американских педагогов Джона Дьюи[14] и Уильяма Х. Килпатрика[15]. Как следует из названия, в центре учебного процесса находились не отдельные предметы, а проект. Ученик сам ставил цель, сам искал знания. Можно пойти к учителю, а можно и в библиотеку сходить. Самостоятельность только поощрялась. Любопытно, что дискуссия столетней давности о принципах построения обучения не потеряла актуальности и по сей день. Эта педагогическая система сводила обучение преимущественно к игре и труду. В ней каждое действие ребенка становилось инструментом его познания, собственным его открытием, способом постижения истины. Педагоги-новаторы считали, что такой путь познания больше соответствует природе ребенка, в отличие от привычной передачи ему системы знаний. Целями обучения стали: умение решать жизненные задачи, овладение творческими навыками, обогащение опыта. Опыт включал в себя знания как таковые и знания о способах действия. А еще воспитание вкуса к самообучению и самосовершенствованию. Звучит как педагогическое кредо современной школы, правда?

В то же время этот подход подвергался критике современников. Они считали, что обучение не может строиться только лишь на основе интересов ребенка. И опасались, что в конечном счете это приведет к отказу от систематического обучения и снижению роли научных знаний в воспитании детей.

Позже появилась лабораторная система, система мастерских. Обучение проходило не в классе на уроке, а индивидуально в лабораториях, мастерских, кабинетах, библиотеках.

Разные педагогические системы пытались вернуть детям инициативу. А учителю отводилась роль организатора процесса. В центре системы стоял сам ученик. Обучение стремилось к максимальной индивидуализации. Его целью стала организация индивидуальной учебной работы, исходя из особенностей каждого ученика.

Опять же, эта идея звучит на редкость современно… Почему же эти западные педагогические концепции не вытеснили тогда

еще традиционную систему образования? Их распространению помешали образовательные результаты, а они разочаровывали. Дети показывали низкий уровень знаний. Оказалось, что строить образование таким образом – значит уводить детей в сторону. Они не получали четкого и хорошо сформированного аппарата понятий и системных знаний. А без них оказалось невозможным качественно обдумывать эксперименты и планировать проекты. Как справедливо утверждал в свое время великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский: «Пустая голова не мыслит»[16].

В двадцатые годы в Советской России широко применяли бригадно-лабораторный метод обучения. Ведь новый советский человек должен был и учиться по-новому. Детей объединяли в бригады, вместе с учителем они планировали работу, распределяли задания. И должны были сами осваивать поставленные задачи. В теории все выглядело очень заманчиво… Но результат ужаснул вождей страны. И чиновники от образования вернулись к старой доброй гимназической системе, то есть классно-урочной. Через пару десятков лет интерес к проектным и лабораторным системам на Западе тоже угас. Причина везде одна – результаты, которые показывали дети, никого не устроили. И на тот момент все признали, что снижение роли учителя, упразднение учебного плана приводит к тому, что дети учатся не лучше, а хуже. С другой стороны, эти многочисленные педагогические эксперименты не прошли даром. Достоинства проектного метода признала педагогика многих стран. Его стали использовать как дополнение к основной классно-урочной системе.

С тех пор прошло почти сто лет. Но идея вернуть детям ведущую роль в образовании, сделать процесс обучения более индивидуализированным не оставляет педагогов. Школу все реформируют и реформируют. Мир чрезвычайно усложнился, стал непредсказуемым, и эксперты сходятся на том, что подготовка детей к неизвестному будущему по стандартной программе стала уже неактуальной.

Новые образовательные концепции связаны теперь с изменением самой жизни, все более сложной и непредсказуемой. Важно и то, что необходимые знания становятся доступны всем и могут усваиваться самыми разными способами, в том числе дистанционно. Логично, что все более вариативным будет и школьное образование. Речь не просто о поиске новых форм обучения. Изменение стандартов, реформы всегда преследуют образование. Все чаще под сомнение ставится сама школа. Ее роль как основного источника знаний для ребенка. Все активнее

развивается домашняя и семейная форма образования. Для некоторых родителей и детей становится неочевидным, зачем идти в школу и мириться с недостатками школьной системы, если есть альтернативные источники получения знаний. Я думаю, что эта тема достойна отдельной книги. Настолько она масштабна, прежде всего, по части последствий для общества. А пока мы будем говорить только о школьном образовании. Уже сейчас мы наблюдаем появление невиданного разнообразия школ и подходов. Родителям нужно в нем как-то ориентироваться, и, я надеюсь, следующая глава поможет им в этом.

Какие бывают школы

Когда приходит время принимать решение, в какую школу пойдет ребенок, многие родители спрашивают себя: а что мы сами знаем о современной школе; можем ли опираться на собственный опыт? Ведь нынешнего родителя от его первого звонка отделяет не меньше двадцати лет.

Во-первых, за это время в системе образования многое изменилось. Во-вторых, наш собственный опыт, полученный в начальной школе, это впечатления маленьких людей, перемещенных папой, мамой и обществом из одной части детства в другую.

В те счастливые времена мы видели лишь фрагменты образовательной картины. Страницы учебников, учителя у доски, отметки в дневнике. Мы не задавались вопросами: хороша ли моя школа? откуда берет начало ее система? есть ли другие способы подготовиться к взрослой жизни, получше, чем школа? На эти вопросы за нас всегда отвечали взрослые. Сегодня настал наш черед принимать важные решения, которые во многом определят судьбу и ценности наших детей.

Вот почему в этой главе я предлагаю небольшой и не претендующий на полноту обзор истории среднего образования и его современного положения. Исходя из моей практики, я могу описать некоторые действительно важные критерии, которыми руководствуются родители при выборе школы. Надеюсь, читатель сочтет их полезными и возьмет на вооружение.

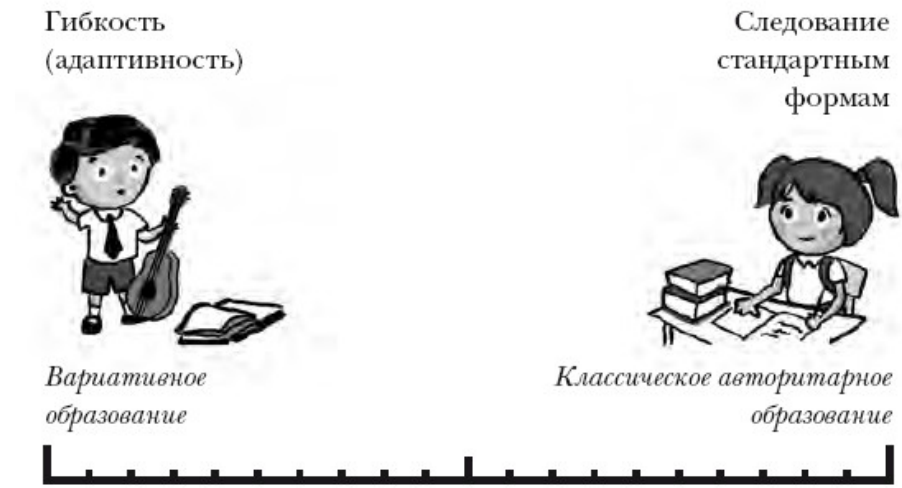
Итак, в наше время система школьного образования в крупных городах достигла невиданного ранее разнообразия. Поэтому современный родитель, выросший в скудной образовательной среде, сталкивается с большими сложностями при выборе образовательного маршрута для своего ребенка. Чтобы помочь родителям справиться с этими трудностями, я предлагаю некоторые условные *шкалы выбора учебного заведения.*

Конечно, есть много способов выбирать. Кто-то делает это сердцем: понравилось – не понравилось. Кто-то тщательно анализирует, собирает информацию, классифицирует более или менее подробно.

И даже если мы не делаем никакого выбора – это, как известно, тоже выбор.

Что такое шкалы выбора?

Эта система появилась для того, чтобы все многообразие школ можно было как-то классифицировать. Они отражают основные ценности родителей в области образования. Эти ценности папы и мамы могут осознавать или не отдавать себе в них отчета. Чем более осознаны эти критерии и чем больше соответствует им учебное заведение, чем выше вероятность, что выбор школы будет верным и родители получат удовлетворение от результатов, которые продемонстрирует их ребенок.



Для того чтобы четче представить саму шкалу, я буду использовать утрированные описания левого и правого края. В реальной жизни крайности встречаются редко, именно поэтому я предлагаю говорить о шкале. А не о выборе из двух альтернатив. Но для того, чтобы разместить на этой шкале образовательные учреждения, которые нам предстоит вначале оценить, мы должны лучше представлять, как выглядят крайние полюса.

Эта шкала поможет нам определить, вокруг чего строится образовательный процесс в школе. По “моему опыту, она является для родителей одной из ключевых. А ошибки по этому основанию обходятся ребенку и родителю особенно дорого. Поэтому с нее я и начну.

Левый край шкалы. В школах такого типа в сердцевине образовательного процесса находится ребенок с его особенностями, интересами и потребностями. В правой части шкалы приоритетом является набор важнейших знаний, которые школа хочет поместить в голову ученика. Чем ближе к левому краю – тем больше свободы будет в учебном учреждении. Тем больше оно старается организовать среду, способную максимально заинтересовать ребенка, тем больше ориентируется

на его интересы и желания.

Как правило, в таких школах практикуют разнообразные творческие занятия. Упор делается на раскрытии талантов учеников. Еще в учреждениях крайнего левого толка ребенок обычно имеет возможность выбирать форму изучения материала. Например, он может решить, что ему будет удобнее прочитать новую тему в книге и потом задать вопросы учителю. Или сначала послушать объяснения, а потом читать. При этом в школьном пространстве тоже много свободы. Сидеть за партой не всегда обязательно, в классе оборудованы разные зоны. Часть учеников может читать в мягкой зоне, остальные – делать опыты. Ребенок может сам определять, нужен ли ему сейчас перерыв, или он будет трудиться над какой-то задачей два часа кряду. Обычно целью таких школ является раскрытие творческого потенциала ученика через создание развивающей среды. Основное упование этих педагогических систем – интерес ребенка, который является двигателем всего образовательного процесса. Идея состоит в том, что ему нужно помочь обнаружить у себя интересы и создать подходящие условия для их реализации. А дальше ребенок войдет во вкус, получение знаний будет приносить радость и он сам захочет преодолевать трудности в учебе. Если этот подход сработает, приятным бонусом может стать самостоятельность ребенка в получении знаний. Тот факт, что он сам является полноправным участником своего обучения, повышает его осознанность и сводит к минимуму сопротивление обучению. Некоторые родители, особенно если они сами пострадали от школьной тирании, приходят в восторг от такого подхода.

Самыми известными у нас представителями таких педагогических школ являются авторские школы Монтессори и Вальдорфская школа. Хотя ими этот список далеко не исчерпывается.

Некоторые школы используют элементы этих подходов. Например, в Москве и других крупных городах можно встретить менее известные, но от этого не менее яркие авторские школы. Они могут быть основаны на признанной психолого-педагогической авторской концепции, например работать по системе Эльконина-Давыдова[17]. Или являться уникальными, как, например «Школа самоопределения»

А. Н. Тубельского[18]. Это одна из самых известных демократических школ в России и в мире, имеющая свою конституцию. При жизни ее директора-основателя Александра Наумовича Тубельского[19] в школе не существовало балльной системы оценивания.

В конце учебного этапа педагоги составляли качественно-

содержательную характеристику каждого ученика. В ней они отмечали продвижение ребенка в деле освоения и развития способов работы. А еще давали рекомендации на будущее. При этом его успехи связывали не с нормами оценок и не с успехами товарищей. Их определяли, сравнивая ребенка с самим собой. Учебный год завершался творческими экзаменами. Их проводили открыто, ученик сам приглашал родителей и товарищей. Этот экзамен являлся демонстрацией реальных достижений ученика и показателем его индивидуального продвижения в деле получения знаний. Сейчас школа меняется, в старших классах появилась система оценивания, нет больше творческих экзаменов в конце года, но многие традиции сохраняются.

Чаще всего авторские школы создаются одним человеком, но при активном участии коллег-единомышленников. Вместе они выстраивают уникальное образовательное пространство. В нем они могут реализовать на практике свои ценности, обучая собственных детей и детей тех родителей, которым близок по духу их подход. При том что каждая такая школа по-своему уникальна, концепции и практика авторских школ обычно сильно отличаются от традиционных. Первые часто противопоставляют себя вторым, критикуют и доказывают преимущества новых подходов перед известными. Продуктом для авторских школ обычно является не набор знаний или умений, а личность ребенка. Основными ценностями в развитии личностных качеств детей для них могут быть: способность занимать позицию, развитие чувства прекрасного, умение делать осознанный выбор. И тогда задача педагогов состоит в том, чтобы организовать такую насыщенную образовательными событиями жизнь, чтобы дети вовлекались в происходящее сами. Такие личностные результаты образования сложно оценить с помощью стандартных экзаменов. Именно поэтому отношение сторонников традиционной системы к авторским школам чаще всего ироническое и недоверчивое.

Но приверженцы авторского подхода уверены, что по-настоящему развитая личность может справляться с разнообразными задачами. В том числе и со сдачей государственных экзаменов.

Авторским школам тоже может быть свойственна некоторая авторитарность. Но она будет выражаться не в определении стандартного набора знаний, который ребенок должен усвоить, а в расстановке приоритетов в образовании. Например, дети из младшей школы сделали удачный спектакль. Вдохновленный директор говорит «стоп» и снимает всю среднюю школу с занятий, чтобы они тоже смогли его увидеть.

Кстати, анализ мировых тенденций в образовании показывает, что способность адаптироваться к меняющемуся миру и оставаться при этом самим собой стала явным трендом. Добавим – во всех сферах человеческой жизни, и образование тут не исключение.

Критика школ левого края

Многие родители, педагоги и психологи опасаются за результаты, которые мы получим на выходе, если обучение будет лишено четко заданной структуры и системы контроля. Беспокойство вызывает прежде всего излишняя свобода ребенка в выборе темпа и объема знаний. Ведь если у него нет привычки трудиться и сама система не понуждает его к этому, то он может вырасти лентяем и неучем. Причем с большой претензией на то, чтобы все вокруг восхищались им и создавали условия для раскрытия его творческого потенциала. Если школа будет активно подстраиваться под особенности ребенка, есть шанс, что он не научится подстраиваться под жизнь и будет из нее «выпадать».

А еще родителей, как правило, беспокоит, что институты высшей школы не будут обращать внимания на творческий потенциал абитуриентов. Они станут рассматривать баллы ЕГЭ, актуальные достижения ребенка, и никто не будет интересоваться, что ему интересно.

Представители классического, формализованного образования поговаривают, что авторские школы «очень похожи на детский летний лагерь и в них уделяется недостаточно внимания учебному процессу». Их оппоненты парируют, заявляя, что хорошо выстроенный педагогический процесс возможен и в свободном пространстве, насыщенном образовательными событиями. Такой подход ведет к формированию мотивированной личности, которая потом с успехом справляется с учебой, поскольку действует осознанно и целенаправленно.

Правый край шкалы

Здесь находятся школы, в которых ваш ребенок точно будет сидеть за партой, получит четкое расписание уроков, домашние задания и систему контроля знаний. В этой шкале мы не рассматриваем, высокую или низкую образовательную планку задает школа. Главное, что эта планка – четкая.

Минимум знаний ученика и его усилий в таких школах определен. И система четко реагирует на пересечение границы, о чем и сигналит ребенку и родителям. Степень уважительности этой обратной связи может варьироваться. От «закрой рот, тебя никто не спрашивал, чего тебе хочется, будешь делать то, что нужно» до вежливого, но четкого объяснения необходимости соответствовать образовательному стандарту. Но речь сейчас не об этом. Хотя понятно, что в традиционной школьной модели на грубое подавление личности нарваться проще. Потому что сама система не имеет защиты от такого насилия. Чаще всего все зависит лишь от личностных качеств администрации и конкретных педагогов. Важно понять, что в школах правого края мало кто захочет искать к ребенку индивидуальный подход, потому что он не является ценностью. Если ученик не хочет учиться и откровенно ленится, он тут же получит нагоняй.

Нужно еще оговориться, что формализованная образовательная среда необязательно будет включать в себя лишь стандартный набор предметов.

Она предполагает только четкую структуру занятий. Чаще такие школы, действительно, имеют стандартный набор. Но иногда он может приятно или неприятно удивить родителей. Например, физико-математическая школа вводит в качестве обязательных занятия в театральной студии или музыкальном классе. На первый взгляд, это сочетание кажется странным. Но руководители школы могут считать, что без творческой составляющей научные открытия невозможны. И такая школа на нашей шкале несколько продвинется к левому краю.

Минусы такого подхода

Если ребенок по каким-то причинам не вписывается в стандарт (есть особенности здоровья, проблемы с мотивацией и т. д.), система может среагировать жестко и вымотать ребенку и родителям много нервов.

Также критики с левого края шкалы говорят о том, что эта система подавляет мотивацию ребенка.

А еще снижает его способности адаптироваться в совершенно непредсказуемом мире, вбивает в него устаревшие знания, которые ему не пригодятся. Многие гуманистически ориентированные психологи считают, что традиционная система школьного образования тратит кучу энергии родителей и ребенка, но при этом готовит его ко вчерашнему дню. Она не учит делать самостоятельный выбор. Да еще и перекладывает

ответственность за «укатывание» детей в эту неудобоваримую и устаревшую систему на родителей. В ответ представители правого края замечают, что без последовательного, четко заданного, структурированного обучения ребенок не сможет получить качественную базу. А без нее дальнейшее самоопределение просто невозможно.

Какой выбор – правильный?

По моему опыту, очень важно, чтобы школа и родители совпадали в своих педагогических подходах. Тогда и ребенку будет легче. В противном случае родители, чей ребенок учится в творческой школе, будут вздрагивать от каждой репетиции, на которую детей забрали с уроков. Ведь, с их точки зрения, недопустимо пропускать математику даже ради важного общешкольного мероприятия, которое объединяет детей и учителей! И они тревожно спрашивают своего ребенка: «Что у вас там опять такого придумали? А учиться вы когда-нибудь будете?!» Такими словами они невольно обесценивают школьную атмосферу, ребенок оказывается втянутым в конфликт между школой и родителями.

Есть ли золотая середина?

Если говорить корректно, есть школы, которые сознательно стремятся к золотой середине. Некоторые из них сейчас стараются сочетать эмоционально-смысловой компонент в обучении с высокими стандартами образования. Например, в школе есть обязательный набор школьных дисциплин (на этапе до старшей школы, где много предметов по выбору). А вот в какую летнюю экспедицию он поедет, ребенок выбирает сам. Тем не менее такие школы скорее исключение из правила.

Редко кому удается балансировать в центре представленной шкалы. Хорошая новость в том, что в законодательстве, которое регулирует систему образования, прописано и то и другое. То есть, с одной стороны, в нем указано, что школа должна соответствовать федеральному государственному образовательному стандарту(пугающий ФГОС)[20]. Стандарт обязателен к исполнению всеми школами, как муниципальными, так и негосударственными. С другой стороны, современное законодательство об образовании дает школе и педагогам право составления индивидуальных программ в соответствии с

возможностями ребенка. Индивидуализация образования – это педагогический подход из левой части шкалы. Стандарт – из правой. То есть, по идее, любая школа может сочетать в себе и то и другое. Однако практика показывает, что мало кому удается балансировать в центре шкалы и сочетать в себе оба направления. Поэтому гораздо проще определить, чему конкретная школа отдает предпочтение, и прикинуть, насколько вас это устраивает и подходит ли вашему ребенку.

Интеллектуальное разнообразие
Интеллектуальная элита
Разнообразие также может быть социальным и религиозным
Элита может быть социальной, религиозной и т. д.

Помните тот момент в фильме «Форрест Гамп», где мама приводит главного героя поступать в общеобразовательную школу? Директор объясняет ей, что уровень IQ[21] ее сына – ниже установленной для их школы границы и поэтому он не может быть зачислен. Сцена эта очень яркая. И я уверена, что именно возможность такого провала толкает родителей на путь раннего развития своих чад.

Идею отбора детей по разным параметрам, прежде всего по интеллектуальным, приписывают Мангеймской системе. Она появилась в образовании в конце XIX века. И в начале XX столетия получила широкое распространение в некоторых европейских странах, США и Австралии. Сегодня элементы этой системы сохраняются в системе образования Англии, США, Австралии. В России они, кстати, тоже встречаются.

Основная идея очень проста – разделить детей по уровню способностей. Результаты вступительных испытаний (тесты, собеседование, экзамены) помогают распределить учеников по группам. Классики школы выделяли четыре группы: от одаренных до умственно отсталых. Предполагалось, что каждая из них будет

учиться по своей программе, в своем темпе. А если кто-то из учеников потом блеснет результатами, сможет перейти из одной группы в другую. На практике это происходило очень редко.

Какие черты этой системы можно встретить сейчас в современных школах? Давайте, как и в прошлой раз, определимся с крайними точками шкалы, а потом поговорим о середине.

Левая часть шкалы

Здесь любые виды интеллектуального отбора не практикуются по разным причинам. Например, школа ориентирована на детей из своего микрорайона. И администрация понимает, что все равно в ней будут учиться местные жители, ведь они имеют на это приоритетное право. Кстати, если мы говорим об отсутствии вступительных испытаний в первый класс, то эта позиция школы совпадает с законодательством. Потому что практика отбора – вне закона. Речи о выделении более «сильных» учеников внутри школы тоже часто не идет. В таких школах спокойно говорят о том, что мы берем и учим всех. Бывает, что отсутствие интеллектуального отбора – ценностная позиция администрации. Я лично знаю многих директоров православных школ, для которых принципиально важно, что у них в школе нет и не может быть интеллектуального отбора. И это не только помогает вписаться в школу детям с ограниченными возможностями, но и не мешает развитию детской одаренности.

Авторские школы, в силу своей гуманистической направленности, обычно поддерживают идею разнообразия. И в них можно встретить и интеллектуально одаренных детей, и детей скромных возможностей, работающих вместе над одним проектом. Ценностью для них является установка на сотрудничество, принятие идеи о том, что все люди – разные.

Также есть школы, как государственные, так и частные, как авторские, так и традиционные, которые вводят в число своих ценностей инклюзию детей с разными особенностями. То есть их полноправное включение в обучение. Такие учреждения успешно вводят в работу классов одного-двух детей с особыми образовательными потребностями. Для каждого такого ребенка по всем предметам составляется индивидуальный учебный план. Он может отличаться не только в части изменения самой программы, но и в системе оценивания ученика.

Некоторые школы справляются с инклюзией за счет выстраивания адекватной индивидуальной программы. А где-то

есть много возможностей для внеурочных занятий – мастерские, занятия верховой ездой, походы. Если у школы есть понимание ценности инклюзии, инструменты найдутся. Теоретически на уровне законодательства все школы должны быть готовы к инклюзии и работе с одаренными детьми, но на практике не у всех есть на это ресурсы.

Критика этого подхода

Общество, по крайней мере официально, все больше дрейфует в сторону интеллектуальной толерантности. И критиковать этот подход вслух не очень удобно. При этом у сторонников интеллектуального отбора есть своя логика. Они стремятся организовать для ребенка развивающую интеллектуальную среду, полагая, что иначе у него не будет стимула для развития. Если ребенок показывает хорошие интеллектуальные показатели, родители стремятся найти для него общество ему подобных. Чтобы в нем он мог чувствовать себя в своей тарелке и занимался тем, что ему интересно.

Сотрудники школ для одаренных детей знают, что их подопечные нуждаются в специально организованном процессе обучения. Им нужен напряженный и сложный интеллектуальный труд. Такие дети хотят и могут заниматься исследовательской деятельностью не приблизительно, а достаточно серьезно и по более реальным, а не только детским критериям. Им необходимы и другие дополнительные предметы, другие факультативы, другой уровень внеучебных занятий. Эти дети нуждаются в них очевидным образом. Иногда просто физиологически. Поэтому можно понять, почему родители одаренных детей стремятся попасть в школы, которые предоставляют ребенку такие возможности. В некоторых из них – высокий уровень интеллектуального отбора.

Впрочем, часто родители вполне обычных детей тоже стремятся «натаскать» ребенка, чтобы он попал в среду одаренных. Иногда они просто обольщаются из родительского тщеславия относительно способностей ребенка. А иногда уповают на то, что главное – попасть в «сильную» школу и среда сделает свое дело.

В советские времена был широко распространен отбор в специальные школы. Были, например, знаменитые физико-математические заведения. Помните, школы района делились на «простые» и «языковые»? Если ребенок учился рядом с английской школой, он имел право ходить в нее в любом случае.

Но за неуспеваемость его могли перевести в «простой» класс. Сейчас в Москве после объединения школ такая система сохраняется. Только теперь в рамках одного огромного учреждения действуют разные подразделения. Иногда это просто разные здания бывших разных школ. Часть учреждений пользуется возможностью распределять учеников в зависимости от их способностей, а главное – мотивации.

Как выглядит правый край шкалы, то есть школы с интеллектуальным отбором?

Начнем с того, что в 2012 году в Москве началась реформа школьного образования. Она ставила своей целью как раз борьбу с негласным разделением школ на «элитные» и «слабые». Предполагалось, что в результате непростой и болезненной для многих реформы качественное образование станет более доступным. «Сильные» школы подтянут «слабые» и сделают разрыв между ними менее ощутимым. По прошествии нескольких лет Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» провел исследование, которое показало, что задуманное не вполне реализовалось. Школы теперь называют образовательными комплексами, и внутри них сохраняются «элитные» подразделения. Туда стремятся попасть родители, там сохраняется коллектив более «сильных» учителей. Которые, в свою очередь, привыкли работать с одаренными учениками. Еще в этих объединенных школах сохраняется жесткий отбор в лицейские и профильные классы. Он проходит в средней и старшей школе.

Но поскольку в эти классы попадают ученики из более сильных подразделений комплекса, поступить в них стремятся с первого класса.

На самом правом краю шкалы находятся школы, которые сознательно развивают идею принадлежности учеников к «избранному» сообществу.

И большинству из этих школ удается создавать атмосферу напряженного интеллектуального труда. Здесь ученики и учителя трудятся с взаимным интересом. Обычно учителя в таких школах знают свой предмет далеко за пределами учебной программы. И, кроме педагогической, занимаются еще и научной работой. В средней и старшей школе между учителями и учениками часто складываются дружеские, неформальные отношения. А в начальной – дистанция короче, чем в обычных школах. Тут родителям нужно понимать, что управление такими

сообществами происходит по своим законам, на которые трудно влиять. Как обычно, все побочные эффекты входят, что называется, «в стоимость билета».

В некоторые школы, практикующие интеллектуальный отбор, конкурс начинается даже на уровне возможности попасть в группы развивающего дошкольного обучения. Основным критерием отбора там, как правило, является не способность ребенка выполнить какой-то определенный тест, а характер его деятельности на пробных занятиях. За ребенком наблюдают опытные учителя. Они смотрят в первую очередь на его мотивацию к сложной умственной деятельности. Решает ли он задачи с удовольствием, охотно ли участвует в интеллектуальных соревнованиях. Обращают внимание и на круг его интересов, общий кругозор. В каждой школе есть опытная психологическая служба, с которой можно посоветоваться, если возникли сомнения.

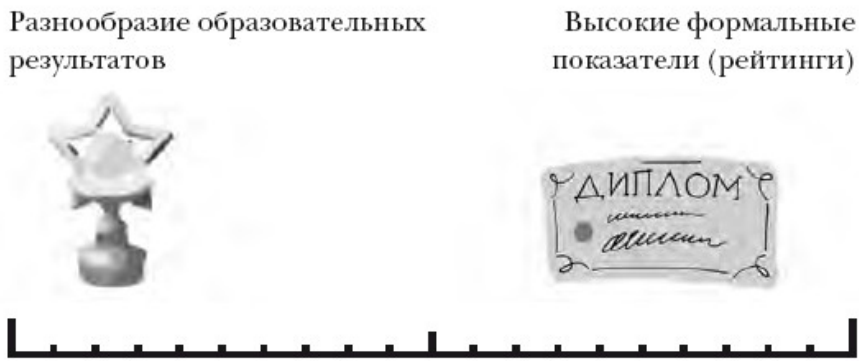
Хорошая новость для родителей может заключаться в том, что в школах, ориентированных на интеллектуальную элиту, как правило, есть добор. Он начинается с пятого класса. Чаще всего он рассчитан на приток новых одаренных детей.

Некоторые интеллектуальные школы, действующие по принципу интернатов (да, остались такие, и даже отрываются новые), вообще набирают детей, начиная с конца средней школы. Так что если ребенок будет учиться в обычной школе и хорошо развиваться, то шанс попасть в одну из таких школ есть. Нужно только пройти испытания.

Критика этого подхода

Мне вспоминается история, которую рассказал мне декан одного из ведущих технических вузов. Несколько лет назад они начали сотрудничать с одной школой, ученики которой славились своей интеллектуальной исключительностью. Результаты ЕГЭ выпускников были прекрасные. Они взяли их в университет почти в полном составе. Но в первый же год столкнулись с невероятным процентом отсева. Стали разбираться – что такое, почему так случилось? Ведь у ребят были действительно хорошие результаты. Выяснилось, что они не смогли учиться без специальной педагогической поддержки, которую вуз, конечно, не обеспечивает. Выпускники этой школы «свято» верили в свою интеллектуальную исключительность и не могли усиленно трудиться наравне со всеми. Вообще, про феномен ранней детской одаренности есть много исследований.

За ними стоят подчас трагические судьбы. Многие педагоги говорят, что идея избранности может помочь таланту только в контексте служения Богу, отечеству. Но на уровне современного образовательного учреждения такой пафос невероятно трудно будет реализовать. Эти заявления могут звучать фальшиво. Поэтому идеи интеллектуальной избранности православные психологи и педагоги критикуют за развитие у детей тщеславия и гордости. Светские специалисты отмечают, что чувство своей «элитарности» может мешать, а не помогать детям в дальнейшей социализации. Да и ребенку с нормальными способностями очень тяжело находиться в атмосфере интеллектуального снобизма. А дух конкуренции может тормозить, но не развивать его способности.



Одной из разновидностей «элитных» школ нового времени являются заведения, которые находятся в постоянной погоне за рейтингами. Справа окажутся школы, стремящиеся к высоким формальным показателям. Тут важно, чтобы ребенок хорошо писал проверочные работы, участвовал в олимпиадах, был ориентирован на высокие баллы ЕГЭ.

Именно по этим показателям оценивают школы чиновники Министерства образования. Уже несколько лет в Москве идет борьба за «лидерство без отстающих». Это значит, что Министерство образования стимулирует московские школы не просто достигать высоких формальных результатов, но специальным образом следит, чтобы среди них не было таких, чьи показатели окажутся ниже условной нормы. У администрации «отстающих» школ могут быть большие проблемы, так что родителей не должно удивлять, что проверочным работам, в особенности баллам ЕГЭ и местам в олимпиадах, уделяется большое внимание.

Эти показатели не стоит путать с интеллектуальной

элитарностью. Потому что часто особым шиком интеллектуально сильных школ является некоторое презрение к формальным рейтингам.

В случае с рейтинговыми школами весомым плюсом для родителей становится престиж. Чувство, что они – хорошие родители, – дополнительный бонус. Раз школа входит в верхние строчки рейтинга, я, как родитель, могу немного расслабиться. Я постарался и выбрал правильное место для своего ребенка. При современном высоком уровне тревоги у родителей такое спокойствие дорогого стоит.

Критика такого подхода

Сами педагоги школ, стремящихся к рейтингам, замечают у детей потерю мотивации. Или даже, скорее, потерю самого ученика. В моей практике встречалось немало неврозов, спровоцированных сочетанием такой школы и семейной модели, ориентированной до поры до времени на грамоты и медали. Уже потом родители плачут и говорят, что лучше бы он был троечником, чем теперь ходил по психологам да врачам с экземой. И тогда бы не сидел до утра над книгами, потому что не может лечь спать, пока не сделает все уроки идеально.

Левый край шкалы

Слева находятся школы, которые спокойно относятся к наградам. Там могут не обращать на них большого внимания просто из равнодушия (хотя такое отношение по указанным выше причинам встречается все реже). Или сознательно, когда такая погоня не поощряется, исходя из разных ценностных оснований. Например, директор школы с гуманистическими ценностями может считать, что ребенка нужно сравнивать только с самим собой и излишнее рвение в соревнованиях может ему повредить.

Критика такого подхода

Разного рода соревнования, сравнения – это часть нашей жизни, от нее никуда не деться. Многие взрослые полагают, что именно в детстве у ребенка должна сформироваться привычка участвовать в состязаниях. Он должен проживать разный опыт и формировать иммунитет к ним. Не стоит ограждать детей от

столкновения с реальностью. С тем фактом, что ты не можешь быть всегда первым, не будешь всегда выигрывать или, наоборот, отказываться от борьбы.

Как понять, где примерно на каждой шкале расположена конкретная школа

Прежде всего, нужно еще раз заметить, что разметка школ на шкале – это некоторая условность. Совершенно не обязательно скрупулезно отмечать позицию школы на каждой из них. Речь о том, чтобы держать в голове критерии, которые могут совпасть с вашими представлениями о нужном педагогическом подходе для вашего ребенка. И тем упростить себе жизнь на долгие годы, избавившись от изнурительной внутренней или внешней борьбы.

Как правило, у нас нет недостатка в информации о школе. Если мы хотим собрать данные, богатый материал дает сайт школы. Мы смотрим, как они подают информацию, какие слова используют, о чем рассказывают больше, а что обходят стороной. Большинство школ проводят открытые праздники, мероприятия по случаю разных событий. Кроме отзывов знакомых и друзей, можно просто прийти в школу и постоять на перемене, понаблюдать, как общаются ученики между собой и с учителями. Сейчас в школы не так просто попасть, но, если вы назначите встречу с администрацией, рекомендую прийти пораньше. Многие учреждения сами заинтересованы в открытости, в том, чтобы к ним пришла созвучная им аудитория. Поэтому они готовы приглашать родителей на открытые уроки и собрания, разрешают пообщаться с учителями и учениками. На практике я вижу, что такой подход выгоден и школе, и родителям. Ведь чем более открыта школа, тем проще родителям сделать правильный выбор. И тем выше степень их удовлетворенности этим выбором, просто потому, что они знали что делают.

Я знаю школу, в которой с родителями проводят двухдневный вводный семинар. У них появляется возможность познакомиться с педагогической системой, на основе которой работает школа. На первый взгляд такая основательность может напугать. Два дня – большая роскошь по нынешнем временам, когда ни у кого нет времени. С другой стороны, если представить, что школе и родителям предстоит играть в одной команде одиннадцать лет, эти дни уже не выглядят большой жертвой и представляются оправданными.

В школе, в которой я работаю, кроме регулярных классных собраний, два раза в году проводятся длинные общешкольные. С

чаем, пирогами и яркими рассказами о том, чем был наполнен школьный год и чего мы хотим добиться в будущем. Речь на таких встречах идет не только о формальных образовательных результатах учеников, но и о наполнении школьной жизни, многообразии событий и их педагогическом значении для детей. Задача собрания – не просто похвастаться достижениями, а сформировать единое пространство общения и жизни, вовлечь родителей в общие дела.

Если же все попытки вступить в диалог со школой не увенчались успехом, это тоже полезная информация. А еще возможность заранее прикинуть, как вы будете чувствовать себя в таких ограниченных условиях.

Удачным мне кажется сравнение разных школ с поездами, которые до момента отправления имеют разные маршруты, разные скорости и конечные пункты назначения. Заранее выяснив интересующие вас параметры, вы сильно повысите шансы выбрать нужный «поезд». Проблемы обычно начинаются там, где вся эта информация собирается уже в пути. Спорить с машинистом, конечно, можно, но обычно эти разговоры не дают результатов, а иногда и просто опасны. Так что желаю вам быть внимательными и честными с собой, определяя, что же для вас действительно важно.

Частная или государственная

Отдельный вопрос, который остался за рамками нашего разговора, – различия между частными и государственными школами. Основное отличие – в возможности доступа к разнообразию подходов к обучению и воспитанию. Например, формат православной школы практически невозможно организовать в рамках государственной. С возможностью регулярно посещать богослужения, вести дополнительные предметы и отдавать предпочтение детям из православных семей. Муниципальные учреждения могут иметь некоторый религиозный акцент. Но тогда они будут называть себя «школой с этнокультурным компонентом». Кроме того, обычно частные школы предоставляют более широкие возможности в области внеурочной деятельности. Есть мнение, что атмосфера в частных школах более терпимая к дисциплинарным нарушениям. Но практика показывает, что вседозволенность в обмен на высокую стоимость обучения скорее миф, чем реальность. Такие школы просто не выживают. Потому что качество их работы, как в области воспитания, так и в области образования, не устраивает прежде всего родителей. Скорее, правда о частных школах в том, что они более открыты для общения с семьями. И статистически чаще ориентированы на индивидуальный подход, поскольку больше заинтересованы в привлечении учеников, ведь у них нет планового «притока» из микрорайона.

Православная или обычная

Во-первых, должна сказать, что для православных школ действуют все те же шкалы, о которых мы говорили выше. Только с поправкой на религиозную составляющую. То есть православные школы – очень разные. Есть такие, в которых проводится жесткий отбор по степени воцерковленности семей. А есть учреждения, которые принимают всех, кто туда стремится попасть. Главное – чтобы не было воинственного противостояния. Есть школы, ориентированные на интеллектуальную элиту. А есть принципиально не имеющие отбора или отсева по этому показателю. Можно найти школу, в которой вашего ребенка будут ценить за то, что он – хороший товарищ в походе и ему можно доверить важное хозяйственное поручение. И существуют учреждения, где угроза отчисления появляется в связи с тем, что ребенок учится не на четверки и пятерки.

Степень религиозности школы анализировать сложно. Понятно, что православные учебные заведения по-разному подходят к этому вопросу. Как сотрудница одного из них, могу сказать: не стоит идеализировать их с точки зрения внутренней атмосферы.

И если вы выбираете православную школу для того, чтобы ребенок не принес оттуда ничего плохого, то идти в такую школу точно не нужно. Родителям, которые настроены на поиск чистоты нравов, можно порекомендовать одно: не отдавать детей в школу вовсе. Потому что поставленная ими задача не имеет решения в современном мире. Знакомый батюшка, когда его спросили, хорошо ли в нынешних православных школах, ответил отчасти в шутку: «Очень плохо». – «И что же теперь, не отдавать в них детей?!» – «Обязательно отдавать. Потому что в остальных местах может быть еще хуже». К сожалению, без этого трезвого понимания, что мир неидеален, родителям будет трудно. Старайтесь не обольщаться.

Огромным плюсом может быть то, что ребенок из воцерковленной семьи встретится с детьми из семей с похожим укладом. Это может быть особенно важно в начальной школе. Когда еще сложно принять идею многообразия мира и сделать самостоятельный ответственный выбор.

Техника выбора школы

Прежде чем обсуждать этот вопрос со знакомыми, читать какие-то отзывы, я бы порекомендовала полагаться в первую очередь на собственное впечатление. Это значит, что в выбранную вами школу нужно несколько раз прийти. И постараться подольше там побыть. Посмотреть на ее выпускников, узнать, куда они планируют поступать, как живут, как проводят время. Как обстоят в школе дела с внеклассным образованием. Хотят ли дети, и это очень важный критерий, уходить после уроков домой. Зайдите в школу в тот момент, когда занятия закончились. Посмотрите, всех ли детей забирают сразу, или они еще остаются в школе для каких-то формальных и неформальных занятий. Если вам важно, чтобы ребенок любил школу, то увиденное вами станет хорошим показателем общей атмосферы. Если дети из школы не разбегаются, а остаются и в школе кипит жизнь: работа, игра (не только в кружках, но и во дворе дети заняты какими-то общими затеями или делами), – вполне вероятно, что это правильное место.

Могу рассказать, по каким критериям выбираю школу лично я, но совсем не настаиваю на том, что мой выбор правильный. Оговорюсь, что в данном случае я выступаю как мама, а не как специалист. Во-первых, я точно выбираю ее не по территориальному признаку, особенно если окрестные заведения неблагополучные.

> Выбор школы очень важен, потому что школа является нашим партнером на многие годы. И если в течение как минимум одиннадцати лет мне предстоит иметь с ней дело, то зачем я буду осложнять себе жизнь? Мне хочется, чтобы мои отношения со школой, так же как с мужем и с детьми, были гармоничными. Иначе жизнь будет тягостной.

Критерий моего выбора – совсем простой. Я понимаю, что взгляды моих детей на жизнь еще не окрепли. И мне хочется, чтобы, пока они еще формируются, их окружали умные и талантливые люди Поэтому я нашла заведение, которое максимально соответствует этому моему критерию. В выбранной мной школе работают люди, с которыми мне интересно общаться. Мое мнение может не всегда совпадать с мнением каждого сотрудника этого заведения, но ведь это и невозможно. Тогда бы нам, наверное, было неинтересно друг с другом. Но в це лом

наши педагогические взгляды совпадают. Общий педагогический подход у нас какой-то в этом смысле есть, и эти люди умны и талантливы. Все очень просто. Этот подход ничего мне не гарантирует. Но он повышает шансы на то, что мне будет симпатичен результат, который я увижу потом в своих детях.

Дополнительным бонусом для меня явилось то, что люди, которые работают в школе, где учатся мои дети и, по стечению обстоятельств, теперь работаю и я (хотя изначально это было не так), считают, что детям должно в школе нравиться. Это – второй и важный критерий моего выбора. Потому что я понимала: окажись я в ситуации партизанской войны, победы мне не видать. Я знаю родителей, которые водят детей в школу как во вражеский стан. Другой вопрос, что я так жить не хочу. А еще я знаю, что эта ситуация тяжела для психики ребенка. Моим детям просто нравится ходить в эту школу. Им нравится – когда заканчиваются каникулы и выходные, они говорят: «Ура! Школа!» И моя жизнь в связи с этим становится значительно легче. Такой настрой не избавляет меня от школьных проблем, которые все равно во множестве обрушиваются на мою голову, как и на голову любого родителя. Но мой выбор делает все проблемы решаемыми. Потому что основное для меня состоялось – в школьной жизни я нахожу отражение моих собственных ценностей.

> Я думаю, что вот это соответствие школы вашим ценностям является самым важным. И если мы разобрались с тем, какие они, из этих установок вытекают все остальные вопросы, заявленные в этой главе. Должна ли школа быть частной или государственной? Православной или светской? Должна ли она работать по какой-то методике или действовать по стандарту? Близко ли к дому она расположена? Маленькая она или большая? Все это множество условий зависит от того, чего я как родитель от школы в первую очередь ожидаю.

Приведу такую метафору. Первую половину своей профессиональной жизни я работала в сфере подбора персонала. И вела переговоры с руководителями о требованиях, которые они предъявляют к потенциальным сотрудникам. В этом вопросе очень важно избежать противоречий. Потому что часто бывает, что одни добродетели предопределяют дефицит других. Например, если нам крайне важно, чтобы сотрудник был инициативным, не стоит ждать от него исполнительности. Потому что эти качества в равной степени редко встречаются в одном человеке.

Так и с выбором школы. Если я хочу, чтобы она была маленькой, уютной, домашней, семейной, не стоит ждать железной дисциплины. Но ведь часто бывает, что мы, родители, предъявляем очень высокие требования к учителям по части уважения индивидуальных особенностей наших детей. Но при этом возмущаемся, почему другого ребенка они никак не могут вогнать в рамки. И эта проблема двойных стандартов приводит к множеству трудностей. Я вижу их, поскольку являюсь сотрудницей частной православной школы, в которой учатся дети с разными особенностями. Родители стремятся, чтобы их ребенка приняли к нам. Но при этом часто возмущаются, если за соседней партой оказывается такой же «особенный» сосед. И эти противоречия встречаются на каждом шагу. Человек в этом смысле – существо не очень рациональное. Поэтому так важно для начала договориться с самим собой. Тогда и с остальными договариваться будет проще.

Держаться ли принципа «пешей доступности школы»

Считается, что этот принцип избавляет и без того усталых детей от лишней нагрузки, связанной с перемещениями по городу. Стоит задать себе вопрос: чем это наши дети так перегружены? Почему они утомились еще до начала занятий? И чем еще мы их нагрузили, помимо школы, что они так устают? Конечно, хорошо бы в идеале иметь прекрасную школу рядом с домом. Но я думаю, что можно выстроить режим детской жизни иначе, чтобы на отдых и сон оставалось достаточно времени.

«Школа по остаточному принципу»

Есть родители, которые считают, что, раз школа по соседству не блещет, но ходить в нее удобно, тогда основные знания ребенок будет получать во второй половине дня – в хороших специализированных кружках. Историю искусств – в Пушкинском музее, английский и французский – в чудесном языковом центре… Основной минус такого расклада в том, что школа забирает много психической энергии. Вне зависимости от нашего к ней отношения. Уже в первой половине дня она может так сильно поломать ребенка, что все остальное ему уже просто не понадобится. Кроме того, здоровье ребенка и степень его перегруженности сильно влияют на его адаптацию в начальной школе. Поэтому расписания младшего школьника стоит выстраивать так, чтобы он обязательно получал свою норму сна и отдыха.

Школа «по наследству»

Часто при выборе школы, особенно для второго, третьего ребенка, родители склоняются в пользу заведения, куда уже ходят старшие дети. Но ведь дети бывают такими разными. И, например, школа, которая может вполне подойти двум старшим, третьему, младшему, не подойдет. Возить или не возить детей в разные школы, возможно ли это или невозможно – все эти вопросы можно решить, исходя из основных ценностей семьи. И, конечно, принципа реальности. Как вы уже поняли, мы все время возвращаемся к основному тезису. Я думаю, что проще выстраивать жизнь в партнерстве с каким-то основным союзником. То есть, если конкретная школа меня, как маму, устраивает и я вложила массу сил в выстраивание отношений с ней (ведь сейчас родители очень сильно вовлечены в школьную жизнь), мне будет трудно разорваться на семь фронтов. Я обязательно что-то упущу. Поэтому, конечно, хорошо бы, чтобы таких партнеров было максимум два.

Может случиться, что в семье есть дети с какими-то особенностями и им нужна другая школа. Например, учреждение для слабовидящих. Или балетный талант ребенка столь очевиден, что стоит отдать его в специализированную школу. Тогда, конечно, мы подстраиваемся под основные линии развития событий. Но этих линий в многодетной семье все-таки не должно быть четыре или пять. Одна-две – это нормально. Три – если вдруг случилась какая-то грандиозная особенность в области здоровья или способностей. Как показывает моя практика общения с многодетными семьями, их выбор разных школ определяется просто особенностями здоровья детей.

Глава 3
Как выбрать первого учителя и выстраивать с ним отношения

С выбором первого учителя есть очевидная сложность. С одной стороны, все признают важность этого шага. Исследования психологов показали, что первый учитель влияет на качество школьной адаптации больше, чем все остальные условия. С другой стороны, сам процесс его выбора бывает затруднен куда больше, чем выбор учебного заведения. В отличие от школы, этот вопрос никак не отрегулирован законодательно и решается на уровне отношений.

Многие школы не предоставляют никакой информации об учителях начальной школы. А значит, не дают возможности знакомиться с ними на этапе принятия решения. Есть школы, в которых кадровые назначения происходят уже в августе и до последнего не ясно, кто какие первые классы берет.

Родителей справедливо беспокоит этот вопрос, они начинают собирать информацию о педагогах заранее. И активно делятся ею друг с другом в родительском сообществе. Эти сведения бывают порой противоречивыми, и делать выбор на таком основании тоже трудно.

Частные православные школы

Обычно они бывают связаны с каким-то православным сообществом. А большая часть семей в таких общинах – многодетные. Поэтому велика вероятность, что кто-то из детей друзей, знакомых учился в конкретной школе. Так что обычно недостатка в информации о ней нет.

В таких школах чаще всего бывает не больше двух первых классов. Все зависит от количества поступающих и ресурсов школы. Есть ли свободные учителя начальных классов, кабинет для дополнительного набора…

Если первый класс в школе один, ее выбор может совпасть с выбором учителя до знака равенства.

Государственные школы

В крупных школах, которые нынче стали образовательными комплексами, набирают больше пяти параллелей первых классов. И выбор учителя является одной из главных интриг.

Как сейчас происходит зачисление ребенка в школу? По закону государство должно предоставить ему право учиться. На практике это означает, что ближайшая по территориальному признаку школа должна зачислить вашего ребенка, если он зарегистрирован в этом микрорайоне. Сейчас все чаще зачисление в школы по территориальному признаку происходит через портал государственных услуг. Да, у ребенка есть право пойти в школу по месту жительства. А вот о праве ребенка учиться у выбранного родителями педагога в законодательстве ничего не говорится.

В некоторых школах еще можно подать заявление о приеме ребенка в первый класс, и там родители могут указать ФИО педагога, в классе которого они хотели бы оказаться. Дальше начинается процесс, скрытый от глаз родителей, и в итоге появляются списки. Обжаловать их можно, но результат не гарантирован. Списки учеников по классам формирует завуч начальной школы. Он ориентируется на три условия:

✓ пожелания родителей;
✓ пожелания учителя;
✓ наличие мест в классе.

> Процесс выбора учителя чем-то похож на брак. Это главное, что важно понять родителям. То есть выбирают не только они, их выбирают тоже.

Конечно, потом решения завуча обосновываются количеством мест в классе и другими благовидными причинами. Но учителя, в класс к которым многие хотят попасть, часто имеют право голоса при его формировании. Особенно если они вели подготовку. При этом администрация школы, конечно, может включить какого-то ученика без согласия учителя. Все опять же зависит от отношений и методов управления персоналом, принятых в школе.

В некоторых учреждениях администрация допускает переход учеников от одного учителя к другому даже в течение года. В таких школах дети между классами могут быть распределены неравномерно. Где-то – тридцать пять первоклашек, где-то – двадцать семь. Понятно, что в этом случае администрация старается идти навстречу пожеланиям родителей. Эта позиция имеет свои плюсы. Родители могут повлиять на выбор учителя, и это повышает шансы найти контакт с ним. С другой стороны, плохо, когда учителей ставят в прямую в зависимость от мнения родителей. Если родительское сообщество начинает управлять

педагогическим процессом, под угрозу попадает профессиональная позиция педагога. И тогда качество его работы неизбежно ухудшится. Как обычно, в этом вопросе важен разумный баланс.

Как выбирают педагогов родители, а педагоги – учеников

Давайте посмотрим, какие критерии обычно служат родителям ориентиром в этом вопросе. Степень значимости этих критериев у всех разная. Многие из них связаны между собой или похожи.

✓ *Профессиональный опыт.* Чаще всего речь идет, конечно, не о реальном опыте педагога, а об общественной оценке его работы. В понятие «сильный педагог» каждый родитель вкладывает что-то свое. Для кого-то им станет учитель советской закалки, наследник авторитарной педагогики. Для кого-то – молодой мотивированный педагог с творческим подходом.

✓ *Обучающая программа*, на основе которой работает педагог. Кстати, иногда в этом вопросе он подчиняется решению администрации школы. Для многих родителей первичным условием является не личность учителя, а выбор программы, ее сложность и глубина. С каждым годом родители все больше стараются влиять на ее выбор, не доверяя его учителям. С одной стороны, это радостно. Потому что большинству наших родителей в свое время было неизвестно даже имя авторов программ, по которым мы учились. С другой – сейчас это стремление часто переходит разумные границы. Не редкостью стали скандалы из-за того, что часть родителей настаивает на преподавании математики «по Петерсону», а другая резко им возражает. Накал обсуждения при этом напоминает фильм «Гараж» режиссера Эльдара Рязанова.

✓ *Методы поддержания дисциплины и общий уровень требований в этом вопросе.* Удержать внимание учеников и научить их соблюдать правила поведения можно совершенно разными методами. В этом вопросе нет однозначно правильных и неправильных методов, ведь дети бывают разные. Другой вопрос, что каждый педагог имеет свой «чемоданчик» с разными «инструментами». У кого-то – большой набор разных отверток, фонариков и хитрых приборчиков, а кто-то из раза в раз пользуется молотком.

✓ *Педагогические установки учителя.* Считает ли учитель важным включать «трудных» учеников в образовательный процесс? Стремится ли искать подход к таким детям или уверен, что они должны покинуть класс/школу? Настроен ли он на сотрудничество с родителями или считает, что они мешают учебе?

✓ *Особенности темперамента учителя.* Некоторым родителям важно понять, какой темп ему свойствен. И терпим ли он к медлительным или активным детям. Является тревожно-контролирующим или ориентирован на воспитание самостоятельности в учениках. Эмоциональный он или сдержанный. Кроме того, учителя сильно различаются по «громкости звука». Кто-то «берет» шумным напором, а кто-то умеет так посмотреть, что и голос повышать не нужно.

Однако этот критерий имеет значение не сам по себе, а в сочетании с темпераментом вашего ребенка.

Вот пример. Учитель – очень яркий, темпераментный педагог, разговаривает с детьми на повышенных тонах. При этом к ученикам относится с уважением. Просто у него *такая* манера говорить. И некоторым детям она вполне подходит. Они с удовольствием ходят на уроки. Но в классе есть одна впечатлительная девочка.

Она выросла в трепетной, интеллигентной семье, в которой вообще никто не повышает голос. И у нее во время уроков возникает чувство, что «учитель летает по классу на метле». Девочка говорит, что, когда учитель кричит (а кричит он почти всегда), она вжимается в свою соседку по парте и старается спрятаться у нее за плечом.

Мы спрашиваем: «А твоя соседка как реагирует?» Она отвечает: «Ей хорошо и совсем не страшно».

✓ *Личностные качества учителя и качество общения с учениками.* Речь идет об отношении к детям, понимании их потребностей, способности выстраивать отношения. Насколько ценным является для учителя уважение, насколько тянутся к нему дети.

✓ *Организация экскурсий и поездок, то есть внеклассных мероприятий.* На языке родителей это называется «вывозить класс». Для некоторых из них такая активность является показателем включенности педагога в обучение, его заинтересованности в детях.

А теперь поговорим о том, на какие критерии ориентируются учителя, когда выбирают учеников.

✓ *Качество контакта с родителями.* Речь о том, слышат ли они педагога, насколько готовы уважать его рекомендации.

✓ *Уровень подготовки ученика* (см. главу «Как подготовиться к школе»).

✓ *Соотношение уровня подготовки учеников в избранном*

классе. Опытные педагоги отмечают, что год от года этот показатель меняется. Если в классе собралось много «сильных» детей, учитель может рекомендовать перевести «слабого» ребенка в другой.

Этот взаимный выбор часто делается еще до первого личного знакомства. Лишь на основании информации, полученной из разных источников. Тем не менее рано или поздно знакомство с учителем состоится. Конечно, хорошо бы встретиться с ним еще до того, как будет принято окончательное решение о выборе школы. Этот шаг поможет сделать его обоснованным и оставит возможность для маневра.

Собрание для родителей

Регистрация электронных заявлений о приеме в первый класс московских школ начинается 15 декабря, в канун начала года обучения. В других регионах она может начинаться с первого февраля того календарного года, когда ваш ребенок должен стать первоклассником. Часть школ проводит собрания для родителей первоклассников еще весной, как правило в мае. Если ваш ребенок посещает подготовительные занятия или вы написали заявление на поступление в школу, вас обязательно пригласят. Если вы еще раздумываете, стоит попросить разрешения поприсутствовать хотя бы на общешкольном собрании для родителей первоклассников.

Чаще всего на таких мероприятиях перед родителями выступают представители администрации школы. И излагают общую информацию: о школьной форме, количестве смен, общих правилах учреждения. А затем родители расходятся по классам. Если они уже сформированы.

Другой вариант – вы подали заявление в школу, которая не относится к вашему микрорайону. Тогда администрация может еще не знать, будет ли место для зачисления вашего ребенка. Все зависит от того, сколько местных детей им придется принять. Это станет понятно после первого июля. И тогда родителям, возможно, придется посетить не одно, а несколько собраний. Конечно, если школа разрешает присутствовать на них родителям еще не зачисленных в нее детей.

> Даже если вы очень заняты на работе или дома, с другими детьми, на первое собрание я бы рекомендовала сходить вместе. Оно очень информативно. На основании

увиденного и услышанного можно составить первое впечатление. А главное, понять, сможете ли вы стать с этим учителем партнерами на долгие четыре года.

О чем спросить учителя на первой встрече

Важно не только то, о чем спрашивать, но и как это делать. Нужно обязательно уточнить, что ваши вопросы связаны с желанием поближе познакомиться с учителем, что вы как родители немного волнуетесь. Важно, чтобы сам тон разговора был доброжелательным и ничем не напоминал допрос.

Вопросы, которые я бы рекомендовала задать, помогут лучше понять учителя вашего ребенка, а значит, повысят шансы на эффективное сотрудничество.

По какой программе вы будете учиться, какая форма одежды принята в школе и список необходимых покупок будут обсуждаться непременно. Дополнительно я бы уточнила:

✓ что учитель думает о качестве подготовки ученика; на что, может быть, стоит обратить внимание летом;

✓ как он видит свою задачу как учителя;

✓ какой поддержки ждет от родителей;

✓ чем вы можете помочь ребенку в освоении школьных навыков;

✓ как будет поддерживаться дисциплина в классе, и в каких случаях к решению этого вопроса будут привлекаться родители;

✓ как вы будете получать обратную связь, то есть как вы узнаете о победах и трудностях своего ребенка, о том, что у него есть проблемы, например, с пониманием какой-то темы, или о том, что он что-то не выучил, забыл; и, наоборот – что ребенок очень старался и продвинулся в освоении своих школьных навыков;

✓ как вы сможете давать обратную связь, в какой форме вы будете рассказать учителю о происходящем с ребенком. Во-первых, ситуативно (заболел, перенервничал накануне, сильно волнуется перед контрольной, вечером решил не делать домашнее задание и интересуется, как это воспримет учитель). Стоит уточнить, как учителю будет удобно получать такую информацию. Стоит ли писать СМС или можно сказать утром пару слов лично? Писать ли в интернет-группы, звонить ли с вопросами относительно домашних заданий? Или лучше уточнять информацию у других родителей? В этом вопросе нет однозначно правильной и неправильной реакции учителя. Кто-то из педагогов будет рад пояснить задание вечером.

А кто-то сможет восстановиться после трудового дня, только если пообщается с семьей и отключится от работы.

Во-вторых, в какой форме возможны обстоятельные беседы о ребенке, если у вас появятся вопросы. Конечно, хочется надеяться,

что все будет хорошо.

Ребенок будет усваивать программу без проблем и не столкнется со школьной травлей. Но многих серьезных проблем получается избегать благодаря тому, что мы к ним готовимся. И имеем алгоритмы решений. С появлением первых трудностей хорошо бы понимать, как можно поговорить о них с учителем. Чтобы вместе найти способ помочь ребенку. Если у ребенка есть особенности, которые могут повлиять на его школьную адаптацию, рекомендую обсудить этот вопрос с учителем после собрания. Речь идет о свойствах нервной системы, темперамента или поведения, характере интеллектуального развития. Главный вопрос, на который нужно найти ответ в этой беседе, – готов ли учитель работать с этими особенностями ребенка? Сталкивался ли он с такими детьми в своей практике, владеет ли он нужными педагогическими инструментами?

Тут важно отметить одну популярную ловушку. Сейчас у родителей в ходу есть идея отстаивания прав своих детей. Они так и формулируют эту позицию. Родители приходят к учителю с готовностью бороться. Эта идея выросла из потребительской культуры. Ее логика такова: я могу заказать товар, вернуть испорченный или попросить мне его заменить. Могу, наконец, потребовать, написать жалобу, после чего непременно получу желаемое. Часто именно такая установка провоцирует развитие ответных защитных механизмов у учителя. И существенно снижает шансы на установление взаимоуважительных отношений.

Диалог стоит начинать из партнерской позиции. Постараться дать учителю больше информации о своем ребенке, чтобы ему было проще работать. Обычно такая заинтересованность родителей вызывает положительный отклик у педагога. В любом случае я, как психолог, не очень верю, что человека можно «вынудить» сотрудничать. Чем больше ребенок нуждается в индивидуальном подходе, тем большее значение имеет мотивация учителя к его осуществлению.

Стоит ли дожидаться «учителя своей мечты»?

Иногда родители думают: «Подожду-ка я год, и тогда мой ребенок попадет к очень хорошему учителю. Я его уже присмотрел. Ведь в младшей школе самое важное – это педагог, а саму школу можно потом сменить…» Хочу сказать, что если выбор школы сделан более-менее правильно и вы совпадаете с ней по основным ценностным смыслам, то учитель младших классов, да и другие учителя, которые вам будут попадаться, окажутся чуть хуже или чуть лучше, но в целом они не станут драматически противоречить вашим взглядам. Поэтому откладывать поход в школу не стоит. Важно только убедиться, что доступный в данный момент педагог подходит по темпераменту вашему ребенку. И только если вы видите, что этого не происходит, стоит начинать искать хорошего учителя в другой школе. Опять же, в новой, но не случайной. Почему? Перевод ребенка в другую школу, конечно, возможен, и его можно пережить. Но, скорее всего, к этому моменту ребенок уже так срастется с прежней школой, да и родители так привыкнут к ней, что всем будет досадно тратить энергию на адаптацию к новым условиям.

Итак, если учитель драматически не совпадает с особенностями вашего ребенка, а у других педагогов в этом году нет набора – тогда стоит поискать учителя в какой-то другой школе. Которая, повторюсь, может стать вашим партнером, собеседником. И если учитель совсем не совпадает по темпераменту с ребенком или по каким-то причинам он не совпадает со школой по своим педагогическим принципам, тогда эту ситуацию терпеть не нужно. Лучше все-таки отдать ребенка к хорошему учителю. Ведь он будет рядом целых четыре года. В то самое время, когда как раз и формируются основные школьные навыки. Не стоит думать, что можно потерпеть несколько лет, а потом в жизни наконец настанет праздник. Поскольку остальные учителя, кроме первого, в выбранной школе хорошие. Младшая школа – это фундамент. И если на этом этапе у ребенка появились проблемы, они будут тянуться за ним все оставшиеся школьные годы. Первые четыре года драматически важны: и атмосфера, и обстановка в классе, и личность учителя.

Выбирая учителя, в первую очередь нужно понять, возможно ли выстроить с ним партнерские отношения.

Потому что он – наш соратник, соработник, союзник. Сможем ли мы с ним двигаться в одном русле?

Это очень важный критерий. Еще и потому, что у ребенка пока нет критического мышления. Учитель будет для него большим авторитетом, и это хорошо. Но мы не сможем сказать ребенку: «Ты знаешь, ты не слушай, что говорит тебе учительница.

Ты слушай, что говорю я». Такая стратегия подорвет психику ребенка, он не сможет вынести такого противоречия. Эта ситуация чревата развитием тяжелых неврозов. Ведь ребенка воспитывают, как говорили святые отцы, не отдельно мама и папа, а любовь между родителями. И не отдельно школа и семья, а их союз. Союз, основанный если не на любви, то, по крайней мере, на уважении. Поэтому очень важно, чтобы ребенок видел подтверждение основной педагогической мысли и дома, и в школе. И если учитель не может быть для меня партнером, если я ему не доверяю, пытаюсь его перепроверять, хожу на уроки, чтобы узнать, что он говорит моему ребенку и так ли хорошо объясняет материал, если я вынужден с тревогой находиться на переменах и это не связано с моей личной тревожностью, – тогда ребенка нужно забирать. Бывают случаи, когда родитель не может довериться ни одному учителю, но тогда такому родителю нужна помощь психолога.

Глава 4
Школа и тревоги родителей

Почему школьная тема с каждым годом вызывает все больше беспокойства

Что могут сделать родители до поступления ребенка в школу, чтобы меньше тревожиться потом? Наш разговор о родительских тревогах стоит «начинать от печки». С рассказа о том особом положении ребенка в современной семье, которое психологи называют «детоцентрическим подходом». Если совсем кратко, то эта история выглядит следующим образом.

На протяжении веков дети встраивались во взрослую жизнь. Учились, получали навыки, заглядывали в мир взрослых как бы через замочную скважину. Всячески старались попасть в него и быть там нужными. Пытались понять, по каким законам функционирует этот мир, и старались ему соответствовать. В разные эпохи у взрослых были свои задачи, смыслы и идеалы. Традиционное общество было сосредоточено на служении Богу, сохранении и передаче традиций. Кроме того, жизнь в те времена была трудная, опасная. Поэтому необходимость выживания на физическом и духовном уровне являлась вполне реальной. На эту борьбу старшие члены семьи тратили много сил.

В эпоху модерна человечество захватила идея познания и подчинения себе законов мира, покорение его просторов в самом широком смысле слова. Великие научные открытия, освоение космоса, строительство небоскребов – все это плоды модерна.

И в эпоху традиционного общества, и в эпоху модерна у детей было место, но им отводилась своя роль. И общество помогало им сформулировать ответ на вопрос, зачем вообще жить и учиться в частности. Караван взрослых шел к своим, видимым им берегам, то есть целям. А дети уже как могли встраивались в общее движение, им выделяли свое место. Забота о детях занимала часть жизни взрослых, но не являлась смысловым ядром.

На рубеже двадцатого и двадцать первого столетия, в эпоху постмодерна, смыслы жизни стали стремительно обесцениваться, исчезать. И часть общества уцепилась за ценность детей. Действительно, они являются сокровищем. И хорошо, когда их воспитанием занимаются родители, для которых это важно. Как обычно, идея сама по себе была неплоха, но подкачало чувство меры.

> Сейчас мы видим, как неуклонно нарастает и дает свои горькие плоды дето-центрическая модель. В ней вся жизнь взрослых крутится вокруг собственных чад. Им

посвящено все время, все помыслы и упования. Этот подход оказался совершенно неподходящим прежде всего для самого ребенка. Он не развивает его, а, скорее, подавляет. Не окрыляет, а, наоборот, лишает смысла и вдохновения.

На выходе мы получаем огромного карапуза, который зациклен на себе и совершенно не понимает, зачем ему не только учиться, но и жить. Подросшее чадо не выдерживает такой непосильной нагрузки – отвечать за смысл жизни родителей. Это тяжкая ноша, она вызывает тревогу у ребенка, ему хочется спрятаться, отвлечься, развлечься. Его тянет куда угодно, только не к учебе. В результате тревога у родителей снова растет. Ведь в детей столько вложено, а эффекта все нет. Значит, надо удвоить, утроить усилия! Но если подняться над этой суетой, то становится понятно, что задача по уменьшению тревоги не решится, пока дети будут занимать в мире взрослых центральное место.

Кстати, к сожалению, верующие, воцерковленные семьи не являются в этом смысле исключением. Я повсеместно наблюдаю ту же детоцентрическую модель, только помещенную в православный контекст. Когда основный смысл родителей состоит не только в том, чтобы выучить детей, но и «втолкнуть» их в Царство Божие вперед себя, всеми доступными способами. Пусть они только учатся в воскресной школе, занимаются фольклором в каком-нибудь замечательном кружке, поют на клиросе, учат английский с репетитором (без этого сейчас никак), ходят в частную православную школу… И пусть у них при этом вовсе не останется свободного времени. Не будет возможности подумать о своей жизни, не будет никаких домашних обязанностей. Потому что ничего этого они делать не успевают. В этой ситуации к нашим страхам быть плохими родителями в глазах других людей добавляется страх быть плохими в глазах Бога. А так как современное российское православное общество утеряло традиции воспитания, появляется перекос в области смысла. Мы не знаем, что нам делать, чтобы быть хорошими. Мы начинаем изобретать собственную модель «успешного» православного родительства, которая состоит в основном из суеты. Делаем мы много, но не успеваем подумать зачем. Когда дети и их образование поставлены в центр родительского мира, детям негде научиться жить для Бога. И тогда все, в том числе и образование, теряет свой смысл. Как обычно, получается, что, прежде чем воспитывать ребенка, нам нужно воспитать себя. И если наша тревога будет напоминать нам именно об этом, то тут

она может быть нам полезной.

Помимо описанной выше глобальной, установочной, причины, питающей тревоги родителей, есть, пожалуй, еще две базовые.

«Время сверхскоростей»

Никто не станет спорить, что темпы изменений, которые происходят в обществе в целом, набрали небывалые обороты. И родители всерьез беспокоятся о том, что «если мы не будем шевелиться быстрее, то никуда не успеем и этот красивый поезд в будущее уйдет, а мой ребенок на него не попадет. Поэтому я должен бежать быстрее. Если мы с ним останемся на перроне, всем будет очевидно, что во всем виноват я. Больше того, ребенок сам мне об этом скажет. Поэтому неважно, что он сейчас упирается изо всех сил и не хочет бежать вместе со мной в его прекрасное будущее. Я его потащу и буду приговаривать: „Надо, сынок. Надо“».

Скорость изменений ощущается кожей. Похоже, что эти перемены, действительно, небывалые. И они затронут все стороны жизни человека, прежде всего, саму структуру его занятости. Грубо говоря, разных видов работ для выросших детей станет меньше. А следовательно, есть подозрение, что конкуренция будет выше. И признаки этих перемен мы видим сейчас уже не только в произведениях научной фантастики. Раньше родители пугали нас тем, что если мы не возьмемся за учебу, то будем выполнять какую-то очень простую работу. Например, «так и будешь всю жизнь дворником». Сейчас родители пытаются вразумлять своих детей в основном какими-то более емкими образами. Даже возникает ощущение, что они берут их из какой-то одной специальной книжки. Большая часть моих клиентов пугает детей тем, что они будут убирать туалеты. Но, на самом деле, мы постепенно начинаем осознавать, что, судя по всему, ни дворниками, ни даже уборщиками туалетов наши дети стать не смогут. Потому что такой работы больше не будет. Уже сейчас мы видим, как повсеместно сокращают кассиров на вокзалах, операционистов в банках. И даже оценку риска выдачи кредитов перекладывают на компьютерные программы. А это значит, что простая техническая работа выводится из поля деятельности человека.

Эту тенденцию осознают не только родители с дипломами. Раньше человек вкладывался в образование ребенка для того, чтобы он был похож на родителей. Это был мощный и очень верный посыл. Но все-таки за ребенком оставался выбор, работать

ли в той же отрасли, что и родители, или выбрать какую-то работу попроще. А сейчас все папы и мамы пребывают в каком-то древнем ужасе от того, что, судя по всему, неквалифицированные занятия перестанут существовать. А это значит, что если мой ребенок не получит какую-то специальность, которая требует качественного образования, то на рынке труда он окажется неконкурентоспособным, а то и вообще за забором, он просто не попадет туда, и все.

> Вообще, эта идея всеобщей конкуренции так захватила умы, разлилась волной тревоги в обществе, что в каком-то смысле парализовала умную волю родителей. Она заставляет их совершать неосмысленные действия. По-человечески это очень понятно.

«Школьный стандарт не готовит к будущему»

Рассмотрим вторую причину той родительской тревоги, что лежит в основе нынешней школьной ситуации.

> Дело в том, что школьная подготовка не снабжает наших детей достаточным количеством инструментов, чтобы выживать в мире и хорошо себя в нем чувствовать.

Я по образованию еще и организационный психолог. Поэтому я стала задумываться над сложившейся ситуацией. Она перевернута с ног на голову! По идее, для того, чтобы школьное образование было адекватно будущей жизни ребенка, мы должны подумать, как она будет устроена дальше. Дальше – вуз и работа. Тогда мы, сопровождающие ребенка на этом образовательном и житейском маршруте, должны прийти в вуз и к работодателям. Чтобы спросить, какие компетенции они хотели бы видеть у своих будущих абитуриентов и сотрудников. Компетенции, напомню, – это совокупность проявленных в действии умений, навыков и знаний. Итак, что именно они хотят заказать школе? И сделать так, чтобы школьный экзамен измерял именно те компетенции, которые в дальнейшем потребуются в вузе и работодателю. Логично?

Но дело в том, что оценка компетенций требует сложных инструментов. И нужно еще как-то продумать критерии выраженности этих компетенций.

В области управления персоналом это очень сложный и дорогостоящий процесс. Сегодня только большие корпорации могут позволить себе сформировать и воплотить эту систему оценки. И это точно будет не система тестов. Потому что система

тестов, как известно, это ненадежный инструмент. Но у него есть одно положительное качество. Он очень дешев, что немаловажно, если учесть масштабы нашей страны. А также он дает иллюзию объективности. Именно иллюзию, потому что вроде как можно сравнивать между собой большую массу людей, и это вроде как хорошо.

Другой вопрос, что параметры, подлежащие сравнению, могут быть бесполезны и для вузов, и для работодателей. И часто они ничего не сообщают ни о качестве будущего студента, ни о качестве будущего сотрудника. Именно поэтому большинство работодателей, которым критически важен отбор персонала, не используют тесты как основной инструмент. Такова современная тактика управления персоналом.

Теперь посмотрим на то, как у нас устроено школьное образование. В последние годы его венчает система тестов. И школа вынуждена подстраиваться под эту систему. Хорошие школы решают эту задачу в параллели. То есть держат в поле зрения тесты и готовят к ним детей. А в остальной своей педагогической практике сохраняют собственные критерии оценки. Проводят конференции, защиты проектов, устные экзамены. И стараются сформировать у ребенка не только какие-то навыки и умения, которые они считают важными, но и определенный масштаб личности, человеческую высоту. Давайте подумаем, может ли человеку пригодиться в жизни навык поиска единственно правильного ответа из нескольких вариантов? Наверное, он будет нелишним. Является ли он основным? Конечно, нет! Потому что жизнь устроена совсем иначе. Но получается, что школа вынуждена иметь в виду тот главный критерий, по которому, условно говоря, оценивается и ее работа.

И она не может игнорировать этот факт. Даже хорошая частная. Школа не может жить без системы тестов. Тогда она должна помогать себе какими-то дополнительными образовательными возможностями. Но такая тактика перегружает детей. Если бы в Пушкинском лицее готовили параллельно к блистательному устному экзамену перед честным собранием и к тестам ЕГЭ, то, вполне возможно, наши замечательные предки такой подготовки не выдержали бы. Что же говорить о наших детях, чья нервная система не готова к тому, что происходит. Потому что условия их жизни и развития, как мы уже говорили в предыдущих главах, сейчас не соответствуют их потребностям.

Тогда получается, что, если школа не может отвечать за формирование нужных для жизни компетенций, за них должны взяться родители. А если мы посмотрим, что это за компетенции? Что нам нужно сейчас сформировать, чтобы ребенок смог

выживать в современном мире в социально-экономическом плане, который все равно сильнее всего волнует родителей? И не просто выживать, а как-то хорошо себя в нем чувствовать. Если говорить об основных компетенциях, большинство экспертов сходятся на четырех:

✓ *коммуникация*, которая включает в себя и умение связно излагать мысли, и способность замечать других и вступать с ними в какие-то отношения;

✓ *способность работать в команде*, создавать что-то, объединяясь с другими людьми; потому что это – уникальное человеческое свойство и чуть ли не основное конкурентное преимущество перед машиной;

✓ *креативность* — качество мышления, которое определяет способность придумывать принципиально новые идеи, тип мышления, который отличается от стандартного, общепринятого;

✓ *критическое мышление* — оно включает в себя и способность поиска информации, и умение ее оценивать, а также защищаться от всего лишнего, как-то регулировать информационные потоки.

Таким образом, первые два критерия относятся к коммуникации. Два других – к качеству мышления. И если мы посмотрим, формирует ли сейчас эти компетенции школьное образование, то станет очевидным, что они, в общем, находятся в параллельной реальности. Если посмотрим, оцениваются ли эти компетенции сейчас в школе, то увидим, что по отношению к ним она находится просто в перпендикулярной реальности. Существующая система оценки качества образования, повторюсь, просто дешева и вроде как противостоит коррупции. И она, в лучшем случае, определяет тех, кто не может учиться в вузе…

Эту мысль очень хорошо сформулировал декан одного из факультетов Физтеха, который много лет занимается отбором студентов. Он говорит, что по результатам ЕГЭ они видят тех, кто не может учиться в их вузе.

Но не видят тех, кто может. Потому что этот экзамен устроен именно таким образом.

Он отсеивает неспособных, но не выявляет способных.

> Если мы спросим преподавателей вузов, что им важно, они, наверное, назовут единственный критерий – умение учиться. Так вот, этот навык сейчас, в общем, плохо формируется и родителями, и школой. При том что обе стороны очень стараются. Никого из них нельзя

обвинить в том, что они ленятся. Просто они бегут и совершают множество действий, которые направлены не на ребенка, не помогают ему.

И школа это понимает, но она находится в какой-то всеобщей круговерти жизни. Под жутким прессингом проверяющих органов. Ее жизнь наполнена рейтингами, бумажками, отчетами, электронными дневниками, техническими новшествами, переходом на индивидуальные программы. И венчается единым экзаменом для всех и всеобщими противоречиями всего всему.

Умение учиться, которое так важно и для высшего образования, и для будущих работодателей, очень сильно завязано прежде всего на волевые качества, на мотивацию и рефлексию. Они делают человека человеком. Сейчас, в ситуации нарастающей конкуренции между техническим прогрессом и человеком, очень важно сосредоточиться на том, чтобы помочь ребенку сформировать в себе именно человеческое. А оно связано с осознаванием того, что и зачем я делаю. Это не про оценки и баллы, а про развитие личности. Мы, школа и родители, не можем просто договориться о высоких баллах ЕГЭ. Затем взять нашего ребенка, как Буратино, и обтесать его до нужных показателей. Конечно, образование ребенка должно проходить в совместной деятельности со взрослыми. Но он при этом должен обязательно обнаружить себя в этом процессе. Понимать, зачем он это делает. И если процесс будет организован качественно, тогда у нас есть шанс. Шанс, что ребенок сможет попасть на тот быстро идущий поезд, на котором так много конкуренции. Поезд, уходящий от нас в какую-то далекую и, я не знаю, счастливую ли жизнь.

Категории личных смыслов вообще очень плохо формируются на бегу, они любят тишину и диалог. Для их поиска точно нужно время. А еще желание, возможность и способность разговаривать с ребенком.

Жизнь без тревоги

Как, на самом деле, можно обходиться с нашей родительской тревогой? Почувствовав ее, мы обычно сразу переходим к действиям. Так устроена наша современная культура. Потому что очень тяжело пребывать в этом переживании и вслушиваться в него. Это настоящий труд, глубокая внутренняя работа. Она требует большой смелости и доверия – противоположности отчаяния. Доверия к жизни, к Богу, способности полагаться на Его волю. Про это легко говорить – исполнять сложно. Поэтому в

среде православных людей я этой тревоги относительно школьного образования детей вижу не меньше, чем в светской. К сожалению, в большинстве случаев формальная принадлежность к Церкви не избавляет нас от изнуряющего беспокойства. Я ощущаю его и в себе и говорю о нем изнутри собственного родительского опыта. Со всем сочувствием к измученным родителям. И эта книга – попытка разобраться в том, что нам с этой тревогой делать. Потому что сейчас мы пытаемся бежать быстрее, прыгать выше и стремиться скорее. И наш всеобщий забег приводит к очень печальным результатам.

Так как нам быть, если не бежать? Прежде всего – остановиться.

> Главная моя рекомендация: почувствовав, что вам становится тревожно по поводу школы, нужно остановиться. Подышать, вслушаться в себя, повернуться к себе лицом.
>
> Кто сможет – помолиться. Словом, нужно как-то замедлиться. Кстати, любая школьная ситуация нуждается именно в таком подходе. Шаг 1 – мы замедляемся, внимательно слушаем свою тревогу. Шаг 2 – оглядываемся по сторонам, ищем собеседников. Потому что вдумчивый разговор помогает с ней справиться. Задумываемся и составляем основание для выбора. Потом этот выбор совершаем.

Митрополит Антоний Сурожский[22] часто повторял: «Один из Отцов V века говорил: „вернись под свою кожу, живи под своей собственной кожей, ничего другого от тебя не требуется“. И тогда можно действовать изнутри…» [23] В этом случае жить нам будет легче – и до начала занятий в школе, и в процессе, и после ее окончания. Это такое универсальное правило.

Когда мы принимаемся бежать, мы начинаем формировать у ребенка точно не то, что ему действительно нужно. Пока мы тащим его за собой в попытке догнать поезд, у него не развивается самое главное. Качества, которые позволят ему потом самому выбирать поезда, корректировать свой маршрут. Наша тревога обоснованна, но действия, связанные с ней, вредны.

Вот пример. Ко мне на прием приходят родители, чей ребенок учится в престижной гимназии. С пониманием дела излагают весь ужас ситуации, в которой находятся. Они бежали, стремясь в эту гимназию попасть.

И сейчас, в начальной школе, они с трудом, всей семьей, продолжают забег для того, чтобы в этой гимназии

удержаться. Мама бесконечно участвует в виртуальных группах, где родители обсуждают, как же делать интеллектуальные проекты, которые задали детям. Папа натурально ночами эти проекты делает. Утром я наблюдаю, как родители собираются возле гимназии и делятся чувством облегчения по поводу того, что «сегодня мы проект сдали». С ужасом спрашивают друг друга, что же будет дальше? «Если нам уже сейчас так тяжело – и нам, и ребенку, – то что нас ждет в средней школе, в старшей?» Я спрашиваю, почему бы не выйти из групп и не прекратить делать эти проекты? Отвечают, что тогда из школы тоже придется выйти. Люди, действительно, бегут, как белки в колесе. Но остановиться на секунду и подумать, зачем мы делаем то, что делаем, и, главное, что можно придумать взамен, очень страшно.

И таких примеров много. На мой взгляд, продолжение забега основано, прежде всего, на бессилии. Непонятно, что делать, если не бежать. И на страхе социального осуждения: если я остановлюсь, то все кругом мне скажут, что я плохая мать (плохой отец).

Домашнее задание родителям

Эта идея про плохого и хорошего родителя тоже является сегодня очень важной темой. И я думаю, если родители чувствуют беспокойство в этой точке, его надо разрешать отдельно от школьного образования ребенка. И желательно еще до того, как он пошел в школу. Потому что потом уже начнется «битва с ветряными мельницами» и некогда будет подумать о самом себе. Вообще, с чем хорошо бы разобраться родителям до того момента, как ребенок пойдет в школу? Либо перестать вести дневник своих воспитательных неудач, выкинуть его. Либо ввести туда какие-то адекватные критерии. Например, не делать мерилом своего хорошего родительства оценки ребенка и степень престижности его школы. Потому что иначе мы не сможем сосредоточиться на том, какой у нас ребенок, и не сможем принимать решения, исходя из его потребностей. Кроме того, есть одна побочная линия, которая очень важна в нашем разговоре. Еще до того, как ребенок пойдет в школу, родителям хорошо бы обратить внимание на вопрос своей реализации в жизни. Не обязательно профессиональной, потому что забота о детях, о семье, о доме может являться не меньшей ценностью. Но важно заглянуть в себя, нет ли там жесткой связи между моими усилиями, вкладом в образование ребенка и обязательными

высокими результатами, которых я ожидаю. Напряжение от этих высоких ожиданий, как оправдание жизни родителя, может перегружать отношения «родитель – ребенок – школа». Сейчас у женщин появилась возможность оставаться с детьми и не выходить на работу. В Советском Союзе такого шанса у большинства женщин не было.

А сейчас множество семей имеют замечательную возможность воспроизвести традиционный образ жизни, когда женщина занимается детьми и ведет хозяйство, – это очень хорошо. Но проблема в том, что сейчас к этому традиционному образу жизни подмешивается культура, ориентированная на результат, высокие достижения. Часто бессознательно в семьях существует установка, что мамы приходят вместе с детьми учиться в школу. То есть эта задача воспринимается, прежде всего, самой мамой, да и папой, как работа мамы. И тогда весь смысл жизни женщины сосредотачивается на школьном образовании ее детей. И все образовательные результаты, которые мы получаем, автоматически начинают зачисляться на счет успехов или неуспехов мамы. А школьные неуспехи детей воспринимаются как карьерная неудача женщины. Очень часто эта ситуация так и формулируется в семье. Муж приходит с работы и говорит: «Ну что же ты, дорогая? Я тебе делегировал задачи, связанные со школой, а ты даже с ними не справляешься. Может, ты тогда работать пойдешь?»

И действительно, к моменту достижения уровня средней школы мама выходит на работу. Обычно измотавшись, устав от вечной битвы за уроки, с ощущением, что она сделала все что могла и больше этого делать не хочет. Она бросает все это школьное хозяйство, крепко его возненавидев. А у ребенка к этому времени школьные навыки еще не сформированы. Потому что мама училась вместе с ребенком, сама организовывала за него весь учебный процесс. У нас дети чаще всего живут в двух режимах. Поначалу мамы были их «добренькими одноклассницами». По крайней мере, у них всегда можно было спросить, что задано, списать часть «домашки», а то и выдать их работу за свою. А потом резко, в пятом или в шестом классе, они отдают учебу детям на откуп. При том что никаких признаков наступившей самостоятельности детей не наблюдалось.

Как раз главной причиной перевода детей «на самостоятельность» сейчас является тот факт, что самостоятельности у них нет. В этот момент родители понимают, что пора бы начать ее формировать. Мама с усилием бросает об пол тарелку с надписью «школа», и она вдребезги разлетается под всеобщий семейный скандал. И дальше у родителей

периодически возникают образовательные «припадки». Работающая мама время от времени сосредотачивается на школьной ситуации ребенка. Начинает переводить его из школы в школу. Налетает на педагогов, как коршун, разбирается и отстаивает права своего чада. В таком режиме мы перекидываем ответственность между родителями и школой, как горячий пирожок. И с трудом как-то «дотаскиваем» ребенка до девятого класса. А там уже впадаем в качественный невроз, потому что на горизонте появляется необходимость сдавать экзамены. «Вишенкой» на этом «торте» могут стать еще и персональные болезненные реакции родителей на школу вообще. Или на какие-то отдельные школьные ситуации. Вот мама привела в школу первоклассника. Красивая тридцатилетняя женщина, оказавшись в школе и заговорив с учительницей, производит впечатление восьмилетки. Глаза – большие от ужаса, и все ее вопросы – не про суть дела, а про страх, что будут ругать. И тогда начинаются «знаменитые» переписывания домашнего задания до ночи по четыре раза. Чтобы «было без помарок».

Или у родителей возникают бунтарские подростковые реакции. Мол, почему он в этих джинсах не может в школу ходить, покажите мне такой закон. Ребенку в этой ситуации некомфортно. Этот бунт ему не нужен, он в начальной школе такой потребности не имеет. А папа бьется с какими-то «драконами» из своего прошлого.

Как определить, что вы столкнулись с какой-то своей острой, травматической реакцией. По несоответствию эмоционального отклика масштабу ситуации. Варианта два. Или сильная эмоциональная вспышка – страх, грев, протест. Или вялая, неадекватная заторможенность, желание всеми силами избежать, отодвинуть ситуацию или исчезнуть самому. И уже потом, когда вы из ситуации выходите, появляется странное недоумение – «что это было?». Если такие реакции повторяются из раза в раз, то, скорее всего, они – не про школу вашего ребенка. Это что-то лично про вас, про собственный трудный опыт. А школьный опыт у многих родителей был ох какой непростой.

Что делать? Обращаться за психологической помощью. Потому что иначе ваш травматический опыт и травматические реакции будут сильно влиять не только на ваше поведение, но и на самого ребенка. Стесняться тут точно нечего. Человек не виноват в том, что получил травму. Но справиться со своими реакциями самостоятельно бывает трудно. Обычно чем больше стараешься, тем больше ситуация выходит из-под контроля. Так что вот еще одно важное домашнее задание для родителей. Нужно перетряхнуть свой «старый школьный рюкзак».

Посмотрите, что там лежит.

Глава 5
Учимся учиться

Уроки: чьи они, мои или моего ребенка?

Эта глава – ключевая в нашей книге. Поэтому давайте повторим основные условия, от соблюдения которых зависит успех ребенка в учебе.

Итак, во-первых, наш ребенок был готов к школе: ему интересно учиться и нравится ходить в школу, он хотел стать школьником, и эта новая роль его увлекла. Во-вторых, школа для него была выбрана в соответствии с ценностями и убеждениями родителей. Они уже знакомы с первым учителем и более-менее доверяют ему в деле воспитания нашего ученика.

В этой главе мы расскажем о благополучной ситуации с учебой и о признаках неблагополучной. Конечно, поговорим о том, что делать, если мы заметили, что что-то идет не так. Обычно это самое интересное.

Итак, как выглядит благополучная картина. Эта иллюстрация поможет понять, какой результат мы стремимся получить к концу начальной школы на самом деле.

> Наша цель – сформированная база, которая называется «учебная деятельность». Проще говоря, ребенок должен научиться учиться. На этой основе он потом будет строить свою жизнь. А закладывается она сейчас, в начальной школе.

Рисуем идеальную картину: ребенок, вернувшись из школы, в состоянии сбалансировать работу и отдых. Он понимает, сколько может отдохнуть после занятий, и сам помнит про свои уроки. Погуляв, поиграв, позанимавшись чем-то приятным, ребенок сам садится за уроки. И в этот момент – внимание (!) – *он может спланировать свою деятельность.*

Это самый сложный этап. Потому что он требует понимания, какой у меня план работы. Для этого нужно знать, какие уроки будут завтра и что было задано. Этим знанием ребенок владеет сам. Между ним и этим планом не должна стоять мама. Она не может быть источником знаний о том, что задано ребенку и какое у него расписание.

Есть только одна причина, по которой мама может ему в этом регулярно помогать. Если по заключению специалистов ребенок не в состоянии воспринять, зафиксировать и осмыслить такого рода информацию. В противном случае, после того как он научится читать, вмешательство «мамы-регулировщицы» не помогает, а мешает принять ответственность за ситуацию. Это

крайне важно.

Тут нам нужно сделать небольшое отступление и развести два понятия: «помогать ребенку научиться делать что-то самому» и «делать за ребенка». Когда мы говорим, что в его учебные дела не нужно вмешиваться, мы не имеем в виду, что ребенка нужно оставить один на один с его школьными проблемами. Важно быть рядом, когда трудно. Помогать, подсказывать, как справиться с задачей. Задавать вопросы, учить способам решения. Рассказывать о приемчиках, секретиках, которые сработают лично для вашего ребенка. Хвалить, когда получается, обращать внимание на последствия промахов. Все это помогает ему учиться.

Что значит «делать за ребенка»? Говорить, что «без меня он не справится» (исключение одно – медицинские показатели). Горько вздыхать, раздражаться, корить себя и его. И продолжать регулярно и полностью выстраивать организационную часть работы, связанную с уроками.

Помните, мы говорили о том, что психологические функции, так же как и мышцы, нуждаются в тренировке. Конечно, школьная нагрузка должна быть сбалансированной, все дети – разные и мама лучше всех знает своего ребенка. Но какая-то нагрузка у него должна быть.

Возвращаемся к расписанию и списку уроков. Мама или другой взрослый могут внимательно следить, на каком этапе у ребенка происходит сбой в планировании. И первое время, встречая его из школы, напоминать ему:

✓ вернуться в класс и уточнить задание (его обычно пишут на доске);

✓ посмотреть расписание на завтра, которое висит в коридоре школы;

✓ спросить, понял ли он, что нужно приготовить на завтра и как это делать.

Взрослый может предложить ребенку разные подсказки/ напоминалки, если у него есть проблемы с вниманием. Например, браслетик или ниточку, которая будет «сигналить» о необходимости уточнить домашнее задание. Или смешную игрушку, которая может встречать его из школы вместе с мамой и просить рассказать, что задано.

Хорошим подспорьем для первоклашки станут разные игры, если он слабо мотивирован и проблема в этом. Например, специальный календарик, в котором отмечается каждый день, когда ребенок вернулся из школы с известным ему расписанием и уроками. И если за неделю (в зависимости от стартового уровня)

набирается три, четыре или пять плюсов, его ждет что-то приятное. В качестве поощрительного приза лучше выбрать что-то такое, что мы можем делать вместе, что нравится нам обоим. Например, мы идем в зоопарк или во что-то играем.

Все эти затеи иллюстрируют понятие «помогаем ребенку делать что-то самому».

Это далеко не полный список полезных «помогалок» даже в таком маленьком деле. Совершенно не факт, что все они или какая-то одна из них действительно потребуются вашему ребенку. Возможно, вы так хорошо поработали над навыком саморегуляции еще до поступления в школу, что ребенок стал таким же четким, как расписание электричек. Но у людей бывают и типологические особенности, которые влияют на их собранность. Темперамент, с которым родился ребенок, серьезно влияет на его способность концентрировать внимание, «дружить» со временем, последовательно выполнять нужные действия. В одной семье могут расти две противоположности: у кого-то из детей —

«в голове компьютер», а другой нередко приходит домой без портфеля. Типологические особенности не приговор, просто с некоторыми детьми нужно больше работать и помогать им освоиться в мире. Но учитывать их стартовые возможности тоже нужно. Если способность к самоорганизации у вашего ребенка уже сформирована – вам повезло и вы можете пропустить несколько абзацев. А потом бегло посмотреть следующие этапы, чтобы убедиться, что там у вас тоже все хорошо.

Если же взрослый, обычно это мама, регулярно:

✓ узнает в вацап-группе, что задано ребенку и как это делать;

✓ смотрит расписание занятий в интернете;

✓ звонит другим родителям или учителю с вопросами относительно расписания или уроков…

…правильно, тогда она делает работу за ребенка. Такое тоже может быть. Но эта стратегия создает условия для дальнейшего школьного неблагополучия.

И стоит поскорее свернуть с этого пути.

Итак, двигаемся дальше. *Определив для себя вначале список уроков и заданий, ребенок должен понимать, как найти учебники и тетради.* Для этого ему необходим навык их хранения и поиска. Ответ «они здесь где-то, в квартире» – плохой. У ребенка уже есть какое-то свое место, пространство в доме. И мы с ним должны научиться искать необходимые учебники и тетради в портфеле и на полке. Желательно, чтобы он мог сложить их стопочкой на столе и понять для себя, что вот он – его объем работы на

сегодня. *На следующем этане он должен научиться расставлять приоритеты и планировать какую-то последовательность своих действий.* Словом, научиться выбирать, что он делает. Можно начинать с трудного и переходить к легкому, пока голова свежая. Или, наоборот, начинать с легкого, а потом браться за то, что непонятно. Это зависит от того, насколько ребенку трудно приступить к выполнению домашнего задания и удерживать задачу. Если он пока не уверен в своих силах или слабо мотивирован, то лучше начинать с легкого, чтобы энергия победы вдохновляла на новые свершения. Если ребенок покрепче – можно начинать с задачи потруднее, но обязательно научите его отмечать это усилие – умение брать пусть небольшую, но высоту. Я лично пользуюсь такой системой. Дети сами делают то, что им дается, собирают список вопросов и в конце подходят с ним к родителям. Первоклашка может задавать вопросы по мере того, как они появляются. Но к концу начальной школы он должен сам сделать то, что ему доступно, и, если что-то осталось непонятным, в конце обратиться к родителям за помощью.

Дальше ребенок должен сам найти в учебнике и в рабочих тетрадях нужное задание. Это тоже непростое дело, потому что учебники сейчас разные и в них не всегда получается сразу сориентироваться. С первого класса можно помогать ребенку освоить этот важный навык, и к середине второго класса он должен быть сформирован. *Затем он должен прочитать задание и понять его.* Эта работа тоже состоит из нескольких этапов, и самый сложный из них – решение задач. Он является «лакмусовой бумажкой», которой проверяется, насколько сформирована у ребенка учебная деятельность. Если ко мне приходит мама и говорит: «Вы знаете, примеры он решает, а вот задачки – никак», для меня этот признак означает не какую-то особенность ребенка в непонимании задач, но неумение планировать и распределять учебную деятельность. Поэтому давайте выделим умение решать задачи как эталон.

Когда ребенок решает задачу, он должен суметь прочитать ее текст, понять, какие условия ему даны, схематично их записать. Понять вопрос задачи и последовательность действий, которую он должен совершить для того, чтобы прийти к нужному решению. А потом еще оценить его, насколько он правдоподобен. Вот как выглядит результат, которого мы должны достичь. Не страшно, если это происходит не сразу, главное, чтобы ребенок двигался в нужную сторону.

Важно, чтобы, решая задачу, ребенок не стремился угадать ответ. Чтобы он не подкидывал цифры в надежде, что они сложатся в какой-то пазл. То есть он должен суметь объяснить,

почему решение совершается именно в таком порядке и зачем необходимо каждое действие.

Следующее условие – у ребенка должны быть развиты навыки самоконтроля. И получения-принятия обратной связи. Хорошо бы, чтобы он смог потом рассказать, как он сделал уроки, спрогнозировал результат. Если каждый раз итог его усилий является для него сюрпризом, это не очень хорошо. Желательно, чтобы ребенок был заинтересован в обратной связи и в помощи взрослых. Этому он учится с первого класса, и от реакции родителей в этом вопросе зависит немало. Постепенно ребенок сможет сам определить, какого рода поддержка ему нужна, чего он не понимает, к кому должен обратиться.

Идеальная картина, правда? Ребенок удерживает задачу в поле зрения, удерживает свое напряжение. Он в состоянии понять, когда ему стоит сделать перерыв и вернуться к заданию. Я показала эту благополучную картину, чтобы сместить внимание родителей с выполнения домашнего задания на формирование учебной деятельности. Сейчас мы разбираем этот процесс медленно, с остановками именно в тех местах, в которых ребенку требуется помощь родителей.

Сколько времени уместно тратить на уроки?

Уж сколько раз твердили людям, что в первом классе выполнение домашнего задания точно не может быть делом длительным и мучительным. По нормам СанПина[24] на первом году обучения его вообще быть не должно. Но на практике и родители ожидают, а иногда даже жаждут уроков на дом, и учителя все равно тихонько их задают. Я считаю, что большой проблемы в заданиях первоклашкам нет. И лично мне как маме они представляются полезным делом, если их немножко. Они нужны для того, чтобы мы научились планировать свою работу и выполнять ее. А не для того, чтобы получить какой-то суперрезультат.

По идее, домашнее задание носит рекомендательный, а не обязательный характер. Это значит, что, если вы замечаете, что ребенку пока сложно прописывать три строчки, пусть он пропишет одну. Нагрузка должна быть посильной. Делаем то, что ребенок может сделать с удовольствием, и помогаем ему предпринять еще небольшое усилие. Отмечаем его старание. Пусть это будут только три закорючки, но, если они стали поводом для небольшого преодоления себя, это может быть маленькой победой. А вот если уже в первом классе мы

принялись сидеть над заданием два часа, скандалим и регулярно заходим в тупик с перетягиванием каната по поводу того, кто из нас виноват, – мы сбились с пути.

Временной ориентир для занятий дома в первом классе я бы определила в пределах пятнадцати-двадцати минут на выполнение задания. В СанПинах прописаны эти «нормативы»: начиная со второго-третьего класса – полтора часа, с четвертого-пятого – два часа. На практике, конечно, многое зависит от ребенка, но если он делает уроки до ночи (сам или с родителями) – это нехороший признак. Причин может быть несколько: высокая тревожность, неумение организовать свою деятельность, слишком сильное давление школы, которое может отразиться на здоровье ребенка. По идее, начиная со второго класса он должен тратить на уроки плюс-минус пару часов чистого времени. Хотя есть дети, которые благодаря своим способностям все делают быстро, за полчаса. Тогда взрослые не вмешиваются и наслаждаются. Контролируют только результат, а не процесс.

Чем и как помочь ребенку

Что повышает шансы на появление этой идеальной картины? Помогает, но не гарантирует, потому что все дети – разные. Их психофизиологические особенности, психологическая ситуация в семье очень отличаются. Поэтому давайте поговорим об условиях, которые влияют на благополучный сценарий развития событий.

Прежде всего, нужен адекватный «контракт» со школой. Ее требования относительно меры вашего участия в учебной жизни ребенка должны быть понятными и реалистичными.

> Сейчас этот «контракт» школа часто составляет в свою пользу. Стоит насторожиться, если вы с порога слышите, что вам тоже придется прикладывать мощные усилия для того, чтобы ребенок соответствовал программе.

Если программа такова, что он не усваивает ее на уроках и нуждается во второй школе дома, перед родителями встает ряд вопросов.

Важно ответить для себя на основные: «Как я понял(а), что могу быть учителем? Готов(а) ли я к этому? Нужны ли мне какие-то дополнительные сведения о том, как это нужно делать? И как я буду их получать?» Потому что это тяжелая ситуация – когда родитель входит в роль учителя, не имея для этого достаточных ресурсов. Он берется за это дело, но не располагает нужными навыками. И чувствует себя неуспешным, тревожится и начинает передавать свою тревогу ребенку. Отношения портятся, и вся ситуация двигается совсем не в том направлении, где мы хотим оказаться. Эта книга – для родителей, которые остались родителями своим детям, а не стали их учителями. Отдельный вопрос, потянет ли ребенок две школы, одну, собственно, в школе, а одну дома, и зачем это нужно.

Есть и другая важная тенденция, которая часто встречается в наше время. Это репетиторы по основным предметам, нанятые именно для выполнения домашнего задания. Их появление уже не редкость начиная со второго класса. Причины понятны: родители много работают и не могут помогать ребенку. Школа задает высокую планку, сам ученик не справляется, появляются тройки/двойки. Школа давит на родителей, родители не выдерживают и берут репетиторов, хотя понимают, что этот вариант – не лучший. Но выхода не видят. Основная опасность такого распределения задач состоит в том, что хорошо сделанные уроки становятся

ответственностью репетитора. Он отвечает за то, чтобы у школы не было претензий к ребенку и его родителям. И тогда теряется сама суть идеи домашних заданий. А она, конечно, заключается в постепенном формировании ответственности ребенка. Да, бывает, что ему нужен взрослый для того, чтобы научиться делать уроки. Если проблемы невелики, это может быть родитель, учитель начальных классов, сосед, наставник-старшеклассник. Любой человек, который понимает, из чего состоит учебная деятельность, и может потренировать в этом ребенка. Но в том случае, если у него есть особенности развития или сильные проблемы с мотивацией (не хочет – и все!), потребуются усилия специалистов. Нужно, чтобы ребенка продиагностировал психолог и, возможно, смежные специалисты. По итогам мы получаем конкретный план действий. Этот план может включать в себя дополнительные занятия с учителем, психологом, дефектологом и даже репетитором и много чего еще. Но тогда эти специалисты должны работать вместе. Родителям предстоит стать полноправными участниками процесса. Кстати, занятия с психологом чаще нужны им больше, чем ребенку. А репетитор может решать задачи по ликвидации пробелов в знаниях по некоторым темам, отработке алгоритмов решения задач, английской грамматики, но никак не выполнение домашних заданий. Эти задания ребенок делает сам, в реалистичном объеме и на доступном ему уровне. В этот коррекционный период также важно сотрудничать со школьным учителем ребенка. Важно договориться с ним о том, что в ближайшее время качество выполнения домашней работы ухудшится. Если он будет знать, что происходит, то сможет увидеть в этом заботу о ребенке, а не безразличие взрослых.

Помощь родителя первоклашке – это присутствие рядом, но не за его столом. Хорошо быть неподалеку, когда он делает уроки, для достижения двух целей. Во-первых, эмоциональной стабильности ребенка. Все-таки он еще маленький, ему семь лет, и присутствие взрослого успокаивает его нервную систему. В идеале, мы хотели бы, чтобы это было так, но увы. Поэтому, если мама, наоборот, нервирует ребенка, тогда ей лучше удалиться. И второе – родители могут немножко направлять деятельность ребенка. Помогать ему разбивать ее на этапы и напоминать о них. Все больше и больше отступая назад. То есть нам нужно перейти от плотного контакта с чадом в первые месяцы к контролю за результатом его работы в конце начальной школы.

Присутствие родителей, их участие в жизни ребенка должны планомерно снижаться. И вот один из признаков неудачи. Родительское участие не снижается – наоборот, его требуется все

больше. Потому что уроков прибавляется, а учебные навыки ребенка формируются не с той скоростью, не в той степени, которые необходимы для того, чтобы этому ритму соответствовать. И вся эта ситуация требует каких-то специальных усилий, напряжения за полночь. Тогда нужно срочно останавливаться и разбираться, что происходит. Простое увеличение усилий не работает и точно вредит. Потому что, пока я сижу с моим ребенком, мышцы, которые формируют его самостоятельность, постепенно атрофируются. По крайней мере, точно не наращиваются.

> Каким может быть первоначальное участие родителей? С чего мы начинаем с ребенком в первом классе? Во-первых, договариваемся, что его уроки – это, прежде всего, его ответственность. Во-вторых, договариваемся вместе работать над задачей – научиться учиться. И мы ему в этом будем помогать.

Иногда родители говорят детям, что школа – целиком их дело, мы вмешиваться не будем. Установление такого водораздела – опасная линия поведения. Часть проблемы состоит в том, что вас может не оказаться рядом, когда ваша помощь будет нужна и полезна. Тогда школа будет даваться ребенку слишком дорогой ценой. Он будет одинок. Вторая часть – этот договор сложно выполним по многим причинам. Практика показывает, что родители сами нарушают его, и происходит это обычно вскоре после его заключения. Непоследовательность родителей сбивает ребенка с толку. Поэтому хорошо бы прояснить с самого начала: «Я не буду делать за тебя уроки. Я помогу тебе научиться организовывать свое рабочее место, планировать работу и буду радоваться твоим успехам».

Я бы предложила вообще сместить акцент всеобщего внимания с хорошо сделанных уроков. Очень часто цель мы замещаем средствами. Наша цель – не хорошо сделанные уроки, любыми путями и с участием всей семьи, а умение учиться. Эта задача так и ставится перед ребенком с самого начала.

> «Наша с тобой задача – не просто аккуратные тетради и дневник, полный пятерок, который будет лежать у меня под елкой. А твоя самостоятельность в этом вопросе. Это значит, что ты сам отвечаешь, сам трудишься. Но при этом умеешь обратиться за помощью ко мне, к учителю, к другим людям, чтобы достичь нужных результатов». И если мы так сформулируем задачу и себе, и ребенку, то ему будет проще понять, что

он делает в школе. Потому что главный секрет хорошо сделанных уроков – личная заинтересованность ребенка в этом деле.

Если мы усаживаем его за стол ради достижения своих целей, мы ему вредим. И конечно, его заинтересованность будет расти по мере того, как мама будет объяснять, чего она хочет от него как мама и что ее радует больше всего.

Дальше мы рассказываем ребенку, из каких этапов состоит работа по выполнению уроков. Он может пока еще не понимать, как ее планируют. И тогда мы будем в разной форме – игровой, с помощью напоминалок, однократного объяснения способному ученику или стократного повторения ребенку, имеющему какие-то особенности развития, – напоминать об этом.

Например, если ребенок еще не умеет читать, мы помогаем ему разобраться в расписании. И учим его рисовать значки для того, чтобы он запомнил, что ему нужно сделать на завтра. Тогда наш учебный план будет состоять не из надписей, а из пиктограмм.

Например, ему задали две прописи. Хорошо бы, чтобы на первом этапе, когда мы только учимся делать уроки, прежде чем заняться ими, мы бы сели с ним и разобрались: а что же нам нужно делать на завтра? И выяснили бы, например, что нам предстоит заняться прописью по русскому языку и парой примеров по математике. И тогда мы с помощью пиктограмм, каких-то рисуночков, вместе с ним делаем план. И вовлекаем его в той мере, в какой он может написать само задание. Что нам задали? Пусть он отметит на этом плане. Чтобы он видел, что ему по каким предметам задали. Слева мы пишем предметы, а справа – что задано. Этот план можно как-то оформить. Рисуночками, если есть вдохновение. Или превратить в игру. Например, какая-то не очень умная игрушечная обезьянка будет все время путаться в том, что задано. А ваш ребенок станет ей объяснять. Или он может играть роль персонажа, скажем умного ежика, который ее наставляет. Главный смысл этих затей в том, что, если этот этап идет тяжело, его можно как-то оживить.

Если у ребенка с самого начала саморегуляция в порядке и этот план уже существует в его голове, мы можем смело оставить его в покое и заняться своими делами.

Если мы чувствуем, что, несмотря на наши объяснения, ребенок снова все забывает и сразу хватается за какие-то прописи или не знает, за что схватиться, тогда мы с ним рисуем красивую памятку. И снова важно, что мы ее делаем вместе. Например, в виде расписания надень. Приходим из школы, обедаем, отдыхаем,

садимся за уроки, делаем перерыв, возвращаемся… Чтобы ребенок по этой памятке тоже мог ориентироваться.

Если он тормозит на каком-то этапе – обычно это происходит, когда нужно возвращаться к урокам после перерыва, – мы не выдергиваем его за руку из игровой, не усаживаем за стол силой, не повторяем сто раз требование. А придумываем какую-нибудь игру. Например, будем ставить в расписании плюсики и минусики каждый раз, когда ребенок сам вспомнил про уроки. И будем объяснять ему, какой он сегодня молодец! Начнем отмечать эти маленькие победы, чтобы они откладывались у него в голове.

Дальше, он сел за уроки, согласно нашей памятке. Мы проверяем, понимает ли он, что нужно делать. В первом классе любое задание в основном построено на выполнении задачи по эталону. И мы смотрим, видит ли он этот эталон и понимает ли он, как действовать. Причем хорошо бы, чтобы «мама-вертолет» не нависала над ребенком неотлучно. Пока не убедится, что все переписано чисто и красиво. Хорошо бы, чтобы она просто дефилировала где-то рядом и занималась своими делами. Например, удачным местом для занятий первоклассников мне представляется кухня. Или гостиная, где у мамы есть свои дела. И хорошо бы, чтобы в комнате были зоны, где каждый занимался бы чем-то своим. Мама ходит мимо и при этом приглядывает, что там у ребенка происходит, немного направляет его работу. Если он совсем не может усидеть за столом, тогда можно отходить хотя бы на тот короткий срок, который он обычно в состоянии выдержать. Хоть на пять минут, хоть на минуту. И появляться, только когда он уже совсем не справляется без помощи взрослого.

> Идеальная ситуация – когда взрослый появляется только в тот момент, когда ребенку становится действительно трудно. И он не может дальше действовать сам. Ему нужна помощь. Определить этот момент поможет хороший контакт с ребенком.

Если ребенок сам понимает, сколько еще ему нужно времени для работы и когда ему стоит сделать перерыв, мы стараемся не вмешиваться. Или иногда напоминаем в форме вопроса: «А какое задание у тебя следующее?» Проверяем как бы невзначай. Но вот мы замечаем, что он не понимает, когда ему нужно передохнуть. Он отвлекается и мается за столом. Тогда мы обращаем его внимание на то, что с ним происходит, опять же в форме вопроса. «Ты устал? Хочешь перерыв? Скушаем яблочко? Попьем кефирчик? Хочешь сейчас пойти поиграть?» – «Да, хочу». – «Скажи пожалуйста, а ты сможешь сам закончить играть? Сколько ты

будешь играть?» Ребенку важно освоить время. Хорошо бы убедиться, что он понимает время. Стоит подарить ему наручные часы, чтобы он мог ориентироваться. И это как раз то дело, в котором мама сможет помочь.

Дальше мы его спрашиваем: «Скажи, ты понимаешь, сколько ты сможешь поиграть?» – «Пять минут». – «А тебе хватит пять минут? Слушай, а может быть – пятнадцать? Потому что пять минут – это совсем немного. Или давай полчаса?» – «Давай», – говорит он. «Скажи, а ты поймешь, когда закончатся полчаса?» – «Да, пойму». – «А как ты поймешь?» – «Я буду на часы смотреть». – «Слушай, а ты что, будешь все полчаса это делать? Вот я, например, забываю». – «А что можно сделать?» – «Может быть, будильник поставим?» Или: «Хочешь, чтобы я тебе напомнила? Вообще, хорошо бы, чтобы ты сам вспомнил, но если хочешь, я пока тебе буду напоминать». Если ребенок вдруг сам пришел и сказал: «Мам, а мне не пора?» – надо сказать: «Какой ты молодец, ты помнишь, что перерыв нужно заканчивать!» Вот на что должны быть направлены наши усилия. Соглашусь, это сложно, но эти навыки – те самые удобрения, на которых наша учебная деятельность будет расти и крепнуть. Мы должны вкладывать силы в то, чтобы помочь ребенку организовать свою деятельность. Чтобы у него формировались разные элементы *способности учиться.* А вот обратная ситуация: мама все время сидит рядом, вяжет носки или, что еще хуже, делает с ребенком все задачи.

Дальше мы смотрим, как ребенок справляется с ходом заданий. Он увлечен решением, страдает, мается?.. Задайте ему вопрос: «Скажи, пожалуйста, а ты все понимаешь в том, что нужно делать? А что именно ты сейчас делаешь? А скажи, пожалуйста…» Вот, например, он говорит: «Я сделал русский и математику». Спросите: «А как ты понял, что все сделал? А как тебе кажется, ты сделал хорошо или плохо? Оцени». Сейчас, кстати, есть замечательные прописи, в которых ребенок сам может поставить себе оценку. И мы предлагаем ему игру на эту тему: «Ага, а как ты понял, что ты оцениваешь себя на четыре или на пять?» Так у ребенка формируются навыки самоконтроля.

И еще один очень важный «урок» для всех – признать, что задания могут быть выполнены неидеально. В первом-втором классах практика черновиков и переписывания работы по нескольку раз скорее вредна, чем полезна. Ребенок только учится писать, он сильно устает от самого процесса. Даже для второклассника задача переписать текст два-три раза ставит под угрозу мотивацию к домашней работе. А третьекласснику, который уже освоил навык письма, но еще делает помарки, можно дать возможность столкнуться с обратной связью по этому

поводу от учительницы. Но не брать всю работу на себя. Например, он сделал в черновике задание, вы его проверили. Ребенок переписал его в чистовик – и сделал это безобразно. Не стоит до посинения требовать переписывать снова и снова. Нужно спросить: «Ты сам доволен результатом? Хочешь ли переписать?» Если ребенок соглашается максимум на один подход, и то в каких-то исключительных случаях, я бы, скорее, тренировала его, причем тоже миром, делать меньше помарок. Но если вдруг он захочет переписать, я бы, конечно, поддержала его. В противном случае дала бы ему возможность столкнуться с последствиями своего решения. Написала бы учительнице СМС. Или тихонько шепнула бы ей с утра, что у нас вышло много помарок, и попросила бы дать ребенку качественную обратную связь.

Качественная обратная связь, естественно, состоит из многих компонентов. Важно, конечно, чтобы учительница не трактором проехалась по ребенку, но поддержала его. Сказала, что он – молодец, в целом задание выполнил. Прежде всего, обратила внимание на то, что оно у него получилось. А потом на то, что не получилось. И выразила надежду, что в следующий раз он справится. Вот это будет реальной помощью ребенку и со стороны учителя, и со стороны родителей. Формирование навыка самооценки в учебной деятельности достигается через адекватную обратную связь от учителей. А я, как мама, буду помогать ребенку справляться с этой оценкой. И тогда, после его возвращения из школы, я бы поговорила с ним о том, что ему сказала учительница. Доволен ли он ее оценкой, и что он может сегодня сделать для того, чтобы завтра оценка была лучше. Вот общая идеальная ситуация, к которой мы движемся.

Дальше, по мере того, как наш ребенок растет, мы должны учить его получать и принимать помощь. Хорошо бы, чтобы постепенно количество вопросов, обращенных к нам, снижалось. А количество вопросов к учителю росло. Например, в идеале, к концу второго класса, ребенок точно уже не может прийти домой с вопросом, что было задано. У него должен загораться красный маячок – «надо переспросить учителя». И если он этого не делает, мне, родителю, важно задуматься, почему он не задает вопросы, какие у него взаимоотношения с педагогом. Возможно, попросить у учительницы помощи. Напомнить ребенку, что она рада вопросам. И, может быть, попросить ее некоторое время после уроков спрашивать вашего ребенка: «Вася, ты понял, что тебе задано? Ты понимаешь, как это делать?» В этом случае тоже важно взять учителя в союзники. Мы смотрим, какой компонент учебной деятельности у ребенка не сформирован, и разделяем ответственность за это с учителем.

Сейчас появилась еще одна сложная тема. Программа в школах усложняется, усложняются и предметы. Например, в начальной школе вводится английский язык. Это большая проблема, потому что ребенок часто не может сам выполнить заданное. И это не очень хорошо для формирования его самостоятельности. В этом случае тоже важно поговорить с учителем, чтобы учебное задание было максимально доступно ребенку без постороннего участия. Скорее всего, в идеале, оно должно быть отработкой пройденного на уроке материала. Заучиванием каких-то букв, слов. Если мне приходится эти задания с ребенком разбирать, то я становлюсь учителем, что нехорошо.

Самое страшное, когда родитель, не зная языка, сидит, бедный, сам со словарем и разбирается. Что-то вдалбливает ребенку, не понимает, нервничает от того, что не понимает. И беспокоится, что ребенок вылетит из гимназии. Даже если это очень хорошая гимназия и она нам очень важна, надо найти способ, чтобы родители в работу ребенка не вмешивались. В крайнем случае, хотя я – не любитель таких решений, можно нанять ему репетитора по языку, но опять же не для выполнения домашней работы, а для укрепления знаний.

Вот как в целом выглядит основной идеальный маршрут, по которому мы двигаемся. И хорошо бы, чтобы взрослые, которые окружают ребенка в школе, члены семьи – все мы радовались его успехам. Видели эти успехи именно в том, как он продвигается в своей деятельности. Отмечали бы, что с каждым днем наш школьник становится все более самостоятельным, говорили ему об этом, устраивали какие-то сюрпризы и совместные радости по этому поводу.

Глава 6
Адаптируемся в школе

В чем заключается адаптация

Прежде всего, что такое адаптация. Это приспособление к новым условиям. Причем важно не путать адаптацию с бессилием перед жизненными обстоятельствами. Когда ребенок приуныл, пригорюнился и понял, что деваться некуда. Кстати, иногда так и чувствует себя первоклассник на пороге школы.

На самом деле, адаптация – это творческий процесс перестройки организма и психики. Когда жизнь нам дает лимон, а мы делаем из него лимонад. То есть перерабатываем действительность и внутренне меняемся сами для того, чтобы лучше ей соответствовать. В принципе, механизмы адаптации заложены внутри нас. И поход в школу – не первый в жизни ребенка опыт творчества в деле приспособления к новой ситуации.

Причем важно понимать, что адаптируется к школе не только ребенок, но вся семья. И часто бывает, что взрослым это дело дается труднее. Хотя и для них начало учебы ребенка в школе далеко не первое испытание на прочность. Вот только и взрослым, и тем более детям не всегда очевидно, что адаптация требует времени и сил. Может быть трудно, но это временно, пока не накопится достаточный ресурс для переработки новой ситуации. И в этот период иногда наступает законный временный регресс[25] в поведении. Когда кажется, что у ребенка распадаются те навыки, которые он уже освоил. Например, как это может выглядеть в реальной жизни? Ребенок, который уже прекрасно научился вставать по утрам и собираться в детский сад, вдруг превращается в ноющего, капризного, растерянного карапуза. Не беспокойтесь, наберитесь терпения, дайте ему время освоиться.

Давайте поговорим о том, к чему мы адаптируемся.

В возрасте семи лет новый уровень психической зрелости ребенка позволяет ему перейти к учебной деятельности. Важно не путать причину со следствием. Если психика ребенка готова, переход к учебе как к основному виду деятельности происходит более-менее без проблем. А если зрелость не наступила, то в школьной жизни ребенка ждут большие трудности. Что означает психическая зрелость, что происходит с ребенком в тот момент, когда он идет в школу? Во-первых, он теряет свою детскую непосредственность, которой так славятся дошкольники. Расставание с одним этапом детства и переход в другой, более зрелый возраст психологи называют кризисом семи лет. Для родителей и бабушек-дедушек это грустная потеря. Детство

ребенка не заканчивается, но самый нежный его период, конечно, подходит к концу. Ребенок начинает соотносить свои действия с тем, как они выглядят со стороны. И теперь понимает, что окружающие их как-то оценивают. Он принимается сообразовывать свое поведение с внутренними критериями и оценкой взрослых. Это новое свойство психики поможет ему адаптироваться к школе на уровне поведения.

Психика ребенка проходит определенные этапы развития. И у него уже появляется способность к анализу и планированию своей деятельности. Мы можем выделить три составляющие: рефлексию (так психологи называют способность как-то оценивать себя со стороны), анализ и планирование. Конечно, все эти новообразования появляются в психике ребенка не единомоментно. Их формирование заканчивается к концу начальной школы. Но базис, платформа для начала их развития закладывается именно в семь лет. Поговорим о них подробнее.

✓ Ребенок продолжает осваивать ролевое поведение. Вот он пришел в школу. Раньше он жил себе и жил, и учился этому спонтанно, когда ему хотелось и сколько ему хотелось. Сейчас он машинист поезда, а через минуту – рыцарь в доспехах. Сейчас девочка сидит, кушает кашку и грызет орешки – и вдруг сообщает вам, что она – белочка. Все эти роли сменяли друг друга. И отчасти ребенок сам выбирал, во что он сейчас играет. Но как только он переступает порог школы – все: он – ученик. На него надели пиджак, и этот пиджак к нему «прилип». Теперь он в этой роли осваивается.

В идеале ребенок должен к ней стремиться. Этот пиджак должен ему нравиться. Он должен им гордиться, для того чтобы он смог удерживать эту роль на протяжении долгого времени и не «вываливаться» из нее.

Хотя первоклассникам свойственно иногда немного переигрывать. От чего они выглядят манерными или даже неестественными. Именно эта черта отличает детей, переживающих кризис семи лет. Когда они, например, вдруг начинают важничать, разговаривая с родителями. Или обращаются к бабушке – как учитель – строгим таким голосом. Кажется, что на носу у них «вырастают» учительские очки. Значит, наш ребенок осваивает новую социальную роль, которую он впервые в жизни должен удерживать долго.

✓ Школа предъявляет новые требования к его поведению. Раньше такие требования не были постоянными и не имели такого значения.

А сейчас учителя невозможно «поставить на паузу», «выключить» или «переключить канал». И что еще очень важно – действия ребенка теперь оцениваются со стороны. И результат этой оценки влияет на его отношения с семьей. До этого главным, чем занимался ребенок, была игра. И полученный в этот момент результат, или даже плоды посещения детского сада, на взаимоотношения с родными не влияли. Если только ребенок не вытворил там что-то выдающееся. То есть до тех пор, пока он не разбил окно мячом, о том, что происходит в детском саду, никто из взрослых ничего не знал. Разве что время от времени бабушки или папа вечером спрашивали: «Что нового в детском саду? Как ты там себя вел?» Пристального внимания к ребенку, большого количества эмоциональных оценок его поведения не было. И тут вдруг он попадает в новую среду, в которой его оценивают со стороны.

✓ Самым значимым человеком для ребенка, авторитетом, становится учитель.

А раньше эту роль выполняла в основном семья.

Теперь ребенка регулярно оценивает взрослый со стороны. Речь пока не про формальные оценки в дневнике. Официально в первом классе их еще быть не должно. Но все равно ребенок ежедневно получает много обратной связи о том, что у него получается, а что нет. Где нужно быть внимательнее, а в чем он – молодец. Остановить, отрегулировать поток этой информации наш первоклассник пока не может. А есть и ситуации посложнее. Например, он знает правильный ответ, но на него не обратили внимания. Услышали только ответ Маши и похвалили ее. А Петю сегодня совсем не заметили, хоть он и старался, руку тянул. К этому тоже еще предстоит привыкнуть. Научиться проживать «несправедливость», внутренне от этого не разрушаясь.

Школьная жизнь так устроена, что ты все время что-то делаешь и тебя оценивают со стороны. На самом деле, это важно, потому что иначе ребенок не научится рефлексии – способности оценивать свои действия со стороны.

Поначалу эта способность появляется во внешних взаимоотношениях, а потом становится частью ученика, помогает ему управлять собой изнутри. Сначала учитель комментирует действия ученика. Причем особое значение эти слова начинают приобретать в тот момент, когда ученик еще в чем-то не уверен. Осваивает что-то новое. Или даже у него ничего не получается.

У взрослых имеется большой репертуар реакций на детскую неудачу. Можно подбадривать. Можно деловито объяснять, как и что делать. Можно комментировать. Можно ругать или стыдить.

Большое значение имеет эмоциональный настрой взрослого. Его вера в то, что у ребенка все получится. Со временем ребенок этим настроем заражается. Постепенно такой комментатор начинает действовать внутри самого ученика. Даже когда учителя нет рядом. Условно говоря, у ребенка появляется «внутренний учитель». И когда он выполняет какое-то задание, внутри раздается комментарий. Например: «Ну ничего, заехал тут за край немножко, но на следующей строчке надо быть повнимательнее». Или: «Ну вот, как всегда, криво вышло, совсем не получается». Сейчас мы, как во время замедленной съемки, видим процесс формирования у ребенка отношений со своей деятельностью. Как он будет ее оценивать, как корректировать. Сколько попыток он сможет сделать, появится ли у него дерзновение пробовать снова и снова. Или страх ошибки будет его сковывать.

Конечно, этот процесс начался не в школе. А за несколько лет до ее появления: в семье, в детском саду. Но львиная доля желания и способности справляться с трудностями жизни закладывается именно в школе. Причем в первые годы. Важность этого процесса сложно переоценить. По идее, это ровно тот бензин, на котором мы потом будем двигаться вперед всю жизнь.

Все время, каждый день мы что-то делаем. Оцениваем результат и корректируем свои действия. Опять что-то делаем, оцениваем результат, корректируем действия. И хорошо бы, чтобы школа помогла ребенку научиться через внешнюю обратную связь, как с этим нужно управляться. Со временем эти действия переходят из внешнего плана во внутренний. Психолог Лев Семенович Выготский, имя которого мы упоминали в главе про подготовку к школе, писал, что любая высшая психическая функция человека появляется на сцене дважды. Первый раз – во внешнем взаимодействии ребенка и взрослого, ребенка и другого ребенка. А во второй – она уже переходит во внутренний план. Но ее источник находится в том, что происходит в культурном поле между детьми и взрослыми.

Вот пример. Мальчик учился в первом классе. Прошло уже три четверти, а он не продвинулся в освоении навыка чтения. То есть буквы знал, складывал, а читал с большим трудом. Интеллектуальных нарушений у него не было. Его проблемы были связаны, скорее, с эмоционально-волевой сферой. Саморегуляция – слабовата. Мальчик стал отставать, и для его самолюбия эти неуспехи стали болезненным ударом. Он заметно выбивался из школьного процесса. Шалил, мешал вести уроки. И раздражал учительницу, что

по-человечески очень понятно. Ей было сложно справляться с этим чувством, и, когда мальчик пытался читать, она указывала на его ошибки. Ребята в классе, чувствуя отношение учителя, тоже были рады подразнить товарища. В такой обстановке мальчик не то что не продвигался в обучении, он стал забывать и то, что знал до школы. Увидев текст, замолкал. И только бубнил что-то тихо и злобно. У школы, в которой он учился, была счастливая возможность перевести его на индивидуальный режим обучения по нескольким предметам к другому учителю. Талантливый педагог установила с ним хороший контакт. Узнала, чем мальчик интересуется. Оказалось, что его увлекает конструктор «Лето», супергерои из мультфильмов. Она попросила паренька принести конструктор и так выстроила игру, что без инструкции – никак. Во время игры учительница просила его что-то прочитать. Не обращала внимания на ошибки. Благодарила, хвалила. Через некоторое время ступор перед текстами у мальчика прошел. Тогда учительница стала потихоньку сокращать время игры с конструктором. Им они занимались только на переменах. Темой уроков стали лабиринты, математические задания, поскольку математика давалась мальчику легко. Но сами задания ему нужно было прочитать. Учительница подбадривала его, хвалила, подсказывала, если ему становилось действительно трудно. И парень начал читать. А самое главное – он стал иначе относиться к учебе.

В школу – всей семьей

Как уже говорилось, к школе адаптируется не только ребенок, но и вся семья в целом. Начало занятий часто обостряет внутрисемейные отношения. И в этот момент становятся очевидными многие противоречия, которые раньше были не видны. Например, папа может считать, что воспитание – это процесс, требующий большой строгости. Он крайне недоволен разболтанностью первоклассника. И считает, что с ним надо держаться построже, потому что мама с бабушкой его избаловали. А женская коалиция убеждена, что ребенок должен расти свободной личностью. И его нельзя вообще ни в чем ограничивать. Поэтому они выбрали для него вальдорфскую школу и радуются, что он там играет на флейте и не имеет жестких правил.

Конечно, если на семейную сцену выходит множество конфликтов, которые первоклассник слышит или чувствует, это сильно осложняет его адаптацию. Поэтому в этой книге есть отдельная глава, посвященная выбору школы, первого учителя. И в ней мы обсуждали, как важно прояснить внутрисемейные ценности заранее. Часто бывает, что эти ценности хранятся внутри нас, но не осознаются и не проговариваются. И если мы пропустили этап их обсуждения, адаптация семьи будет осложнена. А главное – мы сильно усложним ее для нашего первоклассника. Потому что школа предъявляет к нему сейчас новые требования. Но если единства этих требований не будет, то у него, как у неопытного фигуриста, начнут разъезжаться ноги. И эта ситуация может усилить психическую нагрузку на ребенка. Появляется риск, что он ее просто не выдержит. Я часто вижу уже у взрослых людей последствия глубинных противоречий, например, между папой, мамой и школой. И когда ребенку с разных сторон говорили разное, ничего хорошего из этого не получалось.

Во время консультаций мне приходится часто сталкиваться с тем, что между родителями нет согласия. Отчасти это связано с их прошлым. Один из них или оба могли иметь собственный травматичный опыт пребывания в советской школе, но не осознают этого.

Дело в том, что в советском государстве не было механизма решения проблем школьной дезадаптации. Если ученик не вписывался в школьную систему, в этом априори был виноват он сам. И, например, за отсутствие достаточного уровня внимания на уроках в основном стыдили ученика. Или, в лучшем случае,

его родителей. И декларативно требовали изменений: «Вы знаете, хороший мальчик у вас, способный, но ему бы внимания побольше. Что же ты, Вася, такой невнимательный?!» Понятно, что каждый раз, когда Вася подходил к зданию школы, он реально вздрагивал.

Чем помочь ребенку

✓ Первое, что влияет на успешную адаптацию ребенка в школе, – безопасная обстановка в семье. Она является той базой, тем фундаментом, на котором строится все здание.

Под безопасной обстановкой я имею в виду нормальные ожидания родителей от ребенка. Не завышенные, а адекватные требования к нему, способность корректировать собственные требования в соответствии с его психофизическими особенностями. Мы уже говорили о том, как важно, чтобы успешность родителей и вообще их психическая стабильность не была завязана на школьную жизнь ребенка. Как важно, чтобы они не определяли качество и смысл своей жизни успехами ребенка. Бывает, что реализация кого-то из родителей не состоялась и находится под вопросом или отложена. Например, мама, сейчас специально не работает и большую часть времени проводит с детьми. Одно дело, когда забота мамы о детях – это внутренне принятый выбор, ей ценно это время само по себе, она рада, что у нее есть возможность помочь ребенку адаптироваться к школе. И совсем другое дело, если ее пребывание рядом с ребенком рассматривается как инвестиционный проект, а образовательные успехи – критерий его эффективности. Тогда – это мина, заложенная под школьную деятельность ребенка. Потому что тогда получается, что пульт управления всей этой ситуацией лежит на столе у учителя.

✓ Второе в иерархии условий – нормальные отношения с учителем и нормальная атмосфера в школе. Я говорю «нормальная», а не «безопасная» специально. Потому что школьная атмосфера по природе своей не может быть совершенно безопасной. Все-таки она должна приучать наших детей держать спину прямо – это важно, а не ходить совсем уж в халате и тапочках.

✓ И третье условие – соблюдение режима. Важно, чтобы у ребенка были силы на то, чтобы преодолевать трудности новой жизни.

Кроме того, режим сохраняет психическую устойчивость. Для которой важны семейные ритуалы и время для того, чтобы побыть ребенком. Погулять, поиграть и немножко побездельничать. Это время, на самом деле, тоже очень важно для внутреннего развития. Оно дает ребенку возможность чуть-чуть замедлиться и

осознать, подумать, что с ним сегодня происходило. Отследить свою эмоциональную реакцию на эти события, побыть в тишине. Так, чтобы у него созрел вопрос, появилась возможность поделиться этим опытом, как-то его отреагировать. Рассказать о нем каким-то значимым взрослым, получить сочувствие, одобрение, совет.

Роль учителя

Взаимоотношения учителя и ученика играют ключевую роль в адаптации ребенка. К такому выводу приводят нас результаты исследований. Поэтому мы так подробно говорили о выборе школы и первого учителя, о том, что они должны совпадать друг с другом.

Успех адаптации связан с исходным позитивным фоном отношений учителя и ребенка. У ученика должно быть ощущение, что в целом учитель ему рад, и рад, что он – часть его класса. И по идее, ребенок не должен бояться сильно негативной оценки со стороны учителя. Он может испытывать некоторое волнение на этот счет – это нормально. Он может переживать на эту тему – это тоже нормально. Но бояться и чувствовать парализующий страх ребенок точно не должен. Потому что аффект, то есть сильные и тяжелые чувства – ярость, ужас, отчаяние, гнев, тормозят и интеллект, и деятельность, и психические процессы. Если ребенок испытывает постоянный стресс по поводу своих оценок, у него не сформируется нормальная психическая зрелость, а значит, и зрелость нервной системы. То есть мы будем увеличивать срок адаптации или же вообще придем к дезадаптации.

И тогда ребенок, вместо того чтобы идти вверх, будет двигаться по ступенькам вниз.

Поэтому очень важно, чтобы во время учебы, при столкновении с трудностями, у ребенка формировался внутренний позитивный монолог. Он звучит примерно так: «А, ничего-ничего, сейчас мы все поправим». Но, как мы уже говорили, этот внутренний позитивный монолог не может появиться сам по себе. Он начинается с внешней оценки, а потом она переходит во внутреннюю.

Помните, совсем недавно мы говорили о том, что, если у ребенка что-то не получается, учитель на начальном этапе должен прежде всего его поддерживать. А это очень сложно. Детей в классе много, все они разные. И педагогу нужно следить за дисциплиной всей компании, участники которой не умеют удерживать внимание и плохо контролируют сами себя. В этом смысле страх помогает учителю. Ведь его работу оценивают, в частности, и по тому, насколько управляемым является класс. Любые проблемы по этой части сразу становятся заметны завучу, школе, директору, родителям, на всех уровнях. Поэтому первая задача, которую решает учитель, – удержать класс. И, конечно, искушение сделать основой дисциплины стыд, вину и страх велико.

В этом смысле очень понятно, откуда у наших родителей берутся школьные травмы. Потому что вообще-то стыд, вина и страх в большом количестве – не лучшие спутники жизни.

Хорошо бы, чтобы формирование позитивного внутреннего монолога у ребенка происходило еще в дошкольном детстве. Почему так важна игра? Потому что в ней не так важен результат, ведь все можно поправить. Именно в такой обстановке, исподволь, взрослые помогают ребенку справляться с трудностями, которые ему встречаются, и преодолевать их. Эти навыки потом становятся базой для школьной учебной деятельности. Если основа была заложена, если ребенок в целом верит в свои силы, ему будет проще адаптироваться.

В то же время эта база – половина дела. Учитель может быть крайне негативно настроен на отход детей от установленного в школе образца и не хочет учитывать их индивидуальные особенности. Тогда дезадаптация первоклашек происходит очень быстро. Потому что в чем еще опасность? Если учитель дает много негативной обратной связи, даже нескольких реплик за день хватит для того, чтобы другие дети подхватили эту оценку и начали многократно повторять ее товарищу в разных ситуациях. Например, учитель скажет: «Вася, ты у нас, как всегда. Все уже начали делать задание, а ты еще даже не открыл учебник». И тогда позже, когда паренек будет долго завязывать шнурки на уроке физкультуры и учитель крикнет ему: «Вася, давай скорей», другой ученик обязательно скажет: «Да Вася у нас – тормоз».

И эти насмешки будут накатывать дальше. А психика Васи, как мы уже знаем, зависима от внешних оценок, потому что такой ее задумала природа. И у него возникнет справедливое по отношению к этим обстоятельствам подозрение, что с ним что-то не так. И тогда нам будет трудно ускорить Васю, например, в завязывании шнурков. Ведь мысли о том, что он какой-то не такой, как все, плохо помогают ускорению… Получается замкнутый круг, в котором небольшие проблемы вдруг закольцовываются, матереют в своей устойчивости и становятся трудноразрешимыми.

Мы поговорили о том, что учитель должен воспринимать ребенка позитивно, но может ли такое отношение быть постоянным? И возможно ли воспитание только через положительную обратную связь? Думаю, что если мы изымем у педагогов право ругать ученика и называть дурной поступок своим именем, то о воспитательной роли школы можно забыть. Воспитание неразрывно связано с понятиями добра и зла, с правилами и ограничениями, столкновения с которыми могут быть для детей болезненными. Каждому ребенку подходит свой

уровень строгости (к вопросу о выборе учителя), но абсолютно всем детям нужны честные и понятные отношения с педагогом.

С одной стороны, хорошо, что страх перестает быть основным педагогическим инструментом в школе.

С другой стороны, вседозволенность и полная расслабленность тоже, на мой взгляд, не лучшие спутники школьного обучения. Способность ребенка пребывать в иерархических отношениях, когда между ребенком и взрослым есть здоровая дистанция, закладывается еще в дошкольном детстве. В главе про подготовку к школе мы говорили о ее значении. Важным фактором для успешной школьной адаптации является также и авторитетность взрослого, его спокойная уверенность в своем праве вести за собой класс, занимать место учителя. Как раз размывание границ, склонность к переходу на горизонтальную модель, когда учитель и ученик равны по правам и положению в классе, представляется мне мощным источником современных школьных проблем. Ведь равные права подразумевают и равную ответственность, а она пока не по плечу младшему школьнику. Когда он чувствует такую угрозу, ему становиться тревожно. На высокий уровень тревоги дети реагируют плохим поведением, они интуитивно пытаются нащупать границу. И поэтому в классе с неавторитетным учителем так много дисциплинарных проблем, а значит, и с учебой все тоже трудно.

У одной девочки еще до школы были проблемы с иерархией в отношениях со взрослыми. В семье был трудный развод, родители обсуждали друг друга при ней. В этой ситуации всегда трудно сформировать у ребенка авторитет взрослых. С первым учителем девочке повезло. Она была доброжелательной, но в меру строгой. Авторитет учителя в классе был несомненным. И появившиеся было у нашей первоклашки в начале учебного года проблемы с дисциплиной с помощью учительницы удалось свести к приемлемому минимуму к его концу. Когда по семейным обстоятельствам эта учительница ушла, в класс пришел новый педагог. Главной своей задачей она считала «подружиться» с детьми. В начале все были очарованы друг другом, дети наперебой рассказывали, какая учительница «добрая». Через несколько месяцев дети стали регулярно нарушать границы и «подводить» учителя. Начались конфликты как между детьми, так и между учителем и учениками. И наша героиня-второклассница возглавила эту борьбу. У девочки стали формироваться черты негативного

лидера. Она все время по мелочам спорила с учительницей в стиле «ей слово – она в ответ десять», подговаривала других одноклассников к разным выходкам, которые демонстрировали учительнице их взрослость и независимость. Успеваемость, конечно, резко упала – борьба не оставляла сил учиться. Когда девочку в третьем классе перевели в другую школу и семья прошла курс занятий с психологом, с этой проблемой удалось справиться.

Хороший учитель не всегда гладит по голове и не во всем поддерживает. Он умеет создавать и выстраивать отношения с учениками, умеет быть разным, но всегда настоящим. И он верит в учеников, даже тогда, когда они не верят в себя.

Как понять, что ребенок адаптировался к школе

Давайте поговорим о том, какие у нас есть критерии адаптации. За что я люблю детей – все, что с ними происходит, происходит очень ярко. И в целом, несмотря на то, что они теряют свою детскую непосредственность, дети выдают нам любые симптомы очень быстро. Так что понять, как проходит школьная адаптация, несложно.

✓ У нас есть внешние критерии, они проявляются в работе. Как ребенок справляется с учебой и как складываются его взаимоотношения: как он рассказывает про учителя, сколько у него появилось друзей, чем он занимается на переменах. Например, можно прийти, заглянуть в класс и просто тихонечко понаблюдать, как он там себя ведет. Через несколько минут становится понятно, насколько свободно он ощущает себя в школьном пространстве. Это видно и по его мимике, и по его позе, и по его взглядам.

✓ Вторая категория критериев адаптации – внутренняя. Она вторая по счету, но не по значимости. Я имею в виду эмоциональный фон и мотивацию ребенка, что с ней происходит, сохраняется ли она. Большинство первоклассников поначалу, конечно, увлечены новой ролью, новыми атрибутами этой роли – портфель, рюкзак, новая форма, новые друзья, которым можно показать машинки… Но если у ребенка нет устойчивой мотивации, то через неделю-другую внешняя мотивация перестает работать. И он говорит: «Ну все, теперь в школу не пойдем. Я все понял». Он уже наигрался.

И таких случаев, кстати, сейчас появляется все больше. Причины мы разбирали раньше.

Сейчас даже дети начальной школы знают про возможности домашнего обучения, причем самые разные. И у меня среди клиентов есть второклассник, который попросил свою маму перевести его на домашнее обучение. Это произошло потому, что старшие братья и сестры ходят в школу, и он услышал, как дома обсуждали эту тему. Эта склонность к свободе выбора стала приметой времени. А еще одна девочка, у которой были проблемы в школе, рассказала о них маме и попросила найти решение. Мама ответила, что она подумает, что с этим делать.

И недавно дочь подошла к ней и спросила: «Мама, что ты надумала?» Дети становятся более вариативными в своем

поведении. С одной стороны, это хорошо. Потому что до боли знакомый каждому советскому школьнику стресс, когда ты понимаешь, что путь у тебя один – десять лет отсидки, минует современных школьников. И они с самого детства знают, что жизнь разнообразна в своих формах.

С другой стороны, важно отметить тот факт, что в целом готовность терпеть трудности неуклонно снижается, и можно только предполагать, к каким последствиям в обществе это может привести. Сколько может длиться адаптация? Понятно, что первое, что хочется сказать: у всех – по-разному. Первичная адаптация рассчитана на первую четверть, но может затянуться до конца первого полугодия. И учителя отмечают, что к Новому году даже те, кому изначально было трудно в школе, подтягиваются. Но я бы сказала, что адаптация семьи к школе занимает год. Цикл адаптации связан со сменой времен года, то есть важно, чтобы мы прожили в новых условиях каждый его сезон.

Есть еще один важный момент, который влияет на то, чтобы адаптация прошла успешно. Нужно, чтобы у кого-то из взрослых в семье было время для помощи ребенку. Потому что реальная жизнь вносит свои коррективы, и в большинстве семей сейчас родители, так или иначе, работают. Но продленка первокласснику для его социализации вовсе не нужна. Ее придумало общество в ответ на индустриализацию производства. Так же как и детский сад. Нам была необходима «камера хранения» для ребенка, пока взрослые не вернутся с работы. Есть дети с устойчивой нервной системой, которые еще являются экстравертами. То есть они подзаряжаются энергией от внешней среды и адаптируются к этим условиям индустриализации общества хорошо. Но есть первоклашки менее устойчивые, чувствительные, или они могут быть интровертами по своей природе. Кстати, склонность к интроверсии или экстраверсии распределена в обществе примерно 50 на 50. И важно сказать, что школьная система образования настроена на экстраверта.

Что это значит? Что интроверт истощается в школе, и ему нужен отдых, тишина, покой. Эта особенность как раз сильно игнорировалась в советской педагогике, поскольку она этими знаниями не располагала. Вся школьная деятельность требует от ребенка активности и сосредоточенности. Он всегда на публике, всегда на виду. И даже на переменах ребенок-интроверт не отдыхает. После школы ему нужно просто побыть в тишине. В каком-то пространстве, которое минимально наполнено стимулом – с неярким светом и приглушенными звуками. И это – не продленка! Поэтому, если вы знаете, что у вашего ребенка есть

такие особенности, очень важно подумать о том, кто бы мог забирать его из школы. Чтобы отвести на прогулку или побыть с ним какое-то время дома в тишине до тех пор, пока не начнутся какие-то другие формы активности.

Кружки и секции

На время адаптации к первому классу было бы замечательно свести кружковую активность к минимуму. Я знаю, что такие рекомендации выглядят сейчас как минимум устаревшими. Потому что в семьях, чей ребенок посещает меньше двух профессиональных школ, кроме основной, позиция родителей не считается успешной. Но все-таки снизить эту активность и, может быть, выбрать между музыкальной школой, секцией дзюдо и занятиями китайским что-то одно, было бы желательно. Потому что первокласснику не подходит такая жизнь, когда мама кормит его бутербродами в машине, развозя во второй половине дня после школы по всяким другим занятиям до восьми или девяти часов вечера. Даже если она при этом думает, что весь ее день занят ответственной и нужной работой.

Конечно, выбор кружков и секций стоит сообразовывать с желаниями ребенка. Но нужно обращать внимание на то, как у него складывается школьная деятельность. Потому что мы же все-таки взрослые. Мы должны занимать взрослую позицию по отношению к ребенку. Мы не можем отдать ему эту тему на откуп. У нас с ним пока не партнерские отношения. Мотивация у детей очень часто возникает «за компанию». Например, подружка из школы тоже куда-то ходит, и ребенку кажется, что там происходит что-то веселое. Но он еще плохо умеет рассчитывать свои силы. И очень часто бывает, что поначалу первоклашка просится всюду. Потому что все вокруг новое, интересное, и он с кем-то зазнакомился, сдружился. А мама с папой радуются, что у них такой активный ребенок. «Конечно, доченька, пожалуйста. Давай мы тебя и туда запишем, и сюда. А сюда ты хочешь?» «И сюда хочу», – отвечает дочка. Таким образом, у ребенка появляются три разных кружка. И дальше мы смотрим, что происходит с его основной школьной деятельностью. Все ли ребенок успевает, с удовольствием ли идет в школу, хорошо ли о ней отзывается, вовлечен ли в школьную работу? Это важно. Например, ребенок хочет ходить в школу только для того, чтобы играть там в шахматы или петь дуэтом. И при этом не может объяснить, какую тему они проходили сегодня по математике. Вполне возможно, ему просто не хватает сил на освоение новых знаний по предмету. И может быть, проблема в том, что шахматы были лишними. А вот другая ситуация. У ребенка с учебой все хорошо. Он вовлечен в нее, может рассказать основное из того, что они проходили на уроке. Он в состоянии спланировать свою работу, то есть в промежутке между разными активностями найти

время и выполнить тот небольшой объем заданий, который ему дают. Тогда – пожалуйста, дополнительные занятия ребенку не помешают.

Что делать, если ребенок так и не смог вписаться в школьную жизнь

Есть несколько видов проблем дезадаптации. Одни встречаются часто, другие реже, но проявляются ярче. Давайте начнем с самых распространенных трудностей.

✓ Это проблемы с произвольным вниманием, которые не дают ребенку подстроиться под коллективный темп работы. Как это выглядит на практике? «Здравствуйте, дорогие ученики. У нас сейчас урок русского языка. Открываем страницу двадцать три. Маша, открываем «Русский язык». «Математику» убираем. Двадцать третью страницу открываем. Все открыли? Маша, открываем страницу двадцать три. Итак, смотрим упражнение четыре. Маша, вот страница двадцать три». Такие проблемы очень распространены, особенно сейчас.

Мы уже говорили о том, что стиль современного дошкольного детства не помогает созреванию произвольности вообще и произвольного внимания в частности. И через какое-то время, я почти уверена, сама система образования будет подстраиваться под использование непосредственного внимания. Это мой профессиональный прогноз. Вероятно, для того, чтобы удерживать это внимание, будут применяться новые технологии. Например, уже сейчас даже на российских образовательных выставках можно встретить **3D-04КН.** Их наденут на вас, зафиксируют на голове и дальше предъявят урок. От этого материала вы никуда не денетесь, не сможете отвести глаза. Ведь эти очки зафиксированы у вас на голове. И дальше, после того как вам предъявили небольшой объем теоретического материала, яркого и красочного, с двигающимися картинками, вам нужно выполнить задание. И пока вы этого не сделаете, программа не завершится. Вполне вероятно, что детей в шлемах будут фиксировать в креслах. Это мой частный прогноз. Будет любопытно перечитать эту книгу лет через десять, но тем не менее я рискну высказать свое профессиональное мнение. И буду рада извиниться перед сообществом, если мой прогноз окажется неверным. Но пока произвольное внимание детей, с одной стороны, очень востребовано ходом учебного процесса, а с другой – мы наблюдаем его дефицит.

✓ Вторая проблема – это различные поведенческие трудности. Они встречаются реже, но о них мы знаем больше. Эти проблемы – не разовые, но регулярные акции. Таких учеников у

нас обычно один-два на класс. Я говорю о детях, которые ходят по классу, «кукарекают» во время объяснения новой темы. То есть в тот момент, когда на них не обращают внимания и нет диалога с учителем. Которые демонстрируют протестное поведение по отношению к основной деятельности, то есть либо уходят от нее, либо подменяют другой. Например, все решают задачу, а ребенок достал «Лего» и играет даже не под столом, а на столе. Ему сложно отказаться от своего желания.

Если эти поведенческие проблемы стойкие, то они являются критерием дезадаптации. Но нам важно еще оценить динамику. Когда мы можем говорить о дезадаптации? Когда динамика негативная. То есть если эти симптомы проявились в начале сентября, о дезадаптации говорить рано. Но если к Новому году справиться с ними не удалось и появилась тенденция к ухудшению, мы можем говорить о том, что у нас серьезная проблема.

✓ Затем – проблемы со здоровьем. Есть даже специальный термин «часто болеющие дети». Не всегда частые болезни вызваны дезадаптацией в школе. Но все-таки эти процессы могут быть связаны между собой. Особенно если до начала занятий в школе ребенок болел реже.

✓ И последний критерий – эмоциональные проблемы ребенка. Когда он не хочет идти в школу, у него случаются регулярные истерики. В классе он еще как-то держится, а по возвращении домой плачет, истерит, просит маму забрать его из школы, перевести. И эти состояния не проходят, но нарастают. Это тревожный симптом. Или, например, он замыкается в себе, ничего не рассказывает. Это совсем грозный признак. Внешне ситуация выглядит лучше, чем истерики и слезы, но является показателем серьезных проблем.

Что делать в ситуации, когда у родителей возникают подозрения, что ребенок не смог адаптироваться к школе? Отвечу вопросом на вопрос. А как мы решаем проблемы вообще? Всегда в три этапа.

✓ Первый – собираем информацию. Прежде всего, разговариваем с самим ребенком, потом с учителями, школьным психологом.

Причем хорошо бы, чтобы у нас был обзор в 360 градусов. Это значит, что, обсудив проблему с основным учителем, нам нужно поговорить с другими педагогами, ведущими занятия в классе. Есть учитель английского языка, учитель физкультуры, учитель

ИЗО – словом, дополнительные преподаватели. Важно понять, как ребенок ведет себя, например, на других уроках. Дополнительную информацию могут дать расспросы родителей одноклассников относительно реакции их детей. Чтобы выяснить, как ситуацию видят другие люди.

Хорошо бы понаблюдать за ребенком в классе. Желательно, чтобы этим занялся сотрудник школы, с которым вы можете потом доверительно поговорить. Родителям сидеть на уроке не нужно, хотя они часто порываются это сделать. Во-первых, полезную информацию при таком подходе толком не соберешь. Потому что понятно, что ребенок ведет себя по-разному при маме и без мамы. Во-вторых, вторжение на урок не способствует установлению хороших отношений с учителем. Так что стоит обратиться с просьбой поприсутствовать на уроке к психологу. А может быть, завуч после разговора с вами корректно попросит разрешения у учителя, чтобы кто-то из коллег зашел к нему на урок «просто в гости».

> Важно понять, что мы наблюдаем не за учителем и не за учеником, выискивая какие-то недостатки. А рассматриваем ситуацию в целом, с чем могут быть связаны проблемы. Собирая информацию, мы не отстаиваем права ребенка и не ищем виноватых.

Какие причины дезадаптации могут быть обнаружены? Часть причин связана с психофизическими особенностями ребенка, в том числе с недостаточным уровнем его готовности к школе или с его мотивацией. Это также могут быть проблемы с его физиологической и психологической способностью понимать и воспринимать информацию, участвовать на равных в той деятельности, которую предлагает школа. Сильное влияние могут иметь нарушения его речевого развития. То есть, в общем, готовность ребенка на уровне высших психических функций.

А еще проблемой может стать качество взаимоотношений с учителем. Или психологические проблемы ученика, которые бывают связаны с завышенными ожиданиями родителей, семейной ситуацией, в которой растет ребенок, или с другими условиями.

✓ Шаг второй – ищем компетентных собеседников по выявленному кругу проблем.

Если мы выяснили, что, прежде всего, проблемы ребенка могут быть связаны с его психофизическими особенностями, начать их обсуждение можно со школьным психологом. Идем к нему, просим провести обследование и выдать нам заключение в

письменной или устной форме. А еще просим составить рекомендации, дать перечень специалистов, которых нам, может быть, нужно посетить. Возможно, в этом списке окажется невролог, потому что проблемы с нервной системой у детей – частое явление. Или дефектолог – специалист, который как раз следит за тем, насколько развиты у детей высшие психические функции, то есть мышление, речь, внимание, память, восприятие. Он порекомендует психолого-педагогические методы для их коррекции. Ребенка могут направить к нейропсихологу. Это представитель молодой, но активно набирающей сейчас обороты и очень уважаемой науки, которая тоже располагает диагностическими методами и методами коррекционной работы. Затем логопеды, школьные тьюторы, которые занимаются педагогической поддержкой. Это тоже довольно молодая область знания, но она может оказать существенную помощь в формировании мотивации.

В общем, мы очертили тот круг специалистов, которые находятся внутри самой школы либо вовне. Прежде чем принимать решение, хорошо бы заручиться мнением двух-трех собеседников и не закопаться. Потому что обследовать ребенка можно до бесконечности.

Если есть подозрения на проблемные психофизические особенности ребенка, надо все-таки понять, есть ли у него какие-то медицинские диагнозы или нет. У врачей, к сожалению, есть тенденция к сокрытию этой информации от родителей. Я с этим сталкиваюсь очень часто. Когда я провожу тестирование ребенка при приеме в школу, моими собеседниками часто оказываются родители, которые уже истоптали три пары сапог для того, чтобы подготовить его к школе. И по тестам видно, что он эту подготовку не тянет. Спрашиваю: «Что с ребенком?» И родители, хорошие, любящие родители, которые много сделали для воспитания своего ребенка, часто отвечают: «Мы не знаем, что с ним. Мы не знаем диагноз». Тогда мы обсуждаем разные маршруты, позволяющие узнать его или подтвердить отсутствие. Поскольку это знание влияет на дальнейшие образовательные маршруты ребенка. Все-таки это очень важное обстоятельство, и я являюсь поклонницей медицины, которая обсуждает с родителями состояние их детей.

✓ Шаг третий – принимаем решение. Все-таки мы отвечаем за успешность адаптации нашего ребенка к жизни, прежде всего. И вовсе не только к школе.

Дальше мы предпринимаем шаги в соответствии с той информацией, которую мы получили. Если у ребенка есть

проблемы со здоровьем, мы обязательно должны иметь какой-то план для их решения. Если причина трудностей – особенности ребенка, разрабатываем какую-то схему действий.

И лучше составлять ее вместе со школой, ввести педагогов в курс дела. Медицинские подробности можно опустить, если родители пока не могут довериться учителям. Хотя это важно – доступно разъяснить те аспекты диагнозов, которые влияют на учебу ребенка. Нужно понять, как мы будем помогать ребенку. То есть каких специалистов он будет посещать, как скорректировать его учебные программы, действия учителя по отношению к ребенку с учетом его особенностей.

Это не значит, что мы дадим ему абсолютно льготный режим. Потому что тогда его психика, возможно, никогда не сможет адаптироваться до «условной нормы». Но мы должны определить зону его ближайшего развития, понять, какие задания он сейчас может выполнять. Речь идет не о том, чтобы полностью перевести ребенка на индивидуальный режим обучения. Когда мы все время сидим рядом и открываем ему нужные страницы. Но мы должны работать над развитием его слабых зон. Не стыдить, а помогать с помощью современных программ психологопедагогической поддержки. Если у ребенка есть психологические проблемы, которые препятствуют его адаптации, то хорошо бы иметь план действий по их коррекции. Иногда нужна одна консультация с психологом, а кому-то может потребоваться курс занятий и с родителями, и с ребенком. Многое зависит от ситуации. Главное, что я поняла из практики, что открытое обсуждение проблем существенно повышает шансы на их решение.

✓ И, наконец, оцениваем результат.

Если выяснится, что все наши действия не дали нужного нам эффекта или наши усилия не изменили ситуацию, как нам быть? Поменять программу для ребенка, если у него есть особенности и психологопедагогическая поддержка не помогает их скорректировать. Поменять форму обучения. В конце концов, мы можем поменять учителя, школу. А еще мы можем продумать комплекс мер, которые помогут укрепить физическое и психологическое здоровье самого ребенка. И обдумать собственные ресурсы. Что нам поможет поддерживать позитивный внутренний монолог, о котором мы уже говорили. Важно, чтобы он звучал и внутри нас. Чтобы мы поддерживали и себя, и ребенка, и других членов семьи.

А не обвиняли друг друга во всех бедах. Очень часто школьная дезадаптация ребенка провоцирует и дезадаптацию внутри семьи.

В то же время есть множество жизнеутверждающих примеров разрешения проблем с адаптацией. Во всех этих историях у детей с самого начала имелись какие-то особенности развития. И родители внимательно отнеслись к этой непростой ситуации. Они проделали внутреннюю работу и смогли ее принять (обычно это самый сложный этап). Затем попросили адекватной поддержки во внешнем мире. В результате адаптация их детей прошла более гладко, чем во многих случаях, не осложненных особенностями развития.

Глава 7
Школьник и оценки

Важны ли оценки

Оценки – значимая часть обучения. Часть, но не цель. Целью они являются для федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Но для конкретного ребенка и его семьи – точно нет. Их назначение другое – помогать развитию функций самоконтроля, самоанализа (той самой «знаменитой» рефлексии) и саморазвития.

Оценка – это средство, которое, при правильном отношении к ней, ведет к формированию всех перечисленных функций. А они очень важны для самого ребенка. У оценки в этом деле служебная роль, и каждый сверчок должен знать свой шесток. Ей не нужно придавать слишком большое значение. Правда, и в этом направлении можно переусердствовать. Сейчас есть родители, которые с гордостью говорят о том, что учат ребенка не обращать внимания на оценки. Это – другая крайность.

Учить ребенка вообще не обращать внимания на оценки – это все равно что учить его игнорировать дорожные знаки. Красного света светофора, конечно, не нужно бояться. Но режим концентрации внимания у ребенка должен сохраняться. Нужно, чтобы в его голове постепенно сформировалась схема действий, как в ответ на красный свет светофора, так и в ответ на плохую оценку. Это главное, что нам нужно понять про оценки.

Почему оценке придается слишком важная роль? Почему происходит такое смещение? Потому что в нынешней системе образования она является еще и целью – способом проверки качества работы учителя и школы. И поэтому школа, со своей стороны, может давить на учеников и на их родителей. Психологически это очень понятно. Ведь если тебя оценивают по какому-то критерию, возникает искушение этот критерий начать как-то натягивать. Беспокоиться за него, стращать учеников, чтобы они забеспокоились.

> Для многих учителей и администрации школ оценка из средства достижения педагогических результатов превратилась в цель. Ведь результаты работы школы часто оценивают по рейтингу, где оценки и баллы – ключевой показатель. Но на то ребенку и нужна семья, чтобы помогать понять подлинный смысл происходящего, учить справляться с внешними требованиями, сохраняя здравый смысл и психологическую устойчивость.

Давайте разберемся, зачем нужно оценивать детей. Каким будет правильное отношение ребенка к оценке? Таким же, как к любой обратной связи вообще. Например, к критике. Хотим ли мы, чтобы ребенок был нечувствителен к критике? Чтобы он искренне верил, что все, что он делает, – превосходно?

Наверное, нет, потому что мы понимаем, что жить ему будет сложновато. Хотим ли мы, чтобы он занимался чем-то только ради похвалы? Боже упаси! Хотим ли мы, чтобы он ночи не спал и не мог шагу ступить из опасения, что кто-то может оспорить его действия? Да нет, конечно. Наверное, мы хотим, чтобы он обращал внимание на критику и знал, что даже если она – негативная, у нее есть вполне полезное назначение. Как и любая оценка, она не будет начертана на его надгробии. То есть это не приговор, а, скорее, указатель пути. Какие-то указатели нам важны, какие-то не очень. Но в любом случае они могут дать нам важную информацию и нужно уметь с ними обращаться.

Когда мы говорим «критика», мы сразу немножко напрягаемся, потому что представляем, что нас ругают. Человеку неприятен сам факт того, что его кто-то оценивает. Мы начинаем чувствовать себя незащищенными. Но это связано не с самим фактом оценки. А с нашим внутренним ощущением, которое появилось в тот момент, когда нас оценивали, придавая этому еще какой-то дополнительный негативный смысл.

Эти травмы детства, обладающие стойкостью героев Бородина, преследуют нас во взрослой жизни.

И нам, конечно же, хочется, чтобы наш ребенок избежал этих травм и, встречаясь с критикой, прислушивался к ней. И понимал, что он делает хорошо, а что может исправить, сделать по-другому. Причем нам бы хотелось, чтобы у него был некоторый внутренний фильтр. И он не воспринимал бы каждую оценку как истину в последней инстанции. Чтобы она, скорее, мотивировала его к новым достижениям, но не превращала жизнь в сплошную гонку за баллами.

Напомню, что изначальная цель воспитания – научить ребенка справляться с жизнью. И здоровое отношение к обратной связи критически важно для ее достижения. Обратную связь получает любой живой организм, не только ученик, но и гусеничка, и деревья… Все живое в нашем мире адаптируется с ее помощью. Причем сейчас все эксперты в области профориентационного прогнозирования говорят о неуклонно повышающемся значении адаптации. Это то, во что нам нужно вкладывать силы.

Не конкретные знания, не дипломы престижных

гимназий или университетов, а способность ребенка к адаптации будет критически важной для его будущего.

А что влияет на нашу адаптацию? Что умеет человек, адаптивный в самом хорошем смысле? Он умеет считывать обратную связь. И корректировать свои действия в соответствии с той информацией, которую получил. С одной стороны, он должен быть достаточно устойчив. Потому что, если эта обратная связь и корректировка будут непрерывными, он может потерять задачу и станет зависимым от критики или начнет двигаться хоть и очень адаптивно, но вовсе не в ту сторону. Такую устойчивость обеспечивают ценности. Они защищают ребенка от опасных ветров моды и дурного влияния. Как компас, помогают ему удерживать правильное направление. С другой стороны, важно, чтобы ребенок двигался по жизни не в танке. Слышал, что говорят ему со стороны, чтобы до него можно было достучаться. Способность воспринимать обратную связь и корректировать свои действия развивается у ребенка постепенно. Для развития этой способности и была придумана оценка.

Давайте рассмотрим вот какой пример. С его помощью мы попробуем понять, как формировать у ребенка правильное внутреннее отношение к оценке. И начать лучше с нашего собственного отношения к ней.

Представим себе на секунду, что нам удалось заполучить для своего ребенка самого прекрасного педагога в мире. И предположим, что наш ребенок очень мал, он еще младший школьник. Итак, на несколько часов в день мы отправляем его в совместное познавательное путешествие с этим педагогом. Неужели вечером мы с жуткой тревогой будем спрашивать его: «А не говорил ли тебе учитель чего-нибудь плохого?» А потом звонить и умолять этого педагога, чтобы он не заносил это «плохое» в свой журнал успеваемости. Скорее, мы с любопытством станем расспрашивать ребенка о том, что происходило с ним сегодня. И будем интересоваться в первую очередь не оценкой, а тем, что он узнал, чем запомнился ему день. Если выяснится, что сегодня была проверка знаний, мы, скорее всего, спросим, как учитель оценил качество выполнения задания. Согласен ли ребенок с этой оценкой. Как можно поправить дело, если что-то пошло не так, на что обращать внимание. Какие рекомендации он вынес из обратной связи, полученной от этого педагога. Правда ведь? И даже если в оценках учителя было что-то негативное, мы, вероятнее всего, найдем в этом пользу для ребенка. Мы не станем воспринимать критику как приговор. Скорее, будем думать о ней как о ценном

подарке, который ребенок может применить к себе, потому что пока мал и только учится. И конечно, мы продолжим организовывать встречи нашего ребенка с этим учителем. И конечно, станем радоваться, что этот педагог обучает наше чадо.

Наверное, нас удивило бы, если бы изо дня в день наш ребенок говорил, что, по мнению учителя, абсолютно все задания он выполняет в совершенстве и их никак нельзя улучшить. Мы станем ожидать, что глаза нашего ребенка будут гореть в предвкушении новой встречи, да? Но мы вполне сможем понять, если вдруг он вернется вечером озадаченным, серьезным, может быть, раздраженным. И начнет с досадой рассказывать о том, что сегодня у него что-то не ладилось, была какая-то трудность, он получил плохую отметку. Мы поговорим с ребенком о его чувствах (раз мы размечтались, то пусть в нашей идеальной картинке и родители будут идеальными). Будем расспрашивать малыша о том, как он примется исправлять ситуацию. Ребенок сможет поделиться с родителями своими чувствами и получить поддержку (еще бы, ведь у нас идеальные родители!), затем изложит свой план действий (у него ведь прекрасный учитель, который позаботился об этом). Он потренируется дома и назавтра вернется сияющим победителем. Конечно, главной победой будет не пятерка, а личный опыт преодоления себя, который изменил ситуацию.

Конечно, реальная жизнь никогда не похожа на идеальную картинку из книжки. Было бы нечестно требовать от родителей всегда следовать «правильным» схемам. Но если какие-то элементы этой почти сказочной картинки получится хоть иногда применить в жизни, это может помочь сделать оценку полезной для ребенка и придать ей нужное значение.

Я понимаю, что родители возразят мне, что те педагоги, которым мы отдаем наших детей, не самые лучшие педагоги на свете. И конечно, у нас есть тревога, что их оценка может быть очень болезненной для ребенка. Мы ощущаем уязвимость маленького человечка перед огромным миром, представителем которого и является для него первый учитель. Тревога родителей в этом случае очень понятна. Именно поэтому так важен выбор школы и учителя, которому мы сможем доверить ребенка.

Иногда у мамы и папы есть общая тревога по поводу оценок, не связанная с учителем. Скорее, она – про страх быть плохим родителем, ведь сейчас требования общества непомерно высоки. Эта родительская тревога «заводит» тревогу ребенка. В своей практике я редко встречаю психологические трудности, связанные со школьными оценками, у детей, чьи родители относились к этому критерию спокойно.

Мне часто доводится работать с подростками, которые очень озабочены оценками. Например, девочки со школьными неврозами. Сейчас даже родители говорят им: «Да оставь ты в покое эти оценки. Нам не нужны твои пятерки. Учись как хочешь, лишь бы с тобой все было хорошо. Лишь бы ты была здоровая и румяная». Но у ребенка – невротическое отношение к школьным проблемам, и оценки – самый болезненный для него вопрос. И когда мы начинаем обсуждать с родителями, как выстраивалось их взаимодействие с ребенком в детстве, выясняется, что мама или папа (но чаще мама) были очень озабочены качеством выполнения уроков в начальной школе и полученными оценками. Это беспокойство было обязательно завязано на самооценку родителей. Каким-то образом они определяли свое будущее и будущее ребенка именно числовыми показателями.

Нам важно еще различать оценку и отметку. Это не одно и то же. Сейчас в школе ребенок приучается быть оцениваемым не сразу и не через отметки. В первом классе их не ставят, потому что мозг ребенка еще не до конца подготовлен к этому событию.

Первый год уходит на то, чтобы сформировать у него основные схемы действий – способность составлять в уме план работы, который ведет к верному решению учебной задачи, и следовать этому плану. То есть он должен понимать, из каких этапов состоит деятельность, которую ему нужно выполнять. Видеть эти этапы, следить за ними, вначале пальчиком, глазками, потом проговаривать, а уж затем выполнять, сверяясь с планом в уме. Внешний поначалу контроль потихонечку становится внутренним. Ребенок должен следить за этими этапами, различать действия, которые он совершает, и понимать, что в них может быть ошибка. Он пока еще не в состоянии ее увидеть, но он должен убедиться в том, что она возможна.

Как еще учат контролировать деятельность? Вначале учитель на доске дает эталон выполнения действий и отрабатывает его. После отработки алгоритма он может начать совершать промахи, для того чтобы ребенок их заметил. Следующий этап – педагог учит детей наблюдать даже не за собой, а за другими, для того чтобы разглядеть их ошибки. Так устроен наш мозг – вначале он замечает оплошности в поведении других. Именно поэтому девочки и мальчики в детском саду такие страшные ябеды. Так же и в школе дети учатся оценивать других, например, во время работы у доски. Они часто обмениваются тетрадями и ищут

ошибки друг у друга, а потом начинают замечать их у себя. И этот процесс не должен быть слишком болезненным. Именно поэтому оценивание отложено. Ведь сейчас важны не отметки. Важно, чтобы ребенок в своей деятельности смог увидеть последовательность, алгоритм. Научился держать его в голове и следил за ним, чтобы от него не отклоняться. Если оценка возникнет в этом деле слишком рано, она может мешать, а не помогать. Ведь сильная тревога тормозит деятельность.

Наверное, мы нервничаем по поводу оценки еще и потому, что держимся мифа о том, что она губит творческие способности. Но если мы вглядимся в творческую деятельность, мы поймем, что у любого художника есть замысел и есть результат. И, как правило, они отличаются друг от друга. Всегда есть зазор между первоначальным замыслом и тем, что мы получили на выходе. По сути, художник рождается в тот момент, когда он этот зазор видит. И очень важно, чтобы мастер мог выносить эту разницу и продолжал удерживать себя в своей деятельности. Я часто сталкиваюсь с этой проблемой, когда ко мне на консультацию приходят подростки или молодые люди, которые выбрали творческую специальность. Они находятся в начале пути, и я вижу, как трудно им принять тот факт, что пока у них все получается не так хорошо, как они задумали. Но им вредит не сам процесс оценивания. Он должен присутствовать как часть деятельности. Им вредит драматическое отношение к оценке, которое парализует их работу. Проблема не в самой оценке, а в том значении, которое ей придается. Корни этой проблемы, конечно, лежат в детстве. И очень часто – как раз в младшем школьном.

Как подружиться с оценками

Как помочь ребенку нормально воспринимать оценку? Нормально – это значит, что он ее понимает, принимает и совершает какие-то разумные действия в ответ. Для этого очень важно еще до того, как ребенок получит свою первую оценку, чтобы семья – мама, папа, бабушка, дедушка – объяснили ему, что хорошо, а что плохо. Разъяснили понятия «можно» и «нельзя». Как родители и ребенок будут относиться к оценке, станет уже следствием. Здоровое отношение к промахам, оценкам, решению трудных задач можно формировать еще до школы. Разговоры помогают, но, поскольку ребенок еще маленький, игры работают эффективнее.

Особенно важны такие игры, если есть подозрение, что ваш ребенок будет слишком тревожиться из-за оценок. Ведь по сути, подготовка к процессу оценивания начинается задолго до того, как ребенку в школе ставят первую двойку или пятерку. Например, мы можем сделать вместе какое-то домашнее дело на оценку.

Первый этап игры. Варим с ребенком суп. Перед этим отмечаем на листочке все этапы этого непростого для малыша дела. Если ребенок пока не пишет, можно схематично нарисовать морковку, картошку, капусту и т. д. Степень подробности описания – дело вкуса. Можем отмечать по пунктам: моем морковку, чистим ее, режем, обжариваем. Если такая детальность, наоборот, раздражает, указываем только перечень закладки продуктов в суп. Итак, план готов.

Потом мы сверяемся с планом и отмечаем законченный этап (рисуем рядом птичку или вычеркиваем). Если ребенок пока забывает сделать это сам, проговариваем то, что делаем: «Та-а-к, что у нас там дальше?»

Второй этап игры. Мама варит суп, а ребенок его оценивает. Мы договариваемся заранее о критериях оценки. Например, если мама делает все по плану, она получает пятерку. Одна подсказка – это пять с минусом и т. д. Для оживления игры лучше бы маме, конечно, ошибаться и путаться. Тут есть важный момент. Мама может огорчатся из-за неудачи. Но она обязательно должна проговаривать вслух, как планирует исправить ситуацию. Ребенок может помочь маме-«двоечнице» повторить алгоритм. И тогда на следующий день она все сделает правильно, получит пятерку и будет бурно радоваться. Это упражнение позволит ребенку и самому освоить последовательность действий. Дальше она нам понадобится.

Третий этап игры (после освоения ребенком алгоритма действий). Ребенок сам варит суп и сверяется при этом с планом. Он проговаривает все этапы и выполняет все действия по его приготовлению. Оценивает ребенка уже мама, и, скорее всего, положительно. Если он что-то забывает, важно не ругать его, а подсказать, как можно исправить ситуацию. Похожие игры можно придумать для уборки комнаты, разбора шкафа с вещами и т. д. Они полезны не только для подготовки к школе, но и для подготовки к жизни, с которой ребенок тоже должен справляться.

Обсуждая с ребенком оценку, важно делать акцент на ее служебной роли. Если говорить детским языком, важно научить ребенка «дружить» с ними. Не бояться их, но и не игнорировать. Воспринимать не как препятствие, а, скорее, как указатель, подсказывающий направление движения по школьному маршруту.

Можно рассказать ребенку, что людям важны не сами оценки, а то, чему они нас учат:

✓ понимать язык оценки, о чем она говорит, напоминает человеку (например, ты не понял тему и не задал вопрос учителю; нужно было отработать упражнения, а ты поленился, понадеялся, что тебя сегодня не спросят, хотел схитрить);

✓ разбираться, за что ставят оценку, как, из чего она складывается (а значит, помнить, что можно спросить об этом учителя и научиться объяснить себе и другим, за что ты ее получил);

✓ определять, что нужно сделать, чтобы исправить ситуацию и больше в нее не попадать (научиться не оправдывать себя обстоятельствами, не выкручиваться, а видеть ситуацию целиком, понимать, в чем состоит твоя ответственность; даже если тебе не очень повезло, твой вклад в неудачу тоже есть; его нужно видеть не для того, чтобы умирать от ужаса, а для того, чтобы в другой раз ты мог подготовиться к такой ситуации);

✓ понимать, что оценивают не тебя лично, а твои действия. Ты – не двоечник. У тебя есть двойка (нужно уметь отделять себя от оценки, потому что тогда ты сможешь ее исправить).

Хорошие учителя умеют объяснять это детям. Но желательно, чтобы и дома ребенка подготовили к такому отношению к делу. Школьная оценка должна входить в жизнь ребенка постепенно. В начале первого класса учитель оценивает ребенка без отметок. Помните, мы говорили, что оценка – не то же самое, что отметка. Оценка может быть разной. Она может быть, прежде всего, словесной. И эти оценки появились в жизни ребенка, в общем-то, почти с рождения. И у хорошего учителя оценка является важным,

но не единственным компонентом деятельности.

Если вам не удалось подготовить ребенка к правильному восприятию оценок и вы читаете эту книгу, когда школьный поезд уже несется на всех парах и что-то пошло не так, хорошая новость в том, что все поправимо. Если ваш первоклассник впадает в ужас от плохих оценок (выставленных или потенциальных), вам опять же может помочь игра. Повторимся, что беседовать с ребенком тоже хорошо. Но с помощью игры дети усваивают материал быстрее и надежнее, так уж устроена их психика.

Сценарий игры для тех, кто боится плохих оценок. Первая часть игры (подготовительная). Поиграйте в школу. Лучше, чтобы в нее ходили мягкие игрушки, которые во множестве найдутся в любом доме. Устройтесь на столе или на полу и начните говорить от лица разных персонажей. Если игра была частью дошкольной жизни ребенка, он сразу включится. Если нет, то как минимум заинтересуется тем, что там происходит.

На первом этапе мы вовлекаем ребенка в игру, не нужно сразу переходить к проблемной ситуации. Некоторое время персонажи могут свободно жить в игровом пространстве, ходить в школу. Пусть их будет двое или трое. В какой-то момент у вас в компании появляется какая-нибудь трусиха-белочка.

Или ежик, который ужас как боится двоек, жалуется на это, трясется. От лица каких-то зверьков начните рассказывать ему о настоящем смысле оценок. И постепенно вовлекайте в эту игру сына или дочку. Ребенку можно предложить сыграть роль какого-то мудрого и сильного персонажа в этом лесу. Обычно неуверенные дети таких персонажей любят. Нужен образ эдакого мудрого льва или Балу.

Второй этап игры. От лица игрушки-трусишки попросите персонажа вашего ребенка о помощи, теребите его вопросами: «Ой, а мама меня за двойку убьет? Ой, со мной теперь никто не будет больше дружить? А что же мне теперь делать?» В число вопросов вы смело можете включить тревоги вашего ребенка. Пусть он раз за разом убеждает зверька, подсказывает ему, что делать. Важно, чтобы трусишка восхищался мудростью зверя-помощника, благодарил за помощь и жизнь его налаживалась. Эту игру можно превратить в сериал. Есть вероятность, что он станет целительным.

Вообще, очень важно сделать тему оценок прозрачной. Потому что, если ребенок вынужден скрывать их от родителей, получится, что мы не участвуем в деле формирования у него самоконтроля. А это, как мы уже говорили, важнейший навык. Мы не сможем помочь ребенку отрефлексировать, каким образом он пришел к тому, что эта оценка появилась в его дневнике. И не

сможем научить продумывать свои действия по ее исправлению. Тогда зачем мы водим его в школу? Процесс переворачивается с ног на голову. Ведь кто, как не родители, должны научить ребенка выстраивать причинно-следственные связи в своей деятельности. Но если этот процесс скрыт от нас, если ребенок утаивает негативные оценки, если наша тревога такова, что мы можем, например, только кричать или наказывать его, – значит, увы нам. Значит, мы не сможем участвовать в формировании у ребенка самооценки, самоконтроля и саморазвития, что еще важнее. Если отношение ребенка к оценке из-за нашего влияния ведет его не к саморазвитию, а подталкивает к самоуничтожению, мы мешаем его росту.

Но не стоит ругать родителей за такое поведение, потому что ругать за травмы неэффективно. Если у них есть проблемы, нужно обратиться к специалистам. Чтобы всем стало легче жить. Родителю нужно разобраться с тем, что стоит за его реакцией. Помните, мы говорили о том, как нужно готовиться к школе? В первую очередь, найти собственную точку хотя бы относительной уверенности и спокойствия по отношению к ней. Потому что я, к сожалению, вижу, что родители сильно кренятся то в сторону тревоги по поводу школьных оценок, то к нарочитому безразличию к ним. Это тоже защита от уязвимости. Они рассуждают так: меня третировали в детстве, а я научу своего ребенка «плевать» на оценки. Но эта позиция тоже не помогает его развитию. Потому что учить его тому, что оценка не имеет совсем никакого значения, – значит мешать его несозревшей психике формировать навыки самоконтроля.

Но как понять, здоровое у меня отношение к оценке или нет? Смотрите, очень простой пример – сцена из жизни.

Школьный коридор. Стоит мама и ждет своего сына. Мимо проходит учительница и говорит: «Кстати, Вася получил сегодня два».

И собирается рассказать почему. Мама тревожно перебивает и просительно смотрит на учителя: «Скажите, а вы эту двойку сразу в журнал поставили?»

Для меня такое поведение – признак того, что у мамы были сложные отношения с собственными оценками. Оно не дает ей сейчас сосредоточиться на интереснейшем вопросе, почему у Васи – два. Если бы у нее не было какой-то травмы в связи с этой темой, она, конечно, заинтересовалась бы и с любопытством расспросила учительницу, которая не собиралась ее ругать. Учительница хотела рассказать, что привело Васю к этой двойке.

И, уж конечно, не была настроена на то, чтобы извести парня и наставить ему двоек в журнал. Но сама призма, через которую мама рассматривает оценки, ее вопрос, появится ли двойка в журнале, выдает позицию школяра, для которого баллы важны сами по себе.

Еще один пример. Есть родители, которые ходят к учителю и канючат: «А вот как же, у моей Машеньки было между тройкой и четверкой. У нее троек всего на одну больше. А не могли бы вы поставить четверку?» Сама позиция показывает, что их беспокоит только вопрос конкретной оценки. Правда, для них жизненно важно, четверка это будет или тройка. И главное – процесс получения оценки еще и будет скрыт от ребенка.

Я могу представить себе ситуацию, в которой мама учит ребенка считать и прогнозировать, например, итоговую оценку в четверти. Они взяли и посчитали, чего у него больше – троек или четверок. Учитель тоже человек, он мог ошибиться. Но тогда я бы предложила объяснить Машеньке, как можно построить разговор с учителем, чтобы повлиять на этот результат. В крайнем случае можно прийти к нему вместе с Машенькой. Или даже совсем без нее. И попросить учителя поговорить с девочкой, объяснить ей, почему в этой четверти у нее не вышла четверка. Но умолять Марь Иванну поставить четверку тайком от ребенка только потому, что четверка лучше тройки, – такой шаг не имеет никакой педагогической задачи. Мама может прийти к учителю и сказать: «Вы знаете, Машенька в этой четверти очень старалась, и может быть, эта четверка будет натянута, но я, как мама, чувствую, что ей сейчас она бы не повредила. Что вы думаете об этом?» Такой разговор может быть вполне уместным.

> Выпрашивая хорошие оценки, а тем более «покупая» их за подарки и услуги для школы, мы как будто пытаемся купить личный светофор для ребенка. Который всегда будет показывать только зеленый свет.

В этом случае родители берут на себя ответственность за строительство для ребенка персональной вселенной. Которая будет управляться по их собственным законам. По моему опыту, эта стратегия в любом случае приводит к тому, что через созданную вокруг ребенка скорлупку будет просачиваться правда жизни. У него начнется сильное разочарование, появится боль, с которой он не справится из-за отсутствия иммунитета. И в результате вместо благодарности родители получат агрессию

ребенка, обращенную на весь мир и на них в том числе. Эта ситуация болезненна для всех. Поэтому покупку оценок я не рекомендую, даже если это возможно. Слава Богу, сейчас в школе такая практика встречается все реже.

Оценки как угроза чести и достоинству

Однако есть ситуации, которые требуют родительского вмешательства. Прежде всего для того, чтобы защитить ребенка.

Оценка и способ ее подачи может сильно повлиять как на восприятие ребенком самого себя, так и на отношение к нему одноклассников. И ведущая роль в этом деле принадлежит не детям, а опять же учителям. Ученики младшей школы ориентируются на мнение педагога. И я сталкивалась с ситуациями, когда у ребенка формируется имидж не просто двоечника, а неудачника. Причем очень быстро. Буквально в первые недели первого класса обычно уже становятся видны кандидаты в такие школьные лузеры. Этот имидж формируется не только из-за отметок, он может появляться даже до первых двоек. Его источник – неловкие комментарии учителя, которые потом превращаются во фразу «Вася – тупой». Так говорят дети, которые могут быть жестокими. Но пока они только пробуют эту стратегию, во власти учителя их остановить. Узнать о том, что парня дразнят, и остановить. Учитель может не только не комментировать проблему, когда Вася из раза в раз не усваивает материал и не понимает, что нужно делать. Он может сохранять достоинство Васи. Подчеркивать перед всем классом то, что он делает хорошо. И пресекать любые негативные оценочные суждения в отношении парня. Конечно, это непростая, энергозатратная педагогическая работа, требующая квалификации и желания этим заниматься. Но я знаю очень многих педагогов, которые уделяют этому вопросу большое внимание и добиваются хороших результатов. Есть и обратные истории. Чаще всего, когда мы говорим о каких-то «стойких» двоечниках, каждая реплика которых встречается хохотом или фразой «Вася у нас опять» – такие ситуации всегда возникают с одобрения учителя. Возможно, неосознанного. Учитель просто не задумывается о том, как он отзывается на неудачи мальчика. Обычно конкретная Марь Иванна желает парню добра. Она хочет обратить внимание Васи на то, как плохо у него получается то, что он делает. И она обращает это внимание снова и снова в надежде, что он наконец сосредоточится на задаче и справится с ней. Но метод, с помощью которого она это делает, моментально подхватывают незрелые ученики. И проблема, конечно, сразу умножается в геометрической прогрессии.

Если вы замечаете, что нечто похожее началось вокруг вашего ребенка: он, например, не хочет идти в школу, потому что его там обзывают, дразнят, говорят, что он тупой, – надо срочно идти

разбираться. Точнее, нужно собрать информацию о том, что происходит. И попросить учителя о помощи. Если диалог с учителем не получается и у вас есть веские свидетельства того, что ситуация связана с его резкими оценками, эту историю надо останавливать. Сделать «стоп-кадр» и немедленно забрать ребенка из школы. Потому что школьный невроз может развиться за считаные недели и вызывать затем нервные тики и всякие другие неврологические заболевания. В этом вопросе ошибки проще не допускать, чем потом исправлять. Цена их высока, они влияют на всю дальнейшую жизнь ребенка.

Двойки-тройки: как быть

Итак, мы поговорили о назначении оценки, о том, как снять беспокойство ребенка, если ей придается чрезмерное значение.

А теперь разберем традиционно самую животрепещущую тему. Что делать, если ребенок приносит плохие оценки? Можно ли и нужно ли как-то на эту ситуацию влиять?

Надо сказать, что важна не сама оценка, а контекст вокруг нее. То есть не стоит сразу «вскакивать на коня» и «рубить» ребенку «голову». Или бежать к учителю. Как обычно, я предлагаю начать со сбора информации и ее анализа.

А для начала необходимо хоть немного успокоиться. Выпить чаю, полить цветочки, позвонить другу – кому что помогает. Вспомнить, что жизнь – большая, а двойка – маленькая. И, главное, не начинать разговор ни с ребенком, ни с учителем, пока в вас бушуют страсти. Если вы склонны к эмоциональным всплескам, стоит дать чувствам немного улечься. Затем важно поговорить с ребенком, расспросить его, за что он получил эту оценку. Как он сам себя оценивает, была ли эта отметка для него неожиданной. Пока ребенок рассказывает свою версию событий,

родитель может прислушиваться не только к словам. То есть к тому, *что говорит* ребенок. Самое информативное послание – это то, *как он говорит.*

За словами всегда слышны эмоции. И по рассказу обычно можно понять, насколько сам ребенок расстроен этой ситуацией. То есть для нас с вами важна не оценка. А то, что происходит в его голове и сердце в связи с ней.

Из содержательной части рассказа мы должны уловить, насколько отчетливо ребенок понимает причинно-следственные связи между своими действиями и результатом, качеством своего обучения и оценки. Если он не вполне прослеживает эту связь, мы можем помочь ему посмотреть на ситуацию со стороны, понять, как она устроена. Из эмоциональной составляющей рассказа мы стараемся понять, расстроен ли ребенок, мотивирован ли он исправить ситуацию, понимает ли, что для этого нужно делать.

Дальше наши родительские действия будут зависеть от конкретных обстоятельств. Но для того, чтобы обсудить возможные стратегии, понять, что же могут сделать папа и мама, нам придется все разнообразие жизни немного упростить. Мы рассмотрим четыре типичные ситуации и поговорим, какая стратегия действий может быть уместной в каждой из них (см. схему).

Ситуация 1

В этом случае ребенку нужна ваша помощь. Нужно возвращаться к истории с критериями оценки, играть в школу. Можно завести симпатичного, но непонятливого персонажа, которому нужно втолковывать, как делать уроки. На что учитель обращает внимание при выполнении задания в классе. Если контакт с учителем хороший, лучше привлечь к этой работе и его. Возможно, уроки ребенку пока даются тяжело. Не беда. Хорошая новость в том, что понимание причинно-следственных связей тренируется не только в учебе. Но и в любой деятельности, которая имеет заданный результат и которую можно разделить на этапы. Приготовление супа, строительство домика для кукол, настольные игры-стратегии, выращивание семян в горшке… И еще три тысячи разных затей. Лишь бы они вам с ребенком нравились и вы немножко помогали ему анализировать свои действия. Главное в этой истории – ребенок хочет все исправить, он мотивирован. Не страшно, что пока он сам не понимает, как оказался в этой ситуации. Если вы будете ему регулярно помогать, его мотивация сохранится, контакт с учителем и у него,

и у вас – хороший, значит, ситуация точно скоро изменится. Если этого не происходит, нужно проверить, соответствует ли программа возможностям ребенка. И если есть сомнения, подключать специалистов (их перечень можно найти в главе про адаптацию).

Ситуация 2

Для родителей – самая желанная. И тут их участие должно быть минимальным. Спокойно уточнить, как ребенок будет исправлять ситуацию, и порадоваться, когда он ее исправит.

Ситуация 3

Самая сложная и для родителей, и для педагога. Для того чтобы меньше расстраиваться, можно уточнить карту интересов ребенка. То есть что его мотивирует, приводит в движение. Если выяснится, что он активно интересуется вулканами или собирает жуков, то все не так плохо. Возможно, его отношения с учебой пока не сложились. Но это не значит, что все пропало. Если у него есть мотивация, интересы в другой сфере и это не только еда и компьютерные игры, есть шанс все исправить. Общеизвестно, что бывшие двоечники потом становятся миллионерами, а отличники часто достигают средних результатов.

А вот если интересов у ребенка нет, если он оживляется, только когда на горизонте появляются пассивные, не требующие волевых усилий развлечения, типа аквапарка или просмотра мультиков, тогда без родительских усилий ситуация не выправится.

Обещать, что будет, просто не могу, потому что простые методы – принуждение, наказания, нудные разговоры («и в кого ты такой, мы с отцом окончили школу с золотой медалью» или «так ты школу не окончишь, будешь мыть туалеты на вокзале») – малоэффективны. Чаще всего родители «включают эти пластинки», потому что нужно же что-то делать. Они тревожатся, а эти методы лежат на поверхности. Другой малоэффективный способ – жесткий контроль, когда ребенка начинают усаживать за уроки силком и приговаривают: «Витя, ты уроки делаешь?» Эта ситуация блестяще описана в книге «Страна невыученных уроков». В ней очень живо описан мальчик Витя, получивший в школе пять двоек. Мама усадила его за уроки, и он делает их из рук вон плохо. Вся его психическая энергия направлена во двор,

где мальчишки играют в футбол. А от уроков возникает чувство беспросветной тоски и раздражения. На самом деле, все проблемы Вити заключаются в том, что он не дорос до учебы. Его психологический возраст еще не достиг уровня школьника. Волевая структура, интеллектуальные потребности и возможности не пока созрели.

И тогда Витя отправляется в путешествие по волшебной стране. Борется там с трудностями и опасностями и в итоге приобретает все необходимые ему качества.

Теперь вопрос – как «дорастить» вашего ребенка? Речь идет о личности человека, поэтому давать простые рецепты было бы совсем неверно. Подробный ответ на этот вопрос требует отдельной книжки. Общая схема выглядит так. Не получится решать проблему на том уровне, где она дала о себе знать, то есть на уровне уроков. Даже если вы все свободное время посвятите этой теме, будете часами сидеть над домашним заданием или наймете армию репетиторов, значительных изменений вы не добьетесь. При том что времени мало и тревожность растет, нужно найти в себе силы и сделать шаг, а возможно, и несколько шагов назад. Скорее всего, родителям придется иметь дело с психологическим уровнем дошкольника, а значит, часть времени нужно будет посвятить игре и совместным занятиям, о которых уже говорилось в главе про подготовку. Сделать это нужно прежде всего для того, чтобы укрепить психологический контакт с ребенком и дать ему тот вид деятельности, в котором его психические функции могут дозреть. Если эмоционально-волевая сфера ребенка не готова, ему нужны трудности и испытания, приключения, немного волшебства и увлеченность родителей. Ему также может помочь знакомство с миром науки и культуры. Но оно должно перерасти в настоящую *встречу*, наполненную *личными* переживаниями. Обычно на этот шаг сложно решиться, так как уроки съедают все совместное время ребенка и родителя. Но если у взрослых находятся силы и мудрость для того, чтобы признать проблему и искать пути ее решения, то постепенно ситуация меняется.

Ситуация 4

Она попроще, но тоже для родителей не сахар.

В интеллектуальном плане ребенок – достаточно зрелый. Что называется, может. Но не хочет. Если это однократная ситуация, не стоит сразу пугаться, что сын или дочь вырастут лентяями. Может быть много причин, объясняющих, почему сегодня ребенок

плохо делает уроки. Например, он заболевает, пережил какой-то стресс в школе и боится рассказать, устал, потому что перегружен внешкольными занятиями. Дети в младшей школе еще плохо осознают, что с ними происходит, и нуждаются во внимательной заботе взрослых. Хорошо, если оказывается, что причина двоек – внешняя и ее можно устранить, изменив условия жизни нашего школьника. Но, к сожалению, все чаще наблюдения за детьми показывают, что в корне проблем лежит нежелание трудиться, отсутствие привычки совершать усилие. Про таких учителя говорят: «Способный, но ленивый». Что мы делаем с тем, кто может, но не хочет? Правильно, заставляем! Все-таки мы – родители, мы – сильнее. Ключи от всех радостей жизни пока у нас в руках, и мы можем и должны как-то влиять на нашего ребенка. Кто-то называет это «методом последствий». Кто-то пользуется старым добрым словом «наказание». В младшей школе эти подходы пока хорошо работают. «Дорогой, если у тебя на этой неделе две двойки по математике, то поездку к другу на выходные придется отменить и позаниматься дополнительно». Основная сложность – подобрать такие формы последствий, чтобы они были понятны и значимы для ребенка. И при этом сохранять с ним контакт. Для этого нужно сделать наказание более справедливым. Заранее спокойно предупреждаем и объясняем, как проступок связан с последствием. Делаем это ровно, без всяких переходов на личность, криков и угроз. Ребенок должен видеть перед собой уверенного спокойного взрослого. Скажем честно, метод относительно прост и эффективен (со взращиванием личности вообще не сравнить). Его можно, а иногда и нужно использовать. Но в его простоте таится грандиозная опасность. Часто ко мне в кабинет попадают дети, которых родители чуть ли не зашвыривают туда. Дети, у которых уже нечего отнять и «некуда наказать». С их мотивационной сферой происходит что-то нехорошее, и мы пока не знаем что. По какой-то причине они не хотят играть в игру под названием «школа». Наказания возвращали их в нужное русло на время. Но если мы не разбирались в причинах, волшебный эффект внешнего давления быстро переставал действовать. Наказания устроены так, что их эффект не очень стойкий. У ребенка быстро формируется защита, и ставки приходится повышать. В долгосрочной перспективе отношения, построенные только на наказаниях, разрушаются. Ребенок может озлобиться и заматереть в бою. И дальше ситуация упирается в тупик. Здесь нужен поиск личностных смыслов учебы. Если такой смысл есть в какой-то сфере, а двойки находятся в другой, это не так страшно. Если у ребенка во всех сферах обнаруживается похожая пустота,

снова встает вопрос о зрелости личности. И нужно будет искать условия для ее формирования. Простите, без этого никак.

Для вдохновения и хорошего настроения советую всем читать книжку «Страна невыученных уроков». Начиная с конца второго класса, можно делать это вместе с ребенком.

Глава 8
Школьник и одноклассники

Научить дружить

Отношения с одноклассниками – это не «десерт», а одно из двух «основных блюд», которые мы получаем в школе. Эта тема достойна того, чтобы уделять ей внимание и вкладывать в нее силы.

> Начнем с того, что к дружбе с одноклассниками ребенка нужно готовить. Это часть настоящей подготовки к школе. Очень важно, чтобы у него был разнообразный и насыщенный по содержанию опыт общения.

Еще несколько десятков лет назад этот опыт приобретался без видимых усилий со стороны родителей – в компании детей во дворе или в саду. Сейчас социализация становится предметом заботы умных мам и пап. И они предпринимают целенаправленные усилия в этом направлении.

Что это значит – учить ребенка дружить и почему он не может научиться этому сам? Дружба – это не биологическое, природное явление, а высшая форма общения. Это значит, что сама по себе она не появится. Нужны разные культурные образцы, из которых, как из кирпичиков, ребенок сможет построить что-то свое. Как любое сложное занятие, дружба разворачивается постепенно. Родители могут создать условия и предпосылки для того, чтобы она состоялась. Какие же?

Во-первых, дошкольное детство дано для эмоционального развития ребенка. С помощью родителей он постепенно узнает о своих чувствах, осознает, когда он рассердился, когда расстроился, затосковал или обрадовался. Ребенок испытывает эмоции без всякого участия взрослого. А вот понимание того, что с ним происходит, и осознание, с чем это связано, он получает от значимых взрослых. Понимание себя – это хорошая база для того, чтобы строить потом отношения с другими детьми и взрослыми.

Во-вторых, для того, чтобы дружить, нам нужно еще понимать других. Мы можем читать с ребенком книжки про дружбу, смотреть хорошие мультфильмы, спектакли, фильмы. Они дадут ему те самые культурные образцы. И в спокойном состоянии, вместе мы можем обсуждать поступки героев, их мотивацию, чувства, чтобы ребенок смог представить себя в похожей ситуации. Эти рассуждения станут важной платформой для понимания причины и следствия в отношениях между людьми. Исследования социализации в начальной школе подтверждают

этот факт. Интеллектуальная составляющая – когда я понимаю поступки героев и вообще участников событий, могу их предсказывать и вижу свою ответственность в них, – потом является базой для развития дружбы. Поэтому мы и наращиваем социальные «мышцы» ребенка.

Затем мы должны будем показать ему не только теорию, но и практику. То есть мы не можем учить его дружбе только по книжкам.

Нужно найти место, где ребенок мог бы регулярно встречаться с детьми своего возраста. Желательно, чтобы компания отвечала двум условиям: неизменность состава и возможность хотя бы часть времени проводить в свободном общении, которое выстраивают дети, а не взрослые.

Что я имею в виду? Регулярные встречи с девочками и мальчиками на курсах английского языка, где учительница помогает им петь песенки и ставит в круг, – это хорошо, но не то. Как и общение с детьми на детской площадке. Ведь все дети сейчас очень заняты и выходят во двор нерегулярно. И сегодня ваш ребенок играет с Машенькой, завтра – с Петенькой, иногда – с Васенькой. А потому не может выстраивать ни с кем из них долгосрочные отношения. К сожалению, все эти ситуации дружить не учат.

Дети одного возраста должны видеться регулярно.

И вместе переживать самые разные истории. Вот они встретились. Им нужно познакомиться, потом подружиться. Потом поссориться, чем-то обменяться, подраться и помириться. Хорошо бы, чтобы ребенок мог обсуждать часть этих перипетий со взрослыми, которым он доверяет.

Тогда, еще до того, как ребенок придет в школу, он будет знать, что, например, его друг, который ему очень нравится, может не хотеть того же, что и он. Или он может быть в дурном настроении. Или сам ребенок может быть в дурном настроении и чем-то задеть приятеля, а потом исправить ситуацию. Наличие такого опыта позволит ему потом свободно чувствовать себя в школе. Продолжать учиться дружить и закладывать хорошую платформу для настоящей социализации в будущей профессии и семейной жизни. Успех в этих областях жизни связан со способностью выстраивать долгосрочные отношения. Кроме того, есть замечательное исследование, которое показывает, что эта способность – главное, что дает людям чувство удовлетворения своей жизнью. И чем хороша школа? Тем, что ты сталкиваешься с группой детей, которые будут твоими спутниками на протяжении многих лет. В классе создаются определенные условия твоего существования. Это заданная ситуация, и тебе придется учиться

выстраивать отношения с этими людьми. И если ребенок к ней совершенно не готов, ему придется потратить на адаптацию много сил. А поскольку, как мы уже говорили, адаптируется он сразу ко многим процессам, есть вероятность, что ему просто не хватит ресурсов для того, чтобы освоиться в первом классе.

> Сейчас дети имеют на порядок меньше социального опыта, чем их родители. Это одна из основных проблем. И по количеству, и по качеству, и по степени насыщенности – ведь нынешние родители росли в другое время. Опыт современных детей чаще всего ограничивается общением, которое выстраивают взрослые. А это значит, что в нем нет свободной деятельности, игры, свободных взаимоотношений.

Чем такие дети смогут заняться на первой же перемене? В развивающий центр, на языковые курсы ребенок приходит ненадолго и после занятия уходит – какое тут общение. И когда он оказывается в школе, где на перемене дети затевают какую-то игру, с ним творится что-то ужасное. Ведь он в такой ситуации никогда не был.

Где же ребенок может получить такой опыт? Прежде всего, в детском саду. Отправить туда пяти-шестилетку – неплохой, но не единственный вариант. Можно организовать для ребенка насыщенную «светскую жизнь» в домашнем формате. Почаще ходить в гости и приглашать их к себе. Проводить время вместе с семьями, в которых есть дети похожего возраста, ездить в отпуск в семейные лагеря и так далее. Хорошо, если вашего ребенка будут окружать дети людей, которые вам знакомы и симпатичны, с которыми вас связывает что-то общее. Поэтому лучше всего подходят дети друзей или ребятня из вашего прихода. В многодетных семьях часть проблем с общением, конечно, снимается. Но важно, чтобы до поступления в школу ребенок все-таки получил достаточный опыт отношений вне родных стен.

Выбирая школу, я бы задавалась вопросом, как, в какой деятельности школа учит общению, дружбе? Например, есть ли у младших школьников возможность остаться во дворе после занятий, чтобы поиграть вместе? Есть ли разные формы активности, кроме учебной, вокруг которых можно выстраивать отношения, лучше узнавать друг друга?

Позже, уже в школе, очень важно обращать внимание не только на оценки ребенка и программу его обучения. Но и на то, как устроена его дружба. Ведь что это такое, дети еще не вполне понимают.

Первоклассник может назвать кого-то другом лишь потому,

что знает, как его зовут, и видит каждый день. Нужно обязательно расспрашивать его про новых друзей. Просить ребенка рассказывать истории, которые с ними случаются. Делиться с ним своими историями из детства.

Хорошо бы приглашать новых друзей в гости и водить ребенка к ним. Для этого стоит подружиться или, по крайней мере, познакомиться с их семьями. Детям нужно помогать еще и выстраивать какие-то совместные занятия. Социальный опыт современных детей так мал, что они не умеют играть.

Например, когда я прошу разных детей рассказать сюжет любимой игры, оказывается, что ничего такого в их жизни нет. Даже у вполне интеллектуально сохранных детей, которые ходили в сад. Часто их игра выглядит таким образом: «Он – робот, я тоже – робот, и я его догоняю». Я спрашиваю: «А что происходит, когда ты его догоняешь?» – «Я его еще не догнал». И тогда я понимаю, что они играют в догонялки. Если ребятам по три года, это хорошо. А если восемь, то неплохо бы уже разнообразить это занятие и помочь им его выстроить. В таком случае важно не критиковать детей, а подсказывать им что-то новое и развивать их выдумки. Например, девочкам можно купить картонный домик, который они будут вместе разукрашивать и обустраивать. Мальчикам тоже стоит предложить совместное строительство. Или помощь в «организации» какой-то сюжетной войнушки. Принцип такой: показали, научили и отошли в сторону. Дальше детям нужно учиться взаимодействовать самим, без взрослых.

В классе – ребенок с особенностями

Когда приходит время выстраивать отношения с одноклассниками, в зону риска попадают дети с любыми особенностями. Внешними, внутренними, и особенностями развития – прежде всего. К этой ситуации нужно готовиться не только ребенку, но и всей его семье. Я очень сочувствую родителям детей с особенностями развития, им приходится прикладывать много усилий в самых разных направлениях. Но не могу их не предупредить.

> На практике я вижу, и хочу честно об этом сказать, что идеального места, где их ребенка примут, не существует. Не стоит его искать. Лучше обращать внимание на то, насколько в выбранной школе конкретные люди, которые будут учить и заботиться о вашем ребенке, могут и хотят это делать.

И я совершенно уверена, что отношения с учителем важнее, чем отношения с одноклассниками. Хороший учитель может сильно выправить ситуацию и помочь ребенку адаптироваться в классе.

Ведь педагог, который не готов к встрече с особенным ребенком, может часто неосознанно, но крепко ему навредить. Мы немного говорили об этом в главе про адаптацию и дезадаптацию. Сегодня уже накоплен очень хороший опыт подготовки вхождения ребенка с особенностями в класс. Я говорю в равной степени и про особенности здоровья, и про особенности истории жизни ребенка, например, если он – приемный. Мы разговариваем с учителем, с детьми, с родительским сообществом и поддерживаем ребенка на разных уровнях. Часто взрослые или дети просто не сталкивались с такими случаями и не знают, как реагировать. Их пугает и отталкивает все необычное, от этого они закрываются или реагируют агрессивно. Не стоит ждать, что ситуация решится сама по себе, и обижаться. Нужно вкладывать усилия и работать всем вместе. И тогда адаптация ребенка может пройти более-менее благополучно. Даже лучше, чем у детей без каких-то ярких особенностей.

Я работала с девочкой, у которой были минимальные мозговые дисфункции и особенности нервной системы, которые отражались на ее поведении. Она подходила к людям ближе, чем нужно, говорила громче, чем требовалось,

и не всегда то, что было нужно. И не могла быстро сообразить, что это неправильно. Ее умная и талантливая мама интуитивно понимала, что идеальных условий не существует. И нашла учительницу, которая приняла ребенка, была готова с ним взаимодействовать. Она предложила свою помощь в адаптации – проводить после уроков дополнительные занятия для ребят из класса этой девочки, на которых помогала им подружиться.

Во время совместных групповых занятий, и правда, можно скорректировать поведение детей. Помочь им не бояться и не отторгать особенного ребенка. Дети в этом возрасте очень ориентируются на позицию взрослого. И если взрослый, не дай Бог, поддерживает или вообще допускает нетерпимое отношение к особенностям, то реакции отторжения закрепляются. А если взрослый оказывается умным и талантливым педагогом, проблема решается.

Конфликты, драки и травля

Во-первых, давайте отделим ситуацию рядовых детских конфликтов от темы травли.

> Дети приходят в школу крайне незрелыми и пока не умеют вести себя в мире людей. Они переполнены эмоциями и еще не могут выражать их приемлемыми способами. Они лишены такта и прямолинейны. Пристально смотрят на недостатки, задают неудобные вопросы и выдают некорректные реакции. Их речь, социальная грация в разных ситуациях еще только развивается. Поэтому то тут, то там происходят короткие замыкания, возгорания, трения, конфликты и даже драки. Пока это нормально.

Как и в случае с плохой отметкой, важен не сам факт конфликта, а контекст, в котором это произошло. Прежде всего, нужно понять, как ребенок воспринимает ситуацию раздора с другими ребятами из класса. Насколько он вовлечен в нее эмоционально. Если ситуация значима для ребенка, он выглядит взволнованным, испуганным или, наоборот, явно бравирует, стоит уделить случившемуся особое внимание. Если в рассказе ребенка вас, как родителя, что-то беспокоит, я бы рекомендовала собрать информацию из дополнительных источников. Поговорить с классным руководителем, родителями других учеников, которые тоже могут знать что-то важное. Если вы сильно беспокоитесь за ребенка, вам будет трудно оставаться спокойными. Поэтому попросите классного руководителя или школьного психолога помочь вам разобраться в ситуации. Дальше мы действуем по уже хорошо знакомой схеме. Собираем информацию, затем предпринимаем соответствующие шаги и оцениваем результат (см. главу «Как подготовиться к школе»).

Какие шаги стоит предпринять, то есть что делать?

Обсудить с ребенком ситуацию, помочь ему увидеть ее со стороны. Это универсальная рекомендация, она полезна в любом случае. Например, я часто начинаю обсуждение какой-то конфликтной ситуации с просьбы описать сцену от лица, например, птички, которая сидела на подойнике и все видела. Это развивает у ребенка навык рефлексии. А он очень важен для

дальнейшей жизни. Если его версия сильно отличается от того, что мне известно из других источников, я включаюсь в игру от лица другой птички и говорю, что я сама не видела, но мне рассказывали другие… И дальше пересказываю обстоятельства, которые мне известны. С одной стороны, тем самым мы тренируем у ребенка понимание причинно-следственных связей. Потому что часто история конфликта в глазах младшеклассника напоминает известный анекдот: «Драка началась с того, что мне дали сдачи».

Мы, взрослые, помогаем восстановить не только последовательность действий, но и внутренние связи между ними. А еще, мы обсуждаем с ребенком не только события, но проясняем чувства героев рассказа, мотивы их поступков, возможные альтернативы сюжета. Важно не просто коротко обсудить, как можно было бы поступить. Но проговорить сами фразы, ведь ребенок только осваивает навыки поведения среди людей и многого просто не знает. Кроме того, часто важно не только то, *что нужно сказать*. Но и *как сказать*, с какой интонацией. В игре можно учить ребенка, как выходить из типичных конфликтов: попросить вернуть вещь, договориться о совместном пользовании партой, решить, кто будет начинать в игре и т. д. Если рассказ не идет, можно разыграть сюжет с игрушками, можно нарисовать комикс. Нам подходит любой способ обсуждения конфликта. Если он позволяет ребенку обучаться новым формам поведения. Напомню, лучше всего ребенок учится во время каких-то совместных занятий со взрослым. А вовсе не благодаря нашим нравоучениям в стиле «не нужно быть плохим, нужно быть хорошим».

По моим наблюдениям, при такой поддержке дети научатся разрешать свои конфликты с одноклассниками. Это очень полезный опыт. И основная задача родителей – помогать его получать, осмыслять и расширять.

Травля выглядит совсем иначе. Это ситуация, в которой обычно нет содержательной части конфликта. Все построено на удовольствии от реакции жертвы. На удовольствии от чувства своей власти, способности влиять на других. Эту ситуацию сопровождают сильные эмоции. Поэтому она часто вызывает крайние родительские реакции. Начиная от «не обращай внимания» до родительских драк с обидчиками.

Идея научить ребенка не обращать внимания на травлю не лишена своей логики. Если жертва не боится и не выдает яркой реакции, то не будет и травли. Тогда магия власти перестает действовать. Такую рекомендацию дети получают часто и так же часто не умеют ее применить. Представьте себе, что вы очень

сильно переживаете по какому-то поводу, а вам дают совет «не переживай». Совет этот, может, и ценный по сути, но как его реализовать на практике, непонятно. А ребенку в такой ситуации будет еще сложнее. Ведь он пока только учится управлять своими эмоциями. Психологическая устойчивость в момент травли требует тренировки. Точной отработки реакции, невыгодной обидчикам, помощи в анализе ситуации. Примерно как и в случае с бытовыми конфликтами с одноклассниками. Но с поправкой на то, что в данном случае требуется многократное повторение одной и той же ситуации. Это все может сработать, если ребенок будет понимать, что взрослый на его стороне. Он готов защитить и помочь, если нужно. Если вы не уверены в том, что сумеете отработать с ребенком эту позицию, а он регулярно становится объектом травли, стоит найти такого взрослого из числа родных или друзей или обратиться к психологу.

Нужно ли вмешиваться в ситуацию родителям? Да, если вы чувствуете опасность. Понимаете, что у ребенка нет достаточного количества ресурсов для ее решения. Например, есть проблема неравной весовой категории. Робкой девочке из первого класса сложно защититься от группы насмешливых шестиклассников в школьной столовой. Особенно неприятной ситуация станет, если ученики позволяют себе толкать ребенка, ставить подножки и т. д. Если мы просто скажем такой девочке, что со школьными проблемами нужно справляться самой, скорее всего, она выберет не лучший, но понятный ей способ. С «плохими» мальчишками проще не встречаться. И она может избегать ходить в столовую, минимизирует свои перемещения по школе. Внимательный и неравнодушный классный руководитель может это заметить, но на это потребуется время. Иногда ситуация требует незамедлительной реакции взрослых. Если ребенку угрожает опасность, не важно, физическая или психологическая, прежде всего, его нужно из этой ситуации вызволить. Можно оставить его дома и отправиться в школу для поиска решения. Хотя опять же важно, как это сделать. Чего точно стоит избегать – это выяснять ситуацию с обидчиками напрямую. Бывает, что родители влетают в класс хулигана и начинают с ним «разбираться». По-человечески такую реакцию можно понять. Они сейчас очень рассержены. Но такое поведение тоже может выглядеть угрожающим для школы, что осложнит ситуацию. Поэтому лучше попросить о помощи классного руководителя, школьного психолога или заместителя директора по воспитательной работе. Это не значит, что они будут действовать без вас и за закрытыми дверями. Вы вполне можете попросить о встрече с учениками, чье поведение вас тревожит. Но лучше говорить с ними в присутствии

сотрудников школы.

Если вы вмешались в сложную для ребенка ситуацию, важно подробно ее с ним разобрать. Чтобы он понимал, почему вы вступили в дело, что именно вы делали. Тогда ситуация станет для него прозрачной и он сможет вынести из нее какой-то опыт. Пусть ему сейчас потребовалась помощь, но он должен знать обо всем в подробностях, чтобы понимать, как устроено решение сложных проблем, и постепенно учиться.

Ребенок должен понимать, в каких случаях вы будете вмешиваться и дальше, а с какими ситуациями ему нужно справляться самому. Если он продолжает жаловаться, не спешите сразу принимать меры, соберите информацию. Этот шаг – не про недоверие ребенку, просто он может не справиться с искушением снова испытать радость от повышенного внимания и сочувствия со стороны взрослых. Ведь он помнит, как это было приятно в прошлый раз, когда его защищало много взрослых. Бывает, что, пережив однажды опыт травли, дети провоцируют ее снова, для того чтобы получить заботу и внимание учителей и родителей. Чтобы не вызывать развития у ребенка позиции жертвы, а еще выученной беспомощности[26], важно внимательно собирать информацию обо всех инцидентах. И обучать его психологической устойчивости, способам, которые помогают справляться с миром самостоятельно.

По правде сказать, ситуации, которые требуют участия взрослых, встречаются не так часто. Чаще всего дети могут разобраться друг с другом без взрослых.

Другое дело, что родители все чаще жалуются, на то, что дети недружные и не умеют общаться друг с другом. Их беспокойство оправдано, такая проблема существует. К сожалению, православные школы тут не исключение. Даже если в них учатся прихожане одного храма. На школьных собраниях младших классов эта тема – номер один. Основная причина такого явления, на мой взгляд, коренится в самой разобщенности общества. Поэтому и решать эту проблему можно только сообща. Дети не станут дружными, если мы не начнем общаться между собой. Если нас не будут объединять какие-то общие дела, интересные поездки, концерты, чаепития. Важно, чтобы не взрослые развлекали детей, но и ребятня принимала посильное участие в подготовке и организации разных событий. Если все собираются в поход, нужно, чтобы дети помогали готовить еду, готовили развлекательную программу. То есть всем нам нужны, прежде всего, общие дела. Встреча в кафе с нанятыми клоунами даст возможность отдохнуть уставшим родителям, но не поможет детям сдружиться, лучше узнать друг друга. Педагоги, психологи

могут решить проблему общения детей лишь частично. Большое значение имеют еще и традиции общения в самой школе. Если учителям и родителям нравится собираться вместе, если их объединяют общешкольные дела на неформальном уровне, если в школе много живых, настоящих, интересных детям затей, общение постепенно выстраивается. Если такого общего пространства у взрослых нет или оно наполнено взаимными обвинениями, нужно искать другую площадку для развития общения у ребенка. Поэтому так важен выбор школы.

Глава 9
Симптомы школьного неблагополучия

Неблагополучие – что это такое

Речь идет о ситуации, когда ребенку в школе очень плохо. Эта беда встречалась и раньше, но сейчас все специалисты говорят о том, что само явление нарастает.

Классическими предпосылками для такого школьного неблагополучия является треугольник – совокупность трех условий.

✓ Первое – это особенности самого ребенка, физические или психологические. Скажем, высокий уровень тревожности. Или какие-то свойства нервной системы, которые делают его более уязвимым.

✓ Второе – неудачное стечение обстоятельств в школе. Она не подходит ребенку по степени нагрузки или системе требований. У него не сложились отношения с классным руководителем, с одноклассниками.

✓ И третья важная составляющая – отсутствие у семьи конструктивной установки в отношении школьных проблем. Я говорю о всем многообразии ситуаций, когда родители в силу разных обстоятельств (сильная тревога, завышенные ожидания, трудности в общении и т. д.) вместо поиска причин проблем и их решений реагируют на их появление давлением, игнорированием или поиском виновных.

> В тот момент, когда все эти три фактора сходятся вместе, закладывается платформа для школьной дезадаптации ребенка. Она может перерасти в школьный невроз, протестное поведение или другие неприятности. Причем ключевое условие треугольника – это, конечно, отсутствие взаимопонимания с семьей.

Часто бывает, что очень любящие, настроенные на взаимопонимание родители перестают ребенка слышать. Например, из-за того, что у них была собственная проблема со школьной адаптацией. И тогда мысль о том, что ребенок может не вписаться, сильно тревожит их и заслоняет собой его реальные проблемы.

Родители не видят, что пытаются пропихнуть ребенка в какой-то не очень подходящий ему формат школы. В этой ситуации пострадает именно ребенок, а не школа. Потому что у школы есть свои способы борьбы с не подходящими ей учениками.

А у ребенка таких механизмов адаптации к чему-то

негодному пока еще очень мало. Равно как и способности сигнализировать о том, что ему что-то не подходит.

Обычно на практике семейная ситуация выглядит так. У родителей до школы был в целом хороший контакт с ребенком. Потом он отправился в первый класс, где что-то пошло не так. У него проблемы с памятью, вниманием, темпом работы, а родители, узнав об этом, кричат: «Ты нас позоришь, я не собираюсь из-за тебя краснеть». Или у ребенка есть явная проблема со школьной мотиваций, и это усиливается тем, что в школе он неуспешен. А родители кричат: «Мало ли что тебе не нравится, мало ли чего ты не хочешь! Я тоже на работу ходить не хочу!» Кричат они чаще всего от отчаяния, бессилия. Но ребенок заражается этими чувствами, и проблемы только усугубляются. Поэтому первые, кто нуждается в помощи в такой ситуации, это родители. Кстати, иногда у родителей возникает ровно обратная реакция. Если они пережили какую-то собственную школьную травму и у них сохранился сильный страх, что их ребенка в школе будут каким-то образом обижать. Тогда они сразу бросаются грудью на амбразуру. И приходят к учителю с установкой «разобраться со школой». Конечно, таким образом решить проблемы не получится. Ребенок чувствует установку родителей и делает неправильные выводы. Например, мама с папой начинают обсуждать ошибки учителей при ребенке. Ему объясняют, что учительница специально занижает ему оценки. И поэтому не стоит обращать внимание на ее замечания, ведь он – само совершенство. Эта позиция, кстати, тоже чревата долгой школьной дезадаптацией и потом вредит самим же родителям.

Обычно потом долгие годы, уже после перевода ребенка в новую, «лучшую для него школу», они слышат от него много всего удивительного. Что эту двойку он получил, потому что учитель был в плохом настроении, а соседнюю – из-за того, что тот задал не то задание и сам же все перепутал… Если у ребенка возникнет ощущение, что оценки имеют отношение только к состоянию учителя, его несовершенству, у него не будет платформы для построения самоанализа и самооценки. О важности этих навыков мы говорили в главе «Школьник и оценки». Или другая ситуация. У ребенка есть явная проблема с границами, с соблюдением правил, он регулярно задирает других детей, не признает авторитет взрослых. А родитель просит не делать ему замечаний, требует от всех снисхождения к его шалостям.

> Родительская невключенность в адаптацию ребенка или слишком опекающая позиция станет платформой для школьного неблагополучия.

Как проявляются проблемы

О неблагополучии мы можем узнать по физическим или психологическим реакциям ребенка. Или из обратной связи от школы. Мы судим не по одному симптому, а по их совокупности. Если их два или три и их не было раньше, а сейчас они появляются и нарастают, тогда мы можем предположить ситуацию школьного неблагополучия.

Начнем с самого ребенка и его физических реакций

Примером одного из самых ярких и важных проявлений неблагополучия являются нервные тики разного вида. Когда подергивается глаз или появились какие-то странные движения головой или руками. На такие симптомы нужно обращать внимание, не стоит думать, что они пройдут сами по себе. При первых же эпизодах, даже однодневных, нужно обратиться к врачу. Тики далеко не всегда связаны со школой. Но об их причинах и методах лечения нужно говорить с доктором (обычно это невролог, который при необходимости отправит ребенка к нужным специалистам)

Другие симптомы – рвота, тошнота, снижение аппетита и нарушение сна. А еще какие-то вегетосо-судистые проявления, когда у ребенка холодеют, потеют руки, ноги. Затем головокружения, повышенная утомляемость, то есть общая вялость. Когда есть ощущение, что у ребенка ни на что не хватает сил и отдых ему не помогает. Если ничего подобного раньше с ним не происходило, эти явления могут иметь явную связь со школой. И они также требуют консультации врача.

Психологические проявления

Это разные яркие эмоциональные состояния. Либо в сторону усиления эмоций, например агрессия, затяжные истерики по пустякам, когда ребенок начинает задыхаться. Или заторможенные реакции, когда он надолго замирает, смотрит в одну точку. Протест, агрессивное поведение в школе и дома являются, пожалуй, одной из самых частых причин обращений ко мне как к специалисту. Следом в этом списке значатся тревожные состояния, страх неудачи. Бывает, что родителей тревожат проблемы в общении. Когда ребенок не может найти контакт с

одноклассниками, проводит перемены в одиночестве. Не может обратиться за помощью к учителю или одноклассникам.

Что делать с появлением тревожных признаков

Как обычно, когда возникают любые школьные проблемы, используем уже известную схему:

✓ собираем информацию;
✓ действуем, исходя из полученных данных;
✓ оцениваем результат.

Как мы собираем информацию

Говорим с ребенком, учителем, возможно, с родителями других учеников. Если нужно, подключаем специалистов, то есть врачей, психологов, педагогов. Иногда, еще до того, как предпринять какие-то действия, нужно получить консультацию специалиста или провести обследование.

Какие шаги можно предпринимать

Вариантов много. И выбор направления, конечно, зависит от тех проблем, которые были определены на этапе сбора информации. Поговорим о том, что бывает.

✓ Часто случается, что школа выявляет особенности состояния здоровья ребенка, на которые раньше никто не обращал пристального внимания. Именно в ответ на сигналы от учителей родители обращаются к врачам и узнают о том, что у их детей есть какие-то диагнозы.

Если сбор информации привел к выявлению медицинских проблем, то некоторым утешением может служить тот факт, что они обнаружились еще в начальной школе и не будут тянуться за ребенком всю его школьную жизнь. Мерами по их преодолению могут стать комплексные медицинские программы, направленные на укрепление здоровья ребенка. Например, может оказаться, что у него есть проблемы с опорно-двигательным аппаратом. Ему тяжело сидеть за партой, потому что сложно держать спину. Тогда врач назначает ему курс лечебной гимнастики, массажа, занятия в бассейне. Очень важно вникнуть в любую ситуацию. Если мы будем просто ругать ребенка за то, что он плохо сидит за партой, мы не решим проблему.

Я не случайно начинаю разговор с медицинских проблем.

Потому что меня как психолога настораживает появившаяся сейчас в обществе тенденция во всем искать психологическую подоплеку. Действительно, психологи могут быть очень полезны в решении многих проблем, но наши возможности не безграничны. И, на мой взгляд, для начала нужно исключить медицинские причины. Ведь психологические проблемы часто связаны именно с физическим дискомфортом ребенка. И без помощи врачей он не сможет его преодолеть. Только лишь психологическая помощь в подобных ситуациях оказывается не только недостаточно эффективной, но и вредной. Ведь мы можем потерять время и ресурсы организма ребенка. Вот почему в разрешении школьных трудностей так важна командная работа разных специалистов. К сожалению, такой подход практикуется не часто.

✓ При этом множество проблем действительно имеют психолого-педагогическую основу.

Тогда, в зависимости от конкретной ситуации, ребенку может потребоваться помощь психолога. Но чаще он нуждается в комплексной психолого-педагогическая программе. Она включает в себя занятия с нейропсихологом, логопедом, коррекционным педагогом и психологом. С одной стороны, такие программы могут напугать родителей своим масштабом, но именно они показывают высокую эффективность. И позволяют преодолеть проблемы за более короткий срок, а не тащить их за собой в среднюю и старшую школу. Такая комплексная поддержка нужна, если у ребенка есть трудности в обучении, задержка речевого развития, дефицит внимания. Именно они влияют на степень усвоения программы. И если что-то пошло не так, первый вопрос, который мы должны себе задать: может ли ребенок такую программу освоить.

Я помню один психолого-педагогический консилиум, в котором принимала участие. На него также были приглашены родители ребенка с некоторыми особенностями развития. В самом начале разговора родители девочки, вздохнув, сказали, что понимают, что она плохо учится. Тогда опытный директор, который знал о ее проблемах и их природе, уточнил, что ребенок учится не плохо. Ведь девочка – очень старательная. Она учится очень хорошо, просто программа, которая ей предложена, не вполне подходит. И мы собрались для того, чтобы найти возможности помочь ребенку. Этот комментарий верно расставил акценты в нашем обсуждении. В итоге ребенка оставили в том же классе, но некоторые предметы она стала изучать с индивидуальной поддержкой педагогов. Этот результат стал

возможен потому, что родители прислушались к рекомендациям школы. Они прошли обследование, потом медико-психолого-педагогическую комиссию, о которой мы рассказывали в первой главе. И получили рекомендацию перевести ребенка на другую программу обучения. В итоге девочка не только стала лучше учиться. Изменилось его самовосприятие, появилась уверенность в своих силах. Родители тоже расправили плечи.

Такие примеры в моей практике – не редкость. Но, к сожалению, куда больше в ней запущенных случаев. Когда родители или школа привлекают специалистов только через несколько лет упорной борьбы. Они приходят к ним, уже находясь на грани отчаяния. Имея за плечами опыт неверия в возможности ребенка и целесообразность своих усилий. Тогда приходится работать не только над коррекцией особенностей ребенка, но еще и проделывать большую работу по восстановлению мотивации всей семьи. Помогать в перестройке семейных взаимоотношений, чтобы родители смогли перейти от конфликтного взаимодействия друг с другом и со школой в конструктивную плоскость.

✓ Другая часть проблем, которая справедливо проходит по психологическому «ведомству», – это все многообразие поведенческих нарушений.

Чаще всего они связаны с несоответствием семейной модели воспитания системе школьных требований. Далеко не всегда речь будет идти о «домашнем» ребенке, который не ходил в детский сад и «сидел» дома. Хотя, конечно, самые выдающиеся случаи на моей памяти связаны с детьми, чьи контакты со взрослыми в дошкольном детстве сводились к общению с бабушкой или мамой.

При этом нельзя сказать, что «не садовский» ребенок всегда имеет проблемы в социализации. Такие проблемы, скорее, связаны с тем, удавалось ли родителям выстроить иерархию во взаимоотношениях с ним. Если ребенок не умеет слушаться взрослого и накопил опыт ежедневной, ежечасной борьбы с родными по любому вопросу не на жизнь, а на смерть, ему будет трудно перестроиться. Такое случается, если родители с раннего возраста передали ребенку слишком большую свободу, а с ней и слишком большую ответственность. Это очень тревожная ситуация, с которой дети не справляются. Внешне ребенок может выглядеть слишком взрослым. Но на самом деле за этой маской скрывается самонадеянность маленького тревожного карапуза, который боится и не доверяет взрослым. Причины, вызвавшие к

жизни такую семейную атмосферу, бывают разные. Болезни ребенка в раннем детстве, неуверенность мам и пап в себе как в родителях. И, увы, плоды внедрения разных психологических теорий, не подтвержденных практикой.

Если у ребенка до школы не было доверительных отношений со взрослыми, их требования были невнятными и все время менялись, равно как и психологическое состояние родных, ему может очень помочь правильный выбор первого учителя. Важно, чтобы педагог умел работать с такими случаями. Понимал, что сопротивление ребенка не связано с неуважением к нему лично. Что оно является лишь закономерным следствием трудной семейной ситуации. Если к этой проблеме удается подойти комплексно, то есть подключить психолога, который будет работать и с ребенком, и с родителями (причем с ними – в первую очередь), ситуация может выправиться довольно быстро.

Полезно рассказать родителям одноклассников ребенка о том, что с ним происходит и какая работа ведется. Для того чтобы у них не копилось недовольство. В противном случае родительское сообщество быстро сплачивается и под лозунгом «Он мешает учиться нашим детям. Почему они должны страдать?» начинает кампанию по выдавливанию ребенка из школы. Такая реакция родителей часто обижает. Хотя она очень понятная. Ведь и так в родительском сообществе много тревоги, и все, что мешает адаптации детей, очень их беспокоит.

Теперь о том, кто и где может оказать ребенку помощь. И каков порядок ее получения

С появлением любого рода трудностей я рекомендую начинать разговор о них с классного руководителя. Важно, чтобы этот разговор был доброжелательным, направленным на поиск решений. А не «борьбой за права ребенка». Как я уже говорила, из этой позиции сложно вести партнерскую беседу (см. главу «Как выбрать первого учителя…»). Она провоцирует у педагога защитную реакцию, и тогда всем будет трудно услышать друг друга. В начале беседы задавайте побольше вопросов. Затем расскажите, что вас беспокоит, попросите помочь найти выход. Если проблема не имеет быстрого решения, вы можете вместе подумать, кого из школьных специалистов можно было бы привлечь. Обычно в школе есть как минимум психолог, а он, в случае необходимости, окажет помощь с дальнейшей навигацией.

Хорошо бы, чтобы в ситуации дезадаптации и

родители, и школа были партнерами в деле помощи ребенку.

И вместе могли составить план действий. Решить, какой вклад вносит семья, а какой – школа.

Начинаем мы с того, что проводим «ревизию». Сначала определяем, что нужно ребенку, какие у него есть потребности. Вне зависимости от того, чем располагают школа и родители. Финальный план действий должен включать в себя мнения разных экспертов. И когда план потребностей, каких-то образовательных и необразовательных услуг, которые нужны ребенку, будет составлен, мы смотрим, что из этого он может получить в школе, а что родители должны покрывать своими силами. В любом случае именно родители принимают все финальные решения в отношении своего ребенка.

Если диалог с учителем категорически не складывается, можно и нужно продолжать разговор уже с администрацией школы. При этом важно, чтобы интонация и содержание разговора сохраняли конструктивный характер. Хороший разговор начинается со слов: «Мы бы хотели посоветоваться…» Но еще накануне желательно прикинуть, что будет для вас наилучшим результатом беседы. Каких изменений вы хотите добиться? Насколько они реалистичны? Признак качественного разговора – появление конкретного плана действий. Если вам понятно, какие шаги для преодоления существующих проблем будет предпринимать школа, а какие – семья, то вы на верном пути. Если диалог состоял из взаимных обвинений, ребенок превратится в заложника этого противостояния.

Другая ситуация. Динамика проблем нарастает с угрожающей силой, в физическом или психологическом состоянии ребенка появились тревожные изменения. Тогда ответственность за его «эвакуацию» лежит на родителях. Ведь у них – широкие полномочия. Они могут приостановить посещение школы, перевести ребенка к другому учителю, в другую школу или вообще выбрать другую форму обучения. Радикальные меры должны быть оправданы, но такие случаи встречались в моей практике.

Если родители склоняются к решению о переводе ребенка в другую школу, нужно точно задуматься, какую проблему мы хотим таким образом снять. Потому что перевод – это большой стресс для всех. Ведь адаптация начнется по новой, а на это нужны силы. Важно честно вглядеться в ситуацию и понять, что привело к появлению проблем в нынешней школе. И быть внимательными к обратной связи. Отношения с новой школой

стоит начинать еще до перевода. Прежде всего, нужно честно рассказать о проблемах ребенка администрации и потенциальному учителю. Важно удостовериться, что в школе есть условия для их преодоления. И ее сотрудники к ним готовы. Я знаю истории, когда правильно выбранная школа действительно помогала справиться с трудностями. И есть случаи, когда дети меняли по пять школ, а их проблемы только усугублялись.

Если решение о переходе все же принято, а по административным причинам перевести ребенка в середине года не получается, напряжение можно ослабить. Например, устроить ему дополнительный выходной в середине недели. Лучше всего – в среду. Или захватить лишний день, укорачивая неделю. Например, пятницу, если он учится на пятидневке. О таком режиме можно договориться, предоставив справку о том, что у ребенка есть особенности нервной системы. Этот режим не избавляет от выполнения домашних заданий и самостоятельного изучения нового материала. Но дает возможность выспаться и отдохнуть от внешнего давления школы и коллективного темпа работы.

При всем многообразии жизненных ситуаций, я точно знаю, что со школьным неблагополучием ребенок не сможет справиться сам. Также мне точно известно, что совместные усилия родителей и школы могут помочь ему преодолеть самые серьезные трудности.

Глава 10
Школьник и гаджеты

Похоже, тема о пользе и вреде гаджетов является сегодня одной из самых острых и неоднозначных. Прежде всего, нужно сказать, что среди психологов в этом вопросе нет единства. Я представляю только одну из точек зрения, причем довольно радикальную. На мой профессиональный взгляд, в дошкольном и младшем школьном возрасте ребенок не готов к самостоятельному освоению цифровой реальности. Когда мы говорим о детях этого возраста, вопрос пользы и вреда гаджетов и вообще системы их использования в большей степени лежит в сфере ответственности родителей.

Давайте попробуем разобраться, какие опасности таят в себе гаджеты. И как эта тема связана со школой.

Сфера эмоций и воля под угрозой

Помните, в главе про подготовку мы говорили, что саморегуляция нашего ребенка – это фундамент, на котором стоит все здание обучения? Если он не сможет управлять собой, трудно будет не только всем вокруг, но прежде всего – ему самому.

Эти самые навыки саморегуляции не являются врожденными. Они формируются у ребенка в то время, когда он занимается каким-то сложным и одновременно интересным, волнующим делом. В его жизни таким занятиям нужно отводить много места и времени. Если она будет наполнена в основном яркими картинками и звуками из планшета, привлекательность всего остального окажется под сомнением.

Огромное количество специалистов высокого класса трудится над тем, чтобы ребенку очень захотелось получить телефон или планшет. И больше уже никогда не выпускать его из рук. Даже взрослым сложно устоять перед таким искушением, что уж говорить о детях. Если навыки саморегуляции у ребенка не сформированы и мы даем ему планшет с играми, самостоятельно оторваться от этого занятия он не сможет. Да и нам отрывать его раз от раза будет все труднее.

Внутренним мир и мотивация в опасности

Становление личности человека – очень сложное и тонкое дело. Для того чтобы внутренний мир ребенка развивался, ему нужно качественное «топливо». Мир сложных художественных образов, красивые книжные иллюстрации, интересные истории, опыт отношений с заинтересованными взрослыми… Все это – сокровища в «карманах» его детства. Так же как взрослый отвечает за то, что попадает в желудок ребенка, он отвечает и за наполнение его души. Сам ребенок до определенной поры не может определить, что хорошо, а что плохо. Что полезно, а что может навредить.

> Представьте: вся мощь развлекательной индустрии – с одной стороны, и ребенок с неразвитой пока волей, жизненными ценностями и ориентирами – с другой. Понятно, что эти силы не равны.
>
> Свою мотивацию ребенок формирует сам. Но строительный материал для этой работы поставляют родители. Если детство ребенка наполнено только развлечениями, которые в изобилии предоставляют гаджеты, мотивации к учебе просто неоткуда вырасти.

Например, выходные ребенка прошли за планшетом, по дороге в школу он играл в телефоне. Там все было ярким, звонким, переливалось и мигало огоньками. А в классе он видит учительницу у доски, учебники с заданиями и тетради. В чью пользу будет это сравнение? Тогда уроки, знания, книжки, школа и даже родители могут стать досадной помехой. Тем, что отвлекает ребенка от всего самого привлекательного, манящего, легкого и приятного, что есть в его жизни. Что из этого может получиться, читайте в рассказе Рэя Брэдбери «Вельд». Он написан больше чем полвека назад, но не потерял своей актуальности. Судите сами. Вот диалог двух главных героев: отец решил лишить сына «гаджета», которым являлась детская комната.

– Отец, – сказал Питер.

– Да?

Питер разглядывал носки своих ботинок. Он давно избегал смотреть на отца, да и на мать тоже.

– Ты что же, навсегда запер детскую?

– Это зависит…

– От чего? – резко спросил Питер.

– От тебя и твоей сестры…

– Я думал, мы можем играть во что хотим.

– Безусловно, в пределах разумного.

– Я не хочу, чтобы запирали детскую, – холодно произнес Питер. – Никогда.

– Так позволь сообщить тебе, что мы вообще собираемся на месяц оставить этот дом. Попробуем жить по золотому принципу: «Каждый делает все сам».

– Ужасно! Значит, я должен сам шнуровать ботинки, без автоматического шнуровальщика? Сам чистить зубы, причесываться, мыться?

– Тебе не кажется, что это будет даже приятно для разнообразия?

– Это будет отвратительно. Мне было совсем не приятно, когда ты убрал автоматического художника.

– Мне хотелось, чтобы ты научился рисовать, сынок.

– Зачем? Достаточно смотреть, слушать и обонять! Других стоящих занятий нет» [27] **.**

Мир книг теряется и пропадает

Если к тому моменту, когда смартфон попал в руки ребенка, а сам ребенок еще не попал в мир книг (я имею в виду не умение читать, а способность окунаться в книжку и получать от этого процесса удовольствие), то приохотить его к чтению станет в разы труднее. Потому что теперь ребенок знает, что есть такая штука, которая переливается разными огнями, показывает ему любые мультики и фильмы и дает развлечения без труда. И в такой ситуации родителям нужно будет предпринимать особые усилия для привлечения его минимального внимания. Дать незрелому ребенку доступ к гаджетам и ругать его за то, что он не читает, не имеет смысла.

Попал ли ребенок в мир книг или нет, выяснить просто. Готов ли он провести вечерок за понравившейся ему книжкой, берет ли ее сам? Если смартфон появился у него давно, а специальных усилий по приобщению ребенка к миру художественной литературы не совершалось, то в норме он и не должен туда стремиться. Это понятно, и обвинять в этом детей мы никак не можем. Потому что, даже если мы заманивали ребенка в мир книг и он туда уже попал, а смартфон достался ему в четвертом классе, то, скорее всего, его интерес к чтению уменьшится.

> Часть психологов советует сдать бастион без боя и признать, что времена изменились. Есть версия, что наши дети не читают и читать не будут. Я отношусь к тому сообществу психологов, которые считают, что способность воспринимать печатное слово важна. И на ней пока еще строится система образования. А значит, важно еще и создавать условия для развития этой способности.

Если ребенку не хватает терпения читать какие-то буквы и осмысливать то, что за ними стоит, ваша родительская задача удерживать чадо в рамках образовательного процесса в разы усложняется.

Какую позицию по отношению к гаджетам можно занять?

Хорошо бы договориться внутри семьи, что у ребенка не будет самостоятельного доступа к планшету, сенсорному телефону, компьютеру. Если он что-то смотрит с их помощью, во что-то играет, то это решение, которое приняли взрослые. Поэтому желательно, чтобы они были рядом и разделяли переживания ребенка.

Также всем взрослым стоит договорится, что гаджеты не могут использоваться как средство борьбы со скукой, в качестве утешения, когда ребенок плачет или капризничает, или в виде поощрения за хорошее поведение.

И наконец, степень свободы использования гаджетов может увеличиваться по мере того, как способность к саморегуляции у ребенка будет развиваться, а сфера его интересов расширяться.

Давать ли ребенку с собой в школу телефон?

Если телефон нужен для связи, стоит воспользоваться обычным, кнопочным. В некоторых школах или классах родители договариваются между собой, что дети будут пользоваться именно такими простыми аппаратами. Чтобы не создавать поле для хвастовства. В других школах на всех переменах дети играют в своих телефонах.

Как-то на консультации я спросила ребенка-четвероклассника, чем у них в школе дети занимаются на переменах. Этот мальчик, кстати, учится в престижной гимназии. Он ответил, что примерно на две трети этого время заполнено «телефонными играми». «Что же занимает оставшуюся часть?» – спросила я с надеждой. «Обсуждение игр!» – сказал ребенок.

Что же делать родителям? давать или не давать детям цифровые устройства? Разрешать или не разрешать?

Во-первых, нужно признать, что ситуация объективно трудная. Она не имеет простого решения.

> Я думаю, что родительская ответственность заключается в том, чтобы сдерживать натиск технологий, пока ребенок к ним не готов. Но это временное решение.

Защитить ребенка от опасности утонуть в бурном цифровом потоке только лишь с помощью простой изоляции не получится. Скорее, нам нужно готовить его к этой встрече. Просто отменить гаджеты и жить так, как будто их нет, не получится. Кипучие воды этой реки будут с каждым годом все больше манить ребенка. И родители со временем утратят возможность сдерживать этот натиск. Значит, мы можем только отсрочить их влияние. И использовать выигранное время для развития личности ребенка. Можем дать ему возможность заниматься другими делами, в которых он может реализоваться, – футбол, робототехника, шахматы, рисование. Можем помогать ребенку социализироваться, создавать пространство для общения, учить его дружить. Можем быть рядом, вместе осваивать интернет, смотреть интересные документальные и художественные фильмы, устраивать виртуальные экскурсии в музеи, рассматривать интерактивную карту звездного неба… Словом, использовать достижение прогресса в целях развития.

Тогда проблема из плоскости «давать или не давать ребенку планшет» переходит в другую – «чем он занят, пока у него нет планшета». В младшем школьном возрасте мы еще можем физически удержать ребенка от гаджетов. Мы в состоянии минимизировать их влияние. Но тогда это время нужно использовать для формирования личностных качеств ребенка, которые послужат профилактикой зависимости.

Гаджеты – искушение для родителей

Воспитание детей, совместная деятельность с ними – это очень затратное дело для нас, взрослых. Оно требует как минимум времени, внимания, терпения.

Гаджеты являются невероятным искушением для родителей, потому что они моментально нейтрализуют детей. Те мгновенно затихают и перестают нас дергать, требовать внимания. Этот ход особенно выручает в общественных местах, как будто бы снимает проблему «плохого» поведения. В магазине, в кафе, в транспорте ребенок может делать «что-то не то», потому что он – еще маленький. Он только осваивает столь необходимый навык управления собой. А родители должны ему в этом помочь. Смартфон в руке моментально решает проблему. Но эта легкая победа таит в себе большую опасность. В этот момент не наш ребенок управляет собой и не мы, родители, помогаем ему справиться с этой задачей, а цифровой мир завладевает его вниманием. Мышцы его саморегуляции не тренируются. Безвольный и ослабленный ребенок попадает в класс, где вместо развлечений ему предлагают напряженный труд учебы. Какой может быть ответная реакция ребенка, нетрудно догадаться.

Глава 11
Путевой лист. каких результатов ожидать к концу начальной школы?

Какие навыки должны быть сформированы у ребенка к концу начальной школы?

Наконец, поговорим о том, каким будет желательный итог обучения в начальной школе. Мы остановимся на основных маячках, которые сориентируют в том, на что нужно обратить внимание.

✓ Итак, поскольку я – психолог, начну, прежде всего, с проблемы психологического благополучия и родителей, и детей.

И, наверное, благополучие первых будет даже важнее, потому что, как мы уже говорили, дети зависят от позиции и состояний родителей.

Что я имею в виду под психологическим благополучием? Речь о том, что сама мысль о школе не должна ни у кого вызывать невыносимых страданий. Бывает, что день не задался и ребенок вдруг не хочет идти в школу. Но если такое случается постоянно и настроение в будние дни по утрам портится и у родителей, и у ребенка, со школой что-то точно пошло не так. И нужно разбираться, что именно. Так не должно быть.

Кроме того, можно понаблюдать за благополучием ребенка в самой школе. Вы можете зайти в нее, когда идете встречать ребенка, или просто навестить его посреди школьного дня, чтобы посмотреть на его мимику, движения, на то, как он ходит. Детей, которые нехорошо себя чувствуют в школе, видно. Они «завернуты» в плечи, жмутся к стенам, что называется, «подпирают» их или, наоборот, истерично с визгом бегают по коридорам. У них – застывшая мимика. Если ребенку некомфортно, внимательные родители это увидят.

Еще важно, чтобы ребенок спокойно ориентировался в школе, ведь нам предстоит переход в пятый класс, что обычно сопряжено с активными передвижениями по всему зданию. Вопрос, освоено ли им школьное пространство? Сам ребенок сможет не ответить на вопрос, насколько свободно он ориентируется. У детей еще не развита рефлексия. Но вы можете просто зайти в гости и расспросить ребенка: «Слушай, а где у вас тут столовая? А кабинет географии? А где старшие занимаются? А ты к ним заходишь? Можешь провести мне экскурсию по школе?» По его ответам вы поймете, хорошо ли ребенок разбирается в школьном пространстве. Следующий вопрос: вошел ли он в пространство общения. Какой характер носят его взаимоотношения с учителями и с одноклассниками. Может ли ребенок без ужаса и

раздражения рассказать о своих педагогах и школьных товарищах. Вот, например, хороший тестовый вопрос: «Как ты думаешь, нравишься ли ты учителю или учителям? Что они о тебе думают?» Плохой признак, если ничего, кроме негативных определений, ребенок искренне назвать не может. Важно, чтобы он мог время от времени обращаться к учителю за помощью, задавать вопрос, если что-то непонятно, мог попросить о возможности исправить плохую отметку. Стоит спросить еще: «Как ты думаешь, как тебя воспринимают одноклассники?» И также послушать, как он говорит о том, какие дети учатся в его классе: выделяет ли он разных детей, может ли описать их характеры, может ли объяснить, с кем сидит, знает ли он что-то про этого ребенка. Содержательные ответы на эти вопросы дадут информацию о пространстве его общения в школе.

В общем, психологическое благополучие – обязательное, хотя и недостаточное, условие для того, чтобы школьная жизнь ребенка складывалась хорошо.

✓ Дальше мы не можем не упомянуть о сформированности основных универсальных учебных действий. Это такой специальный термин, по которому сейчас школе предписывается оценивать успешность ребенка. Потому что все, включая школьное начальство, понимают, что знания не могут являться критерием оценки ученика.

Задачу приобретения основных знаний, которые только есть в мире, никто себе не ставит, ведь все понимают ее нереалистичность. Поэтому десять лет назад было принято политическое решение формировать у ребенка универсальные учебные действия. То есть всем становится интересно не сколько знаний у ребенка, а какова его способность эти знания приобретать. То, что родители на своем языке называют умением учиться.

Формальное определение гласит, что универсальные учебные действия (УУД) – это путь достижения цели, опирающийся на культурно выработанный способ деятельности, в основании которого лежит конкретный алгоритм, порядок шагов.

На практике это может означать, например, умение находить ответ на вопрос, используя информацию, представленную в нескольких источниках. Несомненно, это умение – очень ценное. Особенно оно пригодится, когда в средней школе нужно будет уже самостоятельно делать проекты, готовить сообщения.

Наличие таких универсальных действий оценивают в четырех разных областях:

✓ личностной;

✓ коммуникативной;
✓ познавательной;
✓ регулятивной.

По замыслу управления образования, учителя начальной школы должны проводить регулярный мониторинг и отслеживать, как эти универсальные действия формируются у конкретных учеников в их классе. На основании данных этого мониторинга учителю предписывается выстраивать работу не только с классом в целом, но и с каждым учеником индивидуально. По идее, учителя должны внимательно наблюдать за учениками и заполнять дневник наблюдений. Также есть вспомогательная система тестов для отслеживания умений ученика, хотя система тестов мне лично кажется не очень надежной для оценивания степени сформированное™ действий. Но, как мы уже говорили, она проста в исполнении.

На что я, как родитель, должен обращать внимание?

Я предлагаю сосредоточиться на уже знакомых нам параметрах саморегуляции и мотивации.

Начнем с саморегуляции и посмотрим, как в обычной домашней обстановке узнать, сформировались ли у нашего выпускника младшей школы основные компоненты учебной деятельности: *планирование, исполнение и контроль.*

Как понять, как обстоят дела у вашего ребенка с *планированием*? Понаблюдайте за ним вечерком издалека, занимаясь неподалеку своими делами. Может ли он быстро понять, какие уроки он должен сделать на завтра? Раньше универсальным способом ориентирования был старый добрый дневник. В целом это хороший инструмент, но я понимаю, что сейчас он есть не во всех школах. В общем, у ребенка должен быть способ оперативно, без вашей помощи, узнать, какие уроки запланированы на завтра.

И что ему задано. Очень хорошо, если он приходит из школы с этим списком. Это добрый признак, и формирования этого навыка, поверьте, стоит добиваться. То есть в четвертом классе я бы точно не сдавала этот бастион и вкладывала бы усилия в его укрепление.

Затем, может ли ребенок приступить к заданному без больших усилий со стороны родителей, то есть желательно без напоминаний. Хорошо, когда он понимает, что это – его дела и он за них отвечает. И отвечает без лишней паники, то есть, вернувшись из школы, он не бежит тут же к своему столу. Ребенок понимает, что он может сделать уроки раньше или позже, и задержка не вызывает у него панических атак. Дальше желательно, чтобы он был в состоянии оценить объем работы на сегодня. Отличная вещь – план. И я учу детей делать план, но, в принципе, в первых классах пока еще задают не так много, можно прикинуть объем устно.

Также хорошо, если вы невзначай зададите ребенку вопрос о том, как ему кажется, сколько времени уйдет у него на выполнение задания. Он должен более-менее реалистично прикинуть свои возможности и объяснить вам, почему он так их себе представляет. Это отличный вопрос. И замечательно, если ваш ребенок умеет верно на него отвечать. То есть вы понимаете, что его оценка совпадает с практикой и ему не кажется, что уроки займут у него пять минут, в то время как в реальности он раньше

одиннадцати не заканчивает. А еще он может рассказать, почему сегодня ему потребуется столько времени, а вчера нужно было меньше или больше. Это значит, что он ориентируется во временном пространстве и может оценить объем работ.

Также хорошо, чтобы внутри этого плана (письменного или устного, неважно) он мог расставить приоритеты. На этот навык стоит обращать внимание, потому что его мы будем тренировать всю жизнь.

Ведь с каждым годом нам будут в прямом и переносном смысле задавать все больше. И если мы не в состоянии расставлять приоритеты внутри нашей жизни и определять, что нужно сделать максимально качественно, а что можно оставить на потом, то нам будет очень трудно. Пока в норме детям в четвертом классе не должны задавать так много, чтобы ребенку приходилось решать, что он сделает, а чего он не сделает, но в целом такая способность у него должна быть. Важно еще, чтобы понижение качества не вызывало у него панического ощущения, если по каким-то причинам нам нужно что-то сделать сегодня вполсилы (например, потому, что мы ездили к врачу). Расстановка приоритетов – это навык, в котором точно важен баланс.

С другой стороны, ощущение легкости бытия, которое не соответствует реальности, будет несвоевременным, когда ребенок совершенно не переживает ни по какому поводу и большинство вещей ему кажутся неважными и недостойными его внимания. «Вишенка на торте» – если он заранее может прикинуть, в чем ему нужна будет помощь или поддержка. Но если он не видит этого заранее – ничего страшного. Для четвертого класса это необязательный навык.

Нам также важно его эмоциональное благополучие в момент планирования. Это база и основа, за которой мы обязательно следим. Это значит, что необходимость садиться за уроки тоже не должна причинять ему невыносимые страдания. Хорошо бы, чтобы он не требовал присутствия родителей в этот момент и не ждал от них помощи на каждом этапе. Он может прийти к ним посоветоваться, но точно не должен командовать, чтобы мама или папа сели и расписали ему план занятий. Вообще, такой запрос к родителям – признак того, что что-то идет не так.

За этапом планирования наступает *этап исполнения*, и опять же хорошо бы, чтобы ребенок справлялся с ним сам. Если с планированием ребенок справляется успешно, то обычно с исполнением у него возникает меньше трудностей. Но многие дети проскакивают первый этап и сталкиваются со множеством проблем. Хотя тут есть одно исключение. Возможно, этап

планирования у ребенка происходит в голове. И ему не надо тратить на это много времени. Но если это так, он сможет легко ответить на вопросы, связанные с планом, и тогда не стоит беспокоиться.

Но, к сожалению, часто мы наблюдаем другую картину. Ребенок долго роется в портфеле, не может выудить оттуда какие-то разумные предметы, связанные с его деятельностью, не может начать, приступить или, начав, все бросает и куда-то убегает. Скорее всего, это – проблемы этапа планирования.

Хорошее исполнение выглядит иначе. Ребенок может делать намеченную работу, отвлекаясь, делая перерывы, но возвращаясь к ней самостоятельно. Это значит, что этот этап у него освоен хорошо. Оговорюсь, что речь идет о детях, не имеющих каких-то особенностей развития и неврологических нарушений.

Теперь наступает *этап контроля*, на который тоже стоит обращать внимание. Как мы можем проверить, все ли здесь благополучно? Хорошо бы время от времени, после того, как ребенок сделал задание, спрашивать его, все ли ему понятно, нужна ли ему какая-то помощь, как он осваивает новые темы. Или можно просто поболтать о том, что он сейчас проходит. По качеству его ответов вы поймете, как говорится, «плывет» он или «не плывет». Можно еще спросить его, например: «Если будет контрольная по этой теме, как тебе кажется, на какую оценку ты ее напишешь?» Такие вопросы тоже позволяют понять, научился ли он оценивать свои действия со стороны или нет.

Конкретные вопросы относительно этапа контроля выглядят просто. Вы открываете дневничок вместе с ребенком и смотрите, что у него там стоит.

И очень хорошо, если ребенок сможет рассказать, за что он получил те или иные оценки. И в том случае, если они отличаются от пятерки, важно, чтобы он был способен ответить, почему это произошло и что можно сделать, чтобы исправить ситуацию. Даже если в дневнике обнаружены двойки и тройки, но ребенок может объяснить эти оценки и найти способ их исправить, то ситуация некритична.

А если ребенок искренне говорит, что не знает, за что ему поставили эти оценки, и, главное, не испытывает никакого любопытства по этому вопросу, не понимает, как про это узнать и что с этим можно сделать, это значит, что один из ключевых параметров его деятельности пока не сформировался.

И нужно учить его, как с этим навыком можно работать. К концу четвертого класса ребенок должен понимать, что нужно подойти к учителю, спросить, за что он получил двойку и что ему нужно сделать для того, чтобы ее исправить. Вот этот цикл он

должен суметь пройти.

Если ребенок застревает на каком-то этапе этого цикла, нужно с разной степенью поддержки (кому-то достаточно будет рассказать, кого-то нужно взять за руку и отвести к учителю) проходить его до тех пор, пока ребенок не научится делать это самостоятельно. Я бы рекомендовала начинать с минимальной поддержки и смотреть, как ребенок ведет себя в ответ. Также можно взять в союзники учителя. И если вы сейчас осваиваете этот цикл, нужно обязательно предупредить его об этом. Потому что учитель может быть просто не в настроении и ответить, что ребенку никак нельзя исправить эту оценку. И вообще, не приставай ко мне с глупостями… Часто даже с хорошими учителями может случаться простое несовпадение. В нашем случае имеет смысл подстелить соломку, то есть связаться с учителем и объяснить, что вы сейчас осваиваете такой важный навык, и попросить его поддержки. Обычно, по моему опыту, все без исключения учителя откликаются, потому что им самим хочется, чтобы ребенок освоился в этом вопросе. Кроме клинических случаев, и тогда нужно немедленно изымать ребенка из этой среды.

Еще один важный параметр, на который имеет смысл обращать внимание, – *мотивация.* В начальной школе программа, способ ее подачи и набор предметов, к сожалению, не вполне соответствуют психологическим особенностям младших школьников. Конечно, хорошо бы, чтобы они занимались опытами, делали что-то красивое руками, так, чтобы их деятельность давала какой-то продукт, который можно показать, а еще – программировали что-то несложное. То есть хорошо бы, чтобы программа включала в себя больше разных каналов, через которые мы можем заинтересовать и замотивировать ученика к учебной деятельности. Хотя сейчас появляются разнообразные школы, разнообразные программы, и я думаю, что движение в этом направлении продолжится. Но пока реальность такова, что большинство школ героически работают по стандартным программам, и учителям, несмотря на это, удается привить детям интерес к разным видам знаний. Ваш ребенок может интересоваться не всем, что преподают в школе, и это нормально. Но важно, чтобы из всей массы знаний он стал выделять для себя что-то увлекательное, любопытное, то, о чем он хочет побольше узнать. Важно, чтобы к концу четвертого класса он обнаружил себя в образовательном процессе.

Начальный этап такого обнаружения важно пройти в младшей школе. Как можно помочь ребенку? Важно время от времени спрашивать его, зачем он учится, зачем ходит в школу,

что ему нравится, что ему не нравится? Какие предметы ему особенно интересны, о чем он хочет узнавать? Какие у него есть фантазии про будущее? Совершенно неважно, насколько они реалистичны, станет ли он доктором или программистом, но важно, чтобы периодически он задумывался о том, зачем ему это все, и мог без раздражения поддерживать с вами развернутый разговор на эту тему.

Очень хороший результат, когда ребенок в конце четвертого класса «хочет встать на цыпочки» и посмотреть, что же там, в пятом классе будет происходить. Хорошо бы, чтобы хотя бы часть предметов ему нравилась. И ребенок сам интересовался бы какими-то темами, связанными со школьными предметами. Опытные педагоги называют этот результат «обучение с увлечением». Это, пожалуй, и есть самый желанный результат пребывания в начальной школе.

Первые четыре класса наш ребенок не просто изучал какие-то предметы. Он попал в мир других отношений со взрослыми, научился в этом мире ориентироваться.

Занятия были направлены (мы надеемся, что это было так) не просто на усвоение каких-то разрозненных знаний, а на формирование системы понятий, которые должны качественно изменить способность ребенка думать.

Вот те результаты, к которым мы шли четыре года.

Об авторе

Я занимаюсь практической психологией в разных областях вот уже двадцать лет. И надеюсь, что разнообразие моего опыта обогатит книгу.

Работа в качестве школьного психолога является лишь частью моей профессиональной жизни. Первые десять лет я была организационным психологом и представляла сторону работодателей. Суть этой работы в том, чтобы видеть в компании людей. Понимать их потребности и помогать руководителям выстраивать процесс так, чтобы эти люди могли и хотели работать. То есть у меня есть довольно отчетливое профессиональное представление о том, что ждет детей в жизни после получения образования, к чему, на самом деле, их нужно готовить.

Как водится, после воцерковления я стала работать в социальных проектах и несколько лет руководила психологической службой трех детских домов: Елизаветинского, Свято-Димитриевского и Свято-Софийского. Это был невероятно важный опыт, и в профессиональном, и в человеческом плане. Мне пришлось почти каждодневно решать школьные проблемы. Ведь к нам в детские дома поступали воспитанники со сложными судьбами. И хотя проблемы с учебой были в их жизни не основными, они стояли очень остро. Так что мне довелось столкнуться с множеством детей, которые по самым разным причинам не могли и не хотели учиться. Несмотря на то что их проблемы были очень серьезными, нам удавалось справляться, ведь мы получали очень много поддержки. Во-первых, в детских

домах работала прекрасная команда разных специалистов. У нас была возможность смотреть на ребенка с разных сторон, обмениваться профессиональным мнением и принимать решение о его образовательном маршруте, имея на руках результаты диагностики нескольких экспертов. Во-вторых, мы сотрудничали с разными школами, внешними специалистами в разных областях, специализированными центрами. У меня, как у психолога, тоже была возможность повышать свою квалификацию, получать консультации и супервизии у лучших экспертов. Благодаря этим возможностям мне много раз доводилось видеть на практике, что при наличии контакта со школой и комплексной программы поддержки ребенка можно постепенно решить объективно очень сложные ситуации. А еще, именно в психологической службе детских домов мне пришлось научиться тщательно собирать информацию о ребенке еще до принятия решения о его дальнейшем будущем и искать нестандартные подходы.

Этот опыт помогает мне последние несколько лет. Сейчас я работаю психологом в православной школе и веду частный прием в Москве. Чаще всего сейчас ко мне попадают дети из очень хороших семей. Одна из главных забот их любящих родителей – это вопрос образования, с которым связано много тревог и надежд. Эта книга основана на результатах многих психологических консультаций, встреч с родителями, а еще, на моем личном опыте мамы троих детей, двое из которых пока еще школьники.

notes

Примечания

1

Деятельность – это активность, свойственная только людям. Она регулируется сознанием, порождается потребностями и направлена на познание и преобразование внешнего мира и самого человека. Деятельностью можно назвать не любую активность человека, а только такую, которой он сам придает смысл.

2

Корчак Я. Любовь к ребенку [Электронный ресурс] // Profilib. Электронная библиотека: [сайт]. URL: https://profilib.net/ chtenie/ i585i5/yanush-korchak-lyubov-k-rebenku-9.php (дата обращения: 4.08.2018).

3

Бернетт Фрэнсис. Таинственный сад [Электронный ресурс] // Libking: [сайт]. URL: https://libking.ru/books/child-/child-prose/486863-frensis-bernett-tainstvennyy-sad.html#bool< (дата обращения: 04.08.2018).

Об этом писали многие выдающиеся ученые, как зарубежные, так и отечественные: Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, Ж. Пиаже, С. Л. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович.

5

Лев Семенович Выготский (1896–1934) – советский ученый, основные труды которого входят в золотой фонд мировой психологии.

Выготский Л. С. Игра и ее роль в психологическом развитии ребенка. [Электронный ресурс] // Freedocs: [сайт]. URL: http:// www. gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Doc/Книги в формате (pdf) / Выготский Л. С. Игра и её роль в психологическом развитии ребёнка, pdf (дата обращения: 04.08.2018).

Громова О. Сахарный ребенок. [Электронный ресурс] // Libking [сайт]. URL: https://libking.ru/books/child-/child-prose/494412-2-olga-gromova-saharnyy-rebenok.html#bool< (дата обращения: 29.08.2018).

8

Даниш/1 *Борисович Эльконин* (1904–1984) – выдающийся советский психолог, автор оригинального направления в детской и педагогической психологии. Занимался психологическим развитием детей разных возрастов, психологией игры и проблемами учебной деятельности школьников. А также проблемой развития речи и обучения чтению.

9

Зеркало Гезелла названо так по фамилии известного психолога Арнольда Г езелла, который впервые проводил наблюдения за группой детей через зеркальное стекло. На его поверхность наносят тонкий слой титана или специальную пленку с разнообразными оттенками – так стекло приобретает отражающие свойства. Тот, кто находится в более темном помещении, увидит прозрачное, как окно, стекло. А в помещении с ярким светом оно будет выглядеть как обычное зеркало.

10

Александр Владимирович Запорожец (1905–1981) – выдающийся отечественный психолог. Вместе с учениками создал теорию сенсорного восприятия и умственного развития ребенка, которая помогает решать проблемы воспитания и обучения дошкольников.

11

Когнитивный диссонанс – чувство дискомфорта, которое мы испытываем в тот момент, когда делаем нечто такое, что идет вразрез с нашими устремлениями и/или убеждениями.

12

Дэниел Эллис Берлайн (1924–1976) – канадский психолог. Изучал такие виды человеческой активности, как любопытство и исследовательское поведение. Разработал теорию эпистемической любознательности, которая лежит в основе зарубежных исследований в области познавательной мотивации.

13

Ян Амос Коменский (1592–1670) – «отец педагогики», основатель научной педагогики, епископ Чешскобратской церкви, писатель, общественный деятель. Ввел классно-урочную систему обучения.

14

Джон Дьюи (1859–1952) – американский философ и педагог. Разработал теорию научного метода как инструмента успешной человеческой деятельности и достижения целей.

15

Уильям Херд Килпатрик (1871–1965) – выдающийся педагог, основоположник метода проектов. Сторонник прагматической педагогики. Ученик и последователь Дж. Дьюи. Килпатрик отвергал традиционную школу, основанную на передаче учащимся готовых знаний вне связи

с реальными запросами и жизненными потребностями детей.

16

Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871) – педагог и писатель. Основатель научной педагогики в России. Исследовал европейские педагогические подходы. Свои собственные выводы опробовал на практике в учреждениях, где преподавал.

В отличие от традиционной системы, в основу изучаемых предметов в таких школах положена система научных понятий. Отметки детям в начальной школе не ставят, учитель вместе с учениками оценивает результаты обучения на качественном уровне, что создает атмосферу психологического комфорта. Домашние задания сведены к минимуму, усвоение и закрепление учебного материала происходит на уроках.

Даниил Борисович Эльконин (1904–1984) – доктор психологических наук, профессор, выдающийся отечественный психолог, специалист в области детской психологии, автор теории периодизации психического развития.

Василий Васильевич Давыдов (1930–1998) – выдающийся российский психолог, философ, создатель психологической школы, продолжившей труды Л. С. Выготского.

18

«Школа самоопределения» – комплексное образовательное учреждение, которое ставит своей целью воспитание и обучение детей в духе свободы, развития собственной индивидуальности и личностных способов познания культуры, общества, самого себя.

19

Александр Наумович Тубельский (1940–2007) – Заслуженный учитель РФ, президент «Ассоциации демократических школ», кандидат педагогических наук. Был директором «Школы самоопределения» (шк. № 734 г. Москвы).

20

На казенном языке это называется «федеральный государственный образовательный стандарт», сокращенно ФГОС. Эта аббревиатура хорошо знакома всем, кто работает в системе образования.

21

IQ (intelligence quotient, *англ.*) – коэффициент интеллекта. Количественная оценка уровня интеллекта человека относительно среднестатистического уровня.

22

Антоний (в миру Андрей Борисович Блум, 1941–2003), митрополит Сурожский, – врач, священник Русской Православной Церкви. Был направлен на пастырское служение в Англию. Митрополит Антоний широко известен не только в Великобритании и России, но и по всему миру как выдающийся пастырь-проповедник.

Антоний, митр. Сурожский. Созерцание и деятельность. [Электронный ресурс] //Христианская психология и антропология: [сайт]. URL: http://www.xpa-spb.ru/libr/Antonij-Surozhskij/sozercanie.html (дата обращения: 8.08.2018).

24

Постановление Главного государственного врача Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 189 2.42.2821-ю «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях».

25

Регресс – движение, откат назад, возвращение на уровень раннего детства.

26

Выученная беспомощность (англ, *learned helplessness*), *или приобретенная, заученная беспомощность* – состояние человека, при котором он не предпринимает попыток к улучшению своего состояния.

Брэдбери Рэй Дуглас. Вельд [Электронный ресурс] //Лит-мир. Электронная библиотека: [сайт]. URL: https://www.litmir.me/br/?Ь = 492б&р = з (дата обращения: 17.08.2018).